

ВЕСТНИК

МГУ им. М.А.Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2012

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

1.2012

Издается с 2010 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:
www.mgou.ru

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
им. М. А. Шолохова

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

Редакционная коллегия
И.Г. Жиряков (*гл. редактор*),
А.И. Юрьев (*зам. гл. редактора*),
А.А. Орлов (*отв. секретарь*),
В.Д. Нечаев, В.И. Шерemet,
В.В. Панферова, А.В. Миронов

Электронная версия журнала:
www.mgou.ru

Содержание № 1 | 2012

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

И.В. Титов

Отечественная историография участия башкирских воинских формирований в составе русской армии в наполеоновских войнах (1806–1814 гг.) 5

Р.С. Закиров

Реакция российского общества на убийство великого князя Сергея Александровича (1905 год). 19

Т.Ю. Хаустова

Особенности медицинского обеспечения полков авиации дальнего действия в поселке Стаханово (городе Жуковский) Московской области в годы Великой Отечественной войны 26

М.Г. Агапов

«Принять эффективное участие в судьбе Палестины»: политика СССР в палестинском вопросе в 1944–1947 гг. 34

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

В.М. Запорожец

Образование государства Сельджуков в Хорасане 45

В.С. Калмыков

Герцог Бургундии Карл Смелый как военный организатор и полководец 53

С.В. Сопленков

Восточные общества и Россия в историко-философской концепции А. Смита. 62

ПОЛИТОЛОГИЯ

К.Н. Локишина

Традиции изучения основных концепций местного самоуправления в зарубежных странах 83

А.Д. Эпштейн

Борьба с экстремизмом и проблемы обеспечения свободы совести и вероисповедания в многоконфессиональной России. 91

НАШИ АВТОРЫ. 116

CONTENTS 118

ПАМЯТКА АВТОРУ 122

И.В. Титов

Отечественная историография участия башкирских воинских формирований в составе русской армии в наполеоновских войнах (1806–1814 гг.)

В данной статье проводится анализ исследований отечественных авторов, посвященных участию башкирских воинских формирований в наполеоновских войнах.

Ключевые слова: Русско-французская война 1806–1807 гг., Отечественная война 1812 г., Заграничный поход 1813–1814 гг., наполеоновские войны, башкирские полки, ополчение III округа графа П.А. Толстого, корпус М.И. Платова, П.И. Багратион, Бородинская битва, Герцогство Варшавское, Польская армия, осада Данцига, битва при Лейпциге, взятие Парижа.

Более двух столетий эпоха наполеоновских войн исследуется историками, тем не менее, существует ряд вопросов, не рассмотренных еще в полной мере. Одним из таких проблемных и актуальных, ввиду недостаточной изученности, является вопрос о военных формированиях народов многонациональной Российской Империи, об их участии в боевых действиях против наполеоновской Франции в составе русской армии.

Вместе с русским народом, составлявшим основу регулярной армии и народного ополчения, на борьбу с врагом поднялись широкие массы башкирского, татарского, калмыцкого и других народов многонациональной Российской империи. «Все племена неизмеримой России слились в одну душу и, не взирая на различие нравов, обычаев, климата, наречия, веры – доказали, что они по чувствам родные между собой... Мысли всех соединились в общем порыве – отстоять целостность государства», – так охарактеризовал это единение военный историк А.И. Михайловский-Данилевский [32, ч. 2, с. 56–57].

В 1807 г. были сформированы и отправлены в действующую армию две пятисотенные башкирские команды (включая командный состав, более 1000 человек). С 24 мая по 4 июня 1807 г. в состав корпуса М.И. Платова входили и участвовали в боях две башкирские команды под общим командованием полковника князя Уракова. В приказе по армии от 4 июня 1807 г. отмечались удачные действия командующего башкирскими командами майора 29-го егерского полка Данкеева, кантонного начальника поручика Барайгулы Куватова, сотника Карагузы Кадаргулова и Ачувака Узенбаева. Эти две башкирские команды упоминаются в военных действиях под Фридландом, при Веллау, у деревни Гросс-Егерсдорф. После подписания Тильзитского мира в июле 1807 г. башкирские команды были отправлены обратно на родину [25, с. 28].

В связи с ростом угрозы нападения наполеоновской Франции на Россию правительство предпринимает меры по увеличению численности армии и ее укреплению. В апреле 1811 г. Оренбургскому военному губернатору кн. Г.С. Волконскому было предписано сформировать два башкирских и один полк из калмыков. Они должны были иметь «употребляемое по их обыкновению оружие» и велено «им быть о двуконь». В мае 1811 г. эти полки были отправлены на зимние квартиры в Серпухов. 2 мая 1-й и 2-й Башкирские полки, при переходе их через Луцк, были лично осмотрены командующим 2-й Западной армией П.И. Багратионом [35, т. 11, с. 54–55].

Таким образом, к началу войны 1812 г. на западной границе находились: 1-й Башкирский полк (командир – майор Нарвского драгунского полка М.М. Лачин), который входил в состав казачьего корпуса Платова 1-й Западной армии, и 2-й полк (командир – майор Курбатов), входивший в состав казачьего отряда 3-й резервной армии генерала от кавалерии Торماسова.

С началом военных действий против французов 1-й полк в составе корпуса Платова прикрывал отход 2-й армии и участвовал в боевых делах при Гродно, Мире, Романове, принимал участие в сражении при Бородино.

2-й полк под командованием майора Курбатова в составе резервной обсервационной армии генерала от кавалерии Торماسова в 1812 г. участвовал в сражении под Кобрином, в боях под Слонимом и Волковыском, в декабре 1812 г., находясь в корпусе генерала Эссена, преследовал отступавшие австро-саксонские войска. Заграничный поход 2-й Башкирский полк начал в составе корпуса генерала Д.М. Волконского и 27 января 1813 г. вступил в Варшаву [13, ч. 2, с. 363].

25 июля 1812 г. Оренбургский военный губернатор кн. Волконский разослал специальное предписание всем начальникам кантонов края, которым обязал «всех верноподданных сынов России на защиту

отечества ... содействовать единодушно всеми силами противу врага России...». В этом документе есть отдельное обращение губернатора к башкирам: «всем без изъятия служащим и неслужащим, кои только могут действовать оружием, подтвердить, чтоб тотчас приготовились они на оборону своего отечества...» [34, с. 479].

Кроме того, Войсковой атаман оренбургского войска полковник Углицкий подал в Военное министерство представление о «командировании в армию из Оренбургского войска и из башкирского и мещеряцкого народов от 10-ти до 30-ти полков» [29, с. 173]. Это представление 8 августа 1812 г. было утверждено Императором, и формирование полков поручено Углицкому под общим руководством Военного губернатора Волконского [Там же, с. 182–183].

В ноябре 1812 г. в действующую армию прибывают еще 3 башкирских полка (№№ с 3-го по 5-й). Согласно документам, 5-й Башкирский действовал в авангарде войск графа Витгенштейна при продвижении к Березине. В сражении при Березине 14–16 ноября 1812 г. принимают участие 4-й и 5-й полки, затем они задействуются для конвоирования пленных в Витебск. 3-й полк под командованием капитана Исаева был также командирован в Витебск, для «содержания» порядка в городе.

В августе-сентябре 1812 г. в Оренбургском крае было сформировано еще 15 полков (№№ с 6-го по 20-й). В сентябре-октябре эти полки выступили из пунктов формирования к Нижнему Новгороду, вошли в состав Поволжского ополчения III округа генерал-лейтенанта графа П.А. Толстого и в его рядах участвовали в Заграничном походе. В феврале 1813 г. почти все полки под командованием графа П.А. Толстого получили приказ следовать в герцогство Варшавское в состав Резервной армии. В 1813–14 гг. Башкирские полки обеспечивали действия ополчений, участвовали в осаде крепостей Данциг, Глогау, Гамбург, Дрезден и др., охраняли коммуникации, исполняли функции военной полиции за границей и в пределах России. Несколько полков и отдельные команды башкир дошли до Франции. После окончания военных действий полки вернулись на родину и были расформированы.

Начало историографии участия башкир в войне 1806–1807 гг. было положено современниками и участниками этих событий. В 1810 г. в Санкт-Петербурге была опубликована работа офицера Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, впоследствии генерал-майор П.А. Чуйкевича, под названием «Подвиги казаков в Пруссии», в которой он подробно описал действия башкирской кавалерии. В основу этой книги был положен «Журнал», который П.А. Чуйкевич вел, находясь в составе корпуса М.И. Платова [44].

В том же 1810 г. издается книга английского офицера Р. Вильсона, находившегося при русской армии в качестве наблюдателя. Он описал действия башкир в бою 4 июня 1807 г. и отметил, что они «с большим эффектом атаковали отряды врага, захватив пленных» [50, р. 40–41].

В 1839 г. Д.В. Давыдов опубликовал свои воспоминания «Тильзит в 1807 году», в которых достаточно негативно описывает сам факт использования иррегулярной кавалерии, имевшей средневековые луки и стрелы против современной европейской армии [18, с. 294–296].

В официальной историографии факт удачного участия башкир в бою с наполеоновской кавалерией под Тильзитом отразил А.И. Михайловский-Данилевский [31, с. 343–344].

Не будет преувеличением отметить, что до начала XX в. научное изучение военной истории традиционно проводилось генералами и офицерами российской армии. Немыслимо говорить о развитии историографии темы без широко известных сочинений и документальных публикаций Д.И. Ахшарумова [5], Д.П. Бутурлина [13], А.И. Михайловского-Данилевского [30–33], М.И. Богдановича [8–10].

Ведущее положение, которое на протяжении почти целого столетия занимали военные историки в историографии наполеоновских войн, закономерно и имеет объяснение. Ведь основной массив документации долгое время оставался несистематизированным и частично засекреченным. Поэтому для вневедомственных ученых доступ в военные архивы фактически оказался закрытым.

Несмотря на большую работу, проделанную военными историками, необходимо, к сожалению, отметить, что в их исследованиях мы крайне мало можем почерпнуть сведений о боевом пути и истории башкирских полков. В лучшем случае имеются лишь краткие упоминания о существовании частей, сформированных из башкир, в худшем – о них вообще замалчивается, и их боевой путь прослеживается лишь в контексте истории иррегулярных воинских формирований казачьего войска.

Этим же недостатком страдает изданный в семи томах в 1911–1912 гг. коллективный труд «Отечественная война и русское общество» под редакцией А.К. Джигелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты [36]. Эту книгу, подготовленную к столетию войны 1812 г., по праву можно считать высшим достижением русской дореволюционной историографии 1812 г., но и здесь мы можем найти лишь краткие и отрывочные сведения по интересующим нас формированиям. Так, например, в статье В.И. Семевского «Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войною», помещенной в 5-м томе, упоминается некий башкирский полк (6-й Башкирский. – *И.Т.*), участвовавший в подавлении кре-

стьянских восстаний в Вологодской и Новгородской губерниях [36, т. 5, с. 74–113]. Более никаких сведений о башкирских полках в этом издании не встречается.

Такова ситуация с общими работами. Обратимся к работам, посвященным истории русской армии. Из наиболее значительных дореволюционных исследований по истории армии необходимо назвать труды В. Броневского «История Донского войска» [11], А. Висковатова «Хроника Российской императорской армии» [12], П.А. Иванова «Состав и устройство регулярной русской кавалерии с 1700 по 1864 год» [22], С. Маркова «История конницы» [27], Г.С. Габаева «Роспись русским полкам 1812 года» [17], В.Х. Казина «Казачьи войска» [23], Д. Денисона «История конницы» [19]. В этих исследованиях содержится большое количество фактического материала об участии русской кавалерии в наполеоновских войнах, но, т.к. целью этих авторов не являлась непосредственно история башкирских полков, то сведения о них имеют эпизодический характер. В этой связи указанные работы не вносят существенных дополнений в изучение истории военной службы башкир в период наполеоновских войн.

Таким образом, в общих трудах дореволюционных исследователей, посвященных участию России в наполеоновских войнах, а также в работах по истории русской армии и кавалерии – в частности, прослеживается общая тенденция к рассмотрению действий иррегулярных казачьих войск в совокупности, не выделяя башкирские формирования из общего количества донских, оренбургских, уральских и других казачьих полков. По этой причине в рассматриваемых работах мы можем найти лишь разрозненные сведения о башкирских полках, что, конечно же, затрудняет установление специфики участия данных формирований в войнах рассматриваемого периода.

Тем не менее, своими работами эти авторы заложили основательный фундамент для последующих исследователей. Они выявили, обработали и ввели в научный оборот огромное количество документальных материалов, содержащих различные сведения о русской армии, расписаниях войск на разных этапах военных действий, данных о составе, численности, передвижениях, боевых действиях как основных сил, так и отдельных осадных корпусов и армейских партизанских отрядов. Благодаря детальному описанию хода военных действий и расписаниям участвующих в этих операциях подразделений русской армии, мы получаем возможность выявить эпизодические сведения, свидетельствующие о присутствии интересующих нас формирований в тех или иных боях. Изучение этих косвенных фактов в тесной связи с анализом действий

русской регулярной армии позволяет сделать первые шаги в изучении указанной проблемы.

Большую роль в расширении источниковой базы сыграли публикации архивных материалов и мемуаров на страницах периодической печати XIX в. Но систематическое и сравнительно полное обнародование документов было предпринято спустя 90–100 лет после войны и связано с приближавшимся 100-летним юбилеем. Большую работу проделал П.И. Щукин, издавший «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г.» [12]. С 1900 по 1917 гг. по инициативе А.З. Мышлаевского был напечатан 21 том документов и материалов под общим названием «Отечественная война 1812 года» [35] и 3 тома под названием «Война 1813 г.» [16]. В этот же период были опубликованы «Акты, документы и материалы для истории 1812 г.», собранные и подготовленные к изданию К.А. Военским [15].

Обширный фактический материал о русской армии, ее организации, управлении, комплектовании содержится в многотомном издании «Столетие военного министерства» [45]. В этом юбилейном издании, носящем официальный характер, детально рассматривается содержание указов и других законодательных актов, касающихся разных сторон деятельности военного ведомства. В исторических очерках, посвященных различным управлениям военного министерства, многие документы приводятся почти полностью. В 11 томе этого обширного издания рассматривается организация, управление, комплектование, вооружение и боевая подготовка иррегулярных казачьих войск (в том числе и башкирских формирований) в период войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг. В общей сложности к 100-летию юбилею было издано около 70 томов документов и материалов, в которых можно обнаружить сведения о башкирских полках.

В работе М.Л. Юдина «Оренбуржцы в войнах 1812–1814 годов» [49], рассматривается организация, управление, комплектование, вооружение и боевая подготовка башкирских полков в период войны 1812 года и Заграничного похода 1813–1814 гг. Автор приводит некоторые данные об участии башкирских полков в Бородинском сражении и их действий в составе партизанских отрядов. К сожалению, изложенная в книге М.Л. Юдина хронология боевых действий башкирских полков содержит много пробелов. К недостаткам данной работы нужно отнести отсутствие обзора литературы и источников, использованных автором.

Первая мировая война, революция и последовавшая за ней гражданская война прервали изучение проблемы участия башкирских полков в период войн России с наполеоновской Францией.

Некоторый сдвиг происходит благодаря исследованиям советских историков. В работах П. А. Жилина [20], Л. Г. Бескровного [6], Л. П. Богданова [7] рассматривается организация, управление, комплектование, вооружение и боевая подготовка русской армии в период наполеоновских войн. Большой интерес советских историков вызывала проблема роли народных масс в партизанском движении и ополчениях. В этих исследованиях встречаются сведения о боевых действиях башкирских полков в тех или иных военных операциях. Изучение этих сюжетов в тесной связи с анализом действий русской регулярной армии позволяет сделать первые шаги в решении важного вопроса о роли различных национальностей, населявших Россию, в борьбе с наполеоновским нашествием. В связи с этим нет необходимости специально анализировать эти труды, но важно отметить, что созданная ими целостная картина событий 1812 г. и Заграничного похода дает важный материал по нашей теме.

Вплоть до начала 1940-х гг. проблема башкирских формирований не являлась предметом специальных исследований советских историков. Начало целеустремленного изучения было положено историками Башкирии. В 1943 г. выходит книга Р.М. Раимова «Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года», в которой сделана попытка дать обобщающую характеристику боевых традиций башкирского народа, выяснить его роль в Отечественной войне 1812 г. Автор указывает общее количество полков, сформированных в Башкирии, приводит отдельные эпизоды непосредственного участия башкирских конников в боевых операциях, затрагивает вопрос об отражении событий 1812 г. в народных песнях и легендах башкир. Отмечается участие башкирских полков в крупных операциях 1813–1814 гг. (Данциг, Лейпциг, Веймар, Глогау, Шатобриан, Париж) [38].

Существенный сдвиг в исследовании интересующей нас темы обозначился в связи с выходом в свет «Очерков по истории Башкирской АССР» [37]. В первой главе этого коллективного труда имеется отдельный параграф «Участие народов Башкирии в Отечественной войне 1812 г. Боевая деятельность башкирского войска в первой половине XIX в.». Д.М. Рабинович, автор указанной главы, дал по необходимости краткий очерк о формировании башкирских полков и их участии в войне 1806–1807 гг., Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–14 гг. Автор сделал попытку проследить боевой путь указанных полков, включенных в состав различных соединений русской армии. Однако попытку эту нельзя признать удачной. 1812 год, отмеченный боевыми делами 1-го и 2-го Башкирских полков, почти полностью выпал из поля зрения автора. Очень бегло отмечено участие этих иррегулярных соединений в военных действиях 1813–1814 гг.

В 1962 г. вышла в свет книга П.Е. Матвиевского [28], представляющая собой ряд тематически связанных самостоятельных очерков. Книгу П.Е. Матвиевского по праву следует считать первым крупным исследованием участия башкирского народа в борьбе с наполеоновской Францией.

Особый интерес для нашей темы представляет пятый очерк книги – «Нерусские народы края и их национальные полки». Проведенный П.Е. Матвиевским анализ архивных материалов дает ценные сведения о мобилизации на войну людских и материальных ресурсов. Особое внимание автор уделил формированию национальных полков из состава нерегулярных пограничных сил края (башкирских, тептярских и мишарских).

Шестой очерк – «Казачьи и национальные полки края в Отечественной войне и Заграничном походе», – материалы для которого автор почерпнул из ранее опубликованных источников, также мало способствует воссозданию цельной картины боевых действий указанных соединений. В первую очередь, это касается именно башкирских полков, боевой путь которых, по словам автора, «иногда вовсе не поддается учету», т.к. они действовали главным образом в одних соединениях с русскими казачьими и кавалерийскими полками и в официальных документах регистрировались под общим наименованием казачьих полков.

Тем не менее, П.Е. Матвиевскому удалось отметить ряд операций башкирских полков как в Отечественной войне 1812 г., так и в Заграничном походе 1813–1814 гг. (бой у Молева Болота, участие башкир в партизанских партиях и контрнаступлении, в осаде Данцига, Лейпцигской битве и ряде других боев и сражений).

В 1964 г. вышла в свет книга А.Н. Усманова «Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года» [48], первый опыт обобщающего исследования вопроса об участии башкирского народа в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе русской армии в 1813–1814 гг. Автор собрал и обработал обширный документальный материал, извлеченный как из печатных, так и неизданных архивных источников.

Усманов кратко остановился также на характеристике сторожевой службы башкир и мишарей, превращении их в военное сословие со времени введения кантонной системы управления. Охрана восточных границ Русского государства, возложенная на иррегулярные соединения башкир, закрепляла их боевые традиции.

Детальное изучение источников позволило А.Н. Усманову дать цельную, по сравнению с предшественниками, картину участия конников Башкирии в период отступления русской армии в 1812 г. Автор удачно вписал действия башкирских конно-казачьих полков в ряд военных операций, которые проводило командование русской армии на первом этапе

войны, арьергардные бои под Вильно, Гродно, сражение под Миром 27 июня и др. Существенный интерес в книге А. Н. Усманова представляют сведения об участии башкирских полков в действиях партизанских отрядов Ефремова и Кудашева (1-й Башкирский полк) под Москвой.

Серьезное внимание в книге А.Н. Усманова уделено вопросу формирования новых башкирских национальных полков на основе указа от 8 августа 1812 г. Автор подробно рассмотрел предписанные правительственными и губернскими властями условия формирования национальных казачьих полков, их внутреннюю структуру, а также особенности применяемой ими тактики. Уточняя данные своих предшественников, автор пришел к выводу, что в Башкирии для борьбы с наполеоновской Францией было сформировано 28 башкирских полков.

Несомненной удачей А.Н. Усманова является раздел, посвященный действиям башкирских воинов в Заграничном походе русской армии в 1813–1814 гг. Изучение документов позволило автору установить участие целого ряда башкирских полков, разбросанных по различным соединениям русской армии, в крупнейших сражениях на полях Европы, в осаде и взятии ряда крепостей, гарнизонной службе, конвоировании пленных.

Автор ввел в научный оборот новые данные об активном участии башкирских конников в осаде Данцига, участии 1-го Башкирского полка в ряде сражений на территории Германии, в осаде крепости Глогау (8-й, 12-й, 13-й и 16-й Башкирские полки), в Лейпцигской битве (1-й, 4-й, 5-й, 9-й и 14-й Башкирские полки), в осаде Дрездена (2-й, 13-й, 15-й, а после Лейпцигской битвы – также 1-й, 4-й, 5-й и 14-й Башкирские полки), в блокаде и взятии Гамбурга, во взятии Берлина.

Серьезным недостатком работы А.Н. Усманова является отсутствие обзора источников и литературы, что необходимо, т.к. автором привлекается ряд малоизвестных источников, а также архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот. Состояние историографии данного вопроса на сегодняшний день позволяет выявить ряд ошибок, допущенных А.Н. Усмановым: не соответствуют действительности данные о количестве полков, сформированных в Башкирии, далеко не все полки, указанные автором, действительно вошли в Париж, хронология боевых действий содержит много пробелов. Но, несмотря на ряд недостатков и ошибочных выводов, работа Усманова является краеугольным камнем, заложенным в фундамент дальнейших исследований по данной теме.

В 1968 г. была опубликована статья А.З. Асфандиярова «Введение кantonной системы управления в Башкирии» [2]. Помимо общих вопросов, связанных с переводом башкир и мишарей в военно-казачье сословие,

в статье содержатся некоторые дополнительные факты, свидетельствующие о патриотическом подъеме башкирского народа в 1812 г., героизме, проявленном на полях сражений. Автор приводит сведения о вступлении в Париж не только 2-го, 12-го, 13-го, 14-го и 15-го полков, что было ошибочно отмечено А. Н. Усмановым, но и добавляет 1-й, 5-й, 8-й, 9-й полки, что также является заблуждением.

В дальнейшем А.З. Асфандияров углубил свои изыскания в работе «Участие башкир в войнах и походах России в период кантонного управления (1798–1865 гг.)» [3]. Возвращаясь к рассматриваемой теме, автор дополнил свою работу свежими фактами по формированию башкирских полков, а также проследил их боевой путь на протяжении 1812–1814 гг.

К сожалению, после этого долгое время никаких исследований, посвященных башкирским формированиям, не публикуется. Лишь к 180-летию Отечественной войны 1812 года, в 1992 г. в издании «Краеведческий альманах. Отечество» публикуется статья военных историков В. Артамонова и А. Васильева об истории инонациональных формирований в русской армии в XV–XX вв. [1]. Эта статья является кратким обзорным очерком, в котором рассматривается ряд вопросов, представляющих интерес для нашего исследования. Здесь довольно подробно рассматриваются причины и обстоятельства, побудившие правительство к созданию данных формирований, дается их краткая характеристика и прослеживается их участие в военных действиях, которые вела Россия за этот период.

В том же 1992 г. издается сборник статей под редакцией А.З. Асфандиярова «Любезные вы мои...» [26], в котором коллектив авторов рассматривает участие полков, сформированных в разное время на территории Башкирии, в войнах интересующего нас периода.

В этом сборнике публикуется статья Р.Н. Рахимова о Тептярских полках, о которых не до, не после этого никаких специальных исследований не выходило. Используя большое количество архивных материалов и опубликованных документов, автор достаточно подробно воссоздает историю создания данных полков, рассматривает структуру, численность и их участие в боевых действиях в период 1812–1814 гг. Развивая данную тему, автор публикует в 2008 г. монографию, посвященную истории тептярских полков.

Не менее пристальное внимание Р.Н. Рахимов уделяет истории участия башкирских полков в наполеоновских войнах. Им опубликовано более двух десятков статей, в которых предпринимаются попытки комплексной разработки темы в тесной взаимосвязи событий, происходивших

в рассматриваемый период. Автор открывает, подвергает анализу и вводит в научный оборот новые документы по исследуемой проблеме, ранее остававшиеся вне поля зрения ученых.

Помимо этого, Р.Н. Рахимов многопланово использует воспоминания современников и участников событий, позволяющие глубже понять роль башкирских воинских формирований в данный период. В своих работах Р.Н. Рахимов затрагивает ряд дискуссионных проблем и рассматривает их различное историографическое толкование. Руководствуясь принципами научной объективности и достоверности, автор обеспечивает реалистический подход к анализу суждений по конкретным аспектам рассматриваемой темы, свободной от конъюнктуры и политико-идеологических настроений [39–43].

В 2000 г. в Уфе издается книга С.Г. Асфатулина «Северные амуры в Отечественной войне 1812 года» [4], представляющая собой беззастенчивый плагиат монографии А.Н. Усманова «Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года» [48]. В 2007 г. С.Г. Асфатулин публикует еще один «труд», скомпонованный из работ А.Н. Усманова, А.З. Асфандиярова, Р.Н. Рахимова, без какого-либо разрешения авторов и не ссылаясь на их работы. Учитывая сказанное, проводить анализ этих «опусов» не имеет смысла.

В 2008 г. публикуется статья В.А. Кузнецова «Участие башкир и мещеряков в войнах с наполеоновской Францией» [25]. Статья не несет новой информации, т.к. автор приводит ранее известные факты, рассмотренные в работах предыдущих исследователей. Не выдерживают никакой критики выводы В.А. Кузнецова о вступлении в Париж 2-го, 12-го, 13-го и 15-го Башкирских полков.

Давно введенные в научный оборот документы свидетельствуют о том, что 2-й Башкирский полк с 9 ноября 1813 г. и до окончания военных действий находился в ведении генерал-полицмейстера Ф.Ф. Эртеля и нес дорожно-комендантскую службу на военной дороге, ведущей из г. Прага к Главной армии.

12-й и 13-й Башкирские полки с 15 августа 1813 г. включены в корпус войск под начальством генерал-лейтенанта И.К. Розена, предназначенных для блокады крепости Глогау, вплоть до ее сдачи 30 марта 1814 г.

15-й Башкирский полк 12 декабря 1813 г. прибыл к Гамбургу и состоял в составе блокадного корпуса до окончания осады. 18 июля 1814 г. полк выступил из-под Гамбурга в Оренбургскую губернию [9, т. 2, с. 195; 10, т. 2, с. 243–247, 461–462; 21, с. 9, 37–39, 126]. Учитывая вышеизложенное, напрашивается вывод о некомпетентности В.А. Кузнецова в данном вопросе.

Существенным подспорьем для дальнейшего изучения данной темы является статья С.Е. Калинина [23]. Автор обобщает уже известные и приводит новые данные об участии башкирских полков в боях и сражениях Отечественной войны и Заграничного похода русской армии. В статье рассматриваются вопросы организации и управления, воинской повинности, обмундирования и вооружения Башкиро-Мещерякского войска. Скрупулезное изучение источников и малоизвестных документов позволило автору коротко, в рамках статьи, проследить боевой путь башкирских полков со времени их выступления в поход и до возвращения на родину. Несомненной удачей С.Е. Калинина является находка документов о вступлении в Париж в марте 1814 г. двух команд от 4-го и 5-го Башкирских полков, состоящих в конвое главных квартир генерала от кавалерии графа П.Х. Витгенштейна и генерала от инфантерии М.Б. Баркляя де Толли.

К некоторым вопросам истории башкирских полков обращался и автор данной статьи. В двух статьях, опубликованных в журнале «Восточный архив», нами была предпринята попытка восполнить имеющиеся пробелы и осветить некоторые, ранее не рассмотренные исследователями, аспекты боевого и не боевого применения 6-го, 7-го, 8-го, 9-го, 10-го, 11-го, 17-го, 18-го, 19-го и 20-го Башкирских полков [46–47].

В заключение историографического обзора можно сделать вывод: проделана значительная исследовательская работа, но в целом, проблема, являвшаяся объектом научного изучения достаточно долгое время, все еще не получила всестороннего исследования. Необходимо отметить, что в тех работах, которыми мы располагаем на сегодняшний день, имеется большое количество лакун, отсутствует оценка боевых возможностей башкирской кавалерии, успехов и недостатков тактики ее применения, недостаточно полно отражены вопросы формирования, комплектования, снабжения. Часть публикаций носит поверхностный характер, в отдельных дается лишь популярное изложение хорошо уже известных фактов и событий. Учитывая указанные недостатки, вопрос участия башкирских воинских формирований в наполеоновских войнах со всей очевидностью указывает на необходимость дальнейшего и более углубленного исследования.

Библиографический список

1. Артамонов В., Васильев А. Национальные воинские формирования в русской армии XV–XX веков // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 3. М., 1992. С. 97–133.
2. Асфандияров А. З. Введение кантонной системы управления в Башкирии. // Из истории Башкирии / Под ред. А.З. Асфандиярова. Уфа, 1968.

3. Асфандияров А.З. Участие башкир в войнах и походах России в период кантонного управления (1798–1865 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии / Под ред. А.З. Асфандиярова. Уфа, 1971. С. 75–78.
4. Асфатулин С.Г. Северные амуры в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 2000.
5. Ахшарумов Д.И. Описание войны 1812 г. СПб., 1819.
6. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973.
7. Богданов Л.П. Русская армия в 1812 г. М., 1979.
8. Богданович М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. Т. I–II. СПб., 1863.
9. Богданович М.И. История войны 1814 года и низложение Наполеона. Т. I–II. СПб., 1865.
10. Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. I–III. СПб., 1860.
11. Броневский В. История Донского войска. Ч. 1–4. СПб., 1834.
12. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. / Сост. П.И. Щукин. Ч. 1–10. М., 1897–1908.
13. Бутурлин Д.П. История нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. 1–2. СПб., 1837.
14. Висковатов А. Хроника Российской императорской армии. Ч. 1–18. СПб., 1837–1852.
15. Военский К. Акты, документы и материалы для истории 1812 г. СПб., 1909–1912.
16. Война 1813 г.: В 3 т. СПб.-Пг., 1914–1917.
17. Габаев Г.С. Роспись русским полкам 1812 года. Киев, 1912.
18. Давыдов Д. В. Соч. в трех томах. СПб., 1839. Т. 1.
19. Денисон Дж. История конницы / Примеч. Брикса. СПб., 1897.
20. Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968.
21. Журнал военных действий Польской армии, под начальством генерала от кавалерии графа Беннигсена, от выступления ее из Варшавы до окончания военных действий в 1813 и 1814 годах // Военный журнал. 1837. № VI.
22. Иванов П.А. Состав и устройство регулярной русской кавалерии с 1700 по 1864 год. СПб., 1864.
23. Казачьи войска. Хроника / Сост. Казин В.Х.; Под ред. Шенка В.К. СПб., 1912.
24. Калинин С.Е. Башкиро-Мещерякское войско в 1812–1814 гг. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kalinin_05.pdf (дата обращения: 10.09.2011).
25. Кузнецов В.А. Участие башкир и мещеряков в войнах с наполеоновской Францией // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 15 (116). С. 28–38.
26. «Любезные вы мои...»: Сб. ст. / Под ред. Асфандиярова А.З. Уфа, 1992.
27. Марков С. История конницы. Ч. 1–5. Тверь, 1888.
28. Мартиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Исторический очерк. Оренбург, 1962.
29. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 8. Оренбург, 1909.
30. Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 г. СПб., 1840.

31. Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806–1807 гг. СПб., 1846.
32. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. Ч. 1–4. СПб., 1839.
33. Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Францию в 1814 году. СПб., 1841.
34. Народное ополчение в отечественной войне 1812 года: Сб. док. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962.
35. Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. В 21 т. СПб., 1900–1914.
36. Отечественная война и русское общество / Под ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. Т. 1–7. М., 1911–12.
37. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959.
38. Раимов Р.М. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1943.
39. Рахимов Р.Н. Башкирская конница под Тильзитом: Краткая встреча – долгое эхо. (К проблеме участия иррегулярной кавалерии в наполеоновских войнах) // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора): Материалы международной науч. конференции. С.-Петербург, декабрь 2007 г. СПб., 2008. С. 184–187.
40. Рахимов Р.Н. Башкирские полки в 1812–1814 годах: некоторые вопросы истории // Ватандаш. 2010. № 12. С. 34–38.
41. Рахимов Р.Н. Башкирские полки в 1812 году в современной историографии: от мифов к истории // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы / Сост. А.В. Горбунов. Можайск. 2009. С. 246–254.
42. Рахимов Р.Н. Башкирские полки в 1812 году: спор о цифре // Археография Южного Урала: Материалы VIII Межрегиональной научн.-практ. конференции. Уфа. 2008. С. 149–154.
43. Рахимов Р.Н. Отечественная война 1812 г. в современном сознании // Ватандаш. 2000. № 3. С. 150–155.
44. Рахимов Р.Н. «Северные амуры» – первая встреча: башкирская конница под Тильзитом // Ватандаш. 2009. № 7. С. 28–35.
45. Столетие Военного министерства, 1802–1902. В 13 т. СПб., 1902.
46. Титов И.В. Мусульманские воинские формирования в русской армии в эпоху наполеоновских войн // Восточный архив. 2005. № 13. С. 38–44.
47. Титов И.В. Мусульманские воинские формирования в составе «Польской» армии генерала-от-кавалерии Л.Л. Беннигсена в 1813 г. // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 35–41.
48. Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964.
49. Юдин М.Л. Оренбуржцы в войнах 1812–1814 годов. Ташкент, 1912.
50. Wilson R. Brief remarks on the character and composition of Russian army and sketch of the campaigns in Poland in the years 1806 and 1807. London, 1810.

Р.С. Закиров

Реакция российского общества на убийство великого князя Сергея Александровича (1905 год)

На основе анализа мемуаров, неизданных архивных данных (в т.ч. архивов Департамента Полиции), а также листовок и материалов периодической печати, изданных после убийства эсером И.П. Каляевым великого князя Сергея Александровича 4 февраля 1905 г., показывается отношение различных слоев российского общества к царскому режиму. Обосновывается тезис об отсутствии массовой поддержки царского режима в 1905 г.

Ключевые слова: эсеры, терроризм, И.П. Каляев, покушение, великий князь Сергей Александрович.

4 февраля 1905 г. на Сенатской площади в московском Кремле от взрыва бомбы погиб великий князь Сергей Александрович Романов (дядя царя Николая II), который незадолго до гибели был московским генерал-губернатором и командующим войсками Московского военного округа.

Хотя его должности были формальными, по мнению москвичей, он являлся серым кардиналом империи [8, с. 22–23], а Москва при нем считалась великим княжеством со своими порядками, на которые центральная власть не распространялась [4, с. 114].

Бомбу бросил член Боевой организации Партии социалистов-революционеров И.П. Каляев. После взрыва он остался жив и сдался полиции. После суда и казни И.П. Каляев стал одной из икон революционного движения наряду с народовольцами, Егором Сазоновым и Марией Спиридоновой.

Однако само по себе устранение одного из реакционных государственных чиновников не было самоцелью для эсеров. Каждый удавшийся террористический акт являлся мощным средством наглядной пропаганды, вносил смуту и растерянность в верхи и служил средством революционизации масс, тем более если жертвой террористов стала личность такого масштаба. Поэтому вопрос о том, как общество восприняло убийство эсера великого князя, заслуживает отдельного исследования.

Реакция российского общества на гибель великого князя Сергея Александровича была скорее одобрительной. Разумеется, консервативные газеты по своему обыкновению разразились проклятиями в адрес

революционеров, но даже они признавали, что его гибель – тревожный знак. От революции консервативная пресса призывала оградиться посредством сплочения русского народа перед лицом внешнего и внутреннего врага. Прогрессивные газеты, в свою очередь, указывая на угрожающую для России ситуацию, призывали правительство к разумным уступкам.

Все соглашались, что бомба, брошенная Каляевым, нанесла тяжелую рану самодержавию. Даже черносотенная газета «Русское дело» вынуждена была признать, что после события 4 февраля «ртуть на нашем революционном термометре сделала сразу большой скачок вверх... все, что находится в духовном единении с революцией, все, что жаждет ниспровержения существующего строя, подняло голову как никогда, и громко торжествует победу» [20, с. 1–2].

«Московские Ведомости» считали даже, что «нельзя не признать, что даже по сравнению с террором, предшествовавшим катастрофе 1 марта (1881 г. – *Р.З.*), мы значительно пошли вперед», напоминая, что ранее революционеры казнили лишь действующих чиновников, а теперь отставка великого князя не спасла его от гибели [16, с. 35].

Революционеры были в этом вполне солидарны с охранителями: в одной из листовок, посвященных событию 4 февраля, эсеры, обращаясь к тем самым «рабочим и крестьянам», находящимся в духовном единении с революцией, не скрывали радости: «празднуйте победу над расшатанным, колеблющимся самодержавием» [9, д. 25461]. Особое удовлетворение революционеров вызывал тот факт, что великий князь был убит непосредственно в Кремле, в сердце и символе охранительства и самодержавия, и многочисленная охрана не смогла защитить и спасти его [10, д. 16864].

Восторженно-ликующие прокламации по этому поводу выпустили все комитеты Партии социалистов-революционеров. Московский комитет ПСР припомнил, что еще недавно, 4 декабря 1904 г., во время избития демонстрантов великий князь «смеялся над истерзанными по его приказанию гражданами, он смеялся над предостережением революционеров... Теперь он не смеется больше» [11, д. 17344]. Это издание Московского комитета ПСР было переиздано региональными комитетами не менее 4 раз, а о тиражах этих листовок можно судить по тому, что даже не самый материально обеспеченный Северо-Западный областной комитет ПСР выпустил свою листовку тиражом 20 тыс. экземпляров [12, д. 16730]. Тиражи же Московского, Петербургского и Центрального комитетов партии эсеров, видимо, были на порядок больше. Извещения об убийстве великого князя рассылались по почте в огромных

количествах, а впоследствии даже выпускались открытки с изображением Каляева. Таким образом, региональные эсеровские организации, печатавшие прокламации по поводу события 4 февраля, и центральные эсеровские органы, рассылавшие по всей стране извещения о нем, были уверены, что это событие вызовет всероссийский интерес.

В свою очередь, та же газета «Московские Ведомости» делает меткое наблюдение, что после целого ряда политических убийств «наконец в Кремле зверски убивают Великого Князя и вместо грозы, вместо праведного грома из правительственного центра – опять ничего» [20, с. 3].

Действительно, власть фактически молчала. 6 февраля в Москву приехал, правда, обер-прокурор дисциплинарного присутствия сената Е.Б. Васильев с чиновниками «для выяснения степени ответственности в данном происшествии лиц, которые обязаны были охранять особу великого князя» [17, с. 2], но никаких сообщений о деятельности этой комиссии ни в архивах, ни в прессе автору статьи обнаружить не удалось.

Интересно, что эсеры считали убийство великого князя и вообще террористические акты своеобразной судебной альтернативой. В одной из листовок указано, что Сипягин, Плеве, Богданович казнены, «так как в нашем царстве нет другой управы на сильных, да богатых: делают они с разрешения царя – что хотят» [11, д. 13744]. В другой листовке автор высказывается еще более определенно: «И не ищи управы на насильников (над народом. – *Р.З.*) в суде – и суд на службе у правительства, за золото продал ему он совесть свою и кто богат, да власть имеет и царю угоден, тот и прав у него. Да только и помимо царских судов нашлась управа на насильников» [Там же, д. 19101].

Таким образом, реакция революционеров на это событие вполне определена и понятна. Как встретила гибель великого князя интеллигенция, ясно видно из дневника С.Р. Минцлова: «Петербуржцы не только радуются, но и поздравляют друг друга с этим убийством. Славную репутацию заслужил покойник!

Выпущен Высочайший Манифест, по обычаю высокопарно надутый и приглашающий всех соединиться в молитве за упокой души Сергея и высказывающий уверенность, что вся Россия разделяет скорбь царствующего дома – словом, обычная белиберда в этом роде... Люди радуются, а их скорбеть зовут!» [2, с. 498–499].

Его точку зрения разделяет присяжный поверенный М.Л. Мандельштам: «Лишнее говорить, что убийство столпа и вдохновителя реакции, одного из самых злобных и тупых великих князей, кулака и эксплуататора крестьян, и притом “дяди и друга государя”, произвело на общество потрясающее впечатление» [14, с. 238].

После того, как М.Л. Мандельштам прочел на собрании в училище Фидлера доклад о процессе Каляева, ему передали большую сумму денег, собранную для матери Каляева московской интеллигенцией [14, с. 249].

В листовке Смоленского Рабочего Союза Партии социалистов-революционеров, выпущенной по поводу казни Каляева в мае 1905 г., говорится, что «после его (великого князя. – *Р.З.*) смерти не нашлось ни одного русского гражданина, который бы его пожалел. Все радовались, что одним негодяем стало меньше» [13, д. 22034].

Примечателен тот факт, что 28 февраля 1905 г. усадьбу великого князя, находившуюся в Дмитровском уезде Орловской губернии, разгромили и сожгли крестьяне окрестных деревень. Были разграблены завод, дом, нанесены побои управляющему имением [17, л. 74 об.].

Студенчество встретило убийство великого князя Сергея Александровича едва ли не с восторгом. 5 февраля в Демидовском юридическом лицее в Ярославле на сходке убийство великого князя Сергея Александровича было почтено вставанием [Там же, л. 83 об.]; в городе Юрьеве студенты-певчие отказались петь на панихиде по нему [Там же, л. 60 об.]; а студенты Московского технического училища 5 февраля на своей сходке большинством в 718 голосов против 103 при 48 воздержавшихся приняли следующую резолюцию: «Студенты М.Т.У. ... выражают чувство удовлетворения по поводу казни злодея, Великого князя Сергея Александровича. Слава герою, казнившему его!»¹ [11, д. 22838].

Согласно данным директора департамента полиции А.А. Лопухина, только часть рабочих проявляла какое-то сочувствие великому князю, служа панихиды и устроив сбор средств. Реакцию интеллигенции Лопухин определил как «ликование», указывая, что в учебных заведениях известие о гибели великого князя встречали аплодисментами. Он особенно отметил тот факт, что дворянство и земцы внешне спокойны, но

¹ Интересно, что незадолго до покушения на великого князя Каляев, видимо, встречался с кем-то из студентов МТУ. Несколько сотрудников МТУ в январе неоднократно видели у общежития училища человека, по их словам, очень похожего на Каляева. К нему из ворот выходил какой-то так и не установленный впоследствии человек, они о чем-то говорили и расходились. Однажды служащие МТУ даже указали на «Каляева» как на подозрительное лицо городовому. Правда, на очных ставках они не смогли уверенно опознать Каляева, отмечая лишь большое сходство его и виденного ими человека. Никто из них, кроме городского, не смог однозначно сказать, что Каляев – это не тот человек. Впрочем, они сами заявляли, что их неуверенность объясняется тем, что человек у общежития был в другой одежде и они не присматривались к нему [18, л. 205–210, 247]. Таким образом, версия о том, что Каляев посещал кого-то в МТУ, не может быть однозначно отвергнута.

у «большинства в их среде существует в лучшем случае равнодушие к этому злодеянию» [19, л. 43].

5 февраля 1905 г. в 14 часов московский городской голова Голицын открыл чрезвычайное собрание Московской Городской Думы по поводу убийства великого князя Сергея Александровича. Это собрание по предложению председателя единогласно приняло текст соболезнования Николаю II и великой княгине Елизавете Федоровне. Однако, похоже, что и депутаты Московской Городской Думы не сильно переживали из-за гибели великого князя, они просто не решились или не сочли приемлемым открыто выразить свое настоящее отношение к случившемуся. Стенограммы этого заседания не сохранилось, но более чем показательно то, что у депутатов все вышеописанное – открытие собрания, речь председателя, выслушивание текста соболезнования, его принятие и т.д. – заняло всего... 5 минут, т.е. депутаты, видимо, сочли это соболезнование пустой формальностью, ни о каком искреннем сочувствии Царской Семье и сожаления о гибели великого князя не может быть и речи. Тем более на этом собрании не прозвучало анафемы Каляеву и террористам вообще. Кроме того, известно, что у городского головы Голицына были трения с великим князем, и, возможно, он решил отыгаться хоть таким способом [3, с. 2].

На самого Николая II это событие оказало глубочайшее влияние, хотя и есть основания сомневаться в том, что он был искренне огорчен происшедшим. Запись в его дневнике от 4 февраля более чем обычно сдержанная. «Ужасное злодеяние совершилось в Москве: у Никольских ворот дядя Сергей, ехавший в карете, был убит брошенной бомбою, а кучер смертельно ранен. Несчастливая Элла, благослови и помоги ей Господь!» [6, с. 213]. Интересно, что запись от 15 июля по поводу убийства Плеве более многословная и эмоциональная: «В лице доброго Плеве я потерял друга и незаменимого министра Внутренних Дел. Строго Господь посещает нас своим гневом. В такое время потерять двух¹ столь верных и преданных слуг!» [6, с. 171].

Бомбы начинали рваться в опасной близости от престола. После гибели великого князя Сергея Александровича члены царской фамилии и высшие сановники долгое время избегали появляться на улицах – полиция не могла гарантировать им безопасность. Похороны Сергея Александровича прошли в Москве, а не, согласно традиции, в Петербурге именно из соображений безопасности для присутствующих, и царская фамилия последовала рекомендации полиции не присутствовать на них [4, с. 156].

¹ Перед убийством министра внутренних дел Плеве от рук эсеров погиб его предшественник Сипягин.

По мнению А.В. Герасимова, начальника Петербургского Охранного Отделения, «растерянность правительства в 1904–1905 годах во многом объяснялась паникой, созданной успешными покушениями на Плеве и великого князя Сергея Александровича» [5, с. 141]. В «Воспоминаниях» П.Н. Милюкова налицо прямая связь между событием 4 февраля 1905 г. и известным рескриптом Николая II о созыве т.н. Булыгинской Думы [15, с. 184]. Директор Департамента Полиции Лопухин считал, что этот поворот в сторону конституции был вызван именно гибелью великого князя Сергея Александровича, в чем Николай II увидел опасность для себя лично. Д.Н. Любимов, управляющий канцелярией МВД, говорит о громадном значении для дальнейшего развития событий убийства великого князя, отмечая, что охранительные силы лишились главной своей опоры [1, с. 346].

Отношение общества к гибели великого князя выявил еще один факт.

В 1896 г., после давки на Ходынском поле, вину за которую нес генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, в великокняжеском дворце продолжались приемы и балы как раз в то время, когда в московских церквях шло отпевание погибших. Это вызвало всеобщее возмущение, и история сыграла с великим князем Сергеем Александровичем злую шутку: после его убийства днем 4 февраля 1905 г. в московских ресторанах как ни в чем ни бывало продолжала играть музыка, в театрах начались спектакли, и чтобы это прекратить, потребовалось решительное вмешательство полиции, о чем даже было доложено Николаю II [19, л. 138].

Таким образом, убийство великого князя Сергея Александровича явилось лакмусовой бумажкой, показавшей истинное отношение общества к самодержавию. Это событие надолго выбило почву из-под ног охранительных сил и заставило Николая II пойти на уступки: в значительной степени под влиянием этого убийства была созвана Булыгинская Дума, которая, в свою очередь, явилась прологом к изданию Манифеста 17 октября 1905 г.

Также можно считать установленным, что хотя царский режим в 1905 г. еще и имел какую-то поддержку в массах, но точка невозврата уже была пройдена, и он стремительно и необратимо терял эту поддержку.

Библиографический список

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000.
2. Будницкий О.В. История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996.
3. Ведомости Московского Градоначальства и Столичной Полиции. 1905. 20 февраля. № 48.

4. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.
5. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991.
6. Дневник Николая II. 1890–1906. М., 1991.
7. Ежедневные записки Департамента полиции (7 марта 1905 г.) // Государственный архив РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). Оп. 255. Д. 39.
8. Колосов А. Смерть Плеве и великого князя Сергея Александровича. Berlin, 1905.
9. Листовка Смоленского комитета Партии Социалистов-Революционеров (февраль 1905 г.) // Государственный архив РФ. Ф. 1741 (Отдельная коллекция листовок и брошюр). Оп. 1.
10. Листовка Петербургского комитета Партии Социалистов-Революционеров (февраль 1905 г.) // Государственный архив РФ. Ф. 1741 (Отдельная коллекция листовок и брошюр). Оп. 1.
11. Листовка Московского комитета Партии Социалистов-Революционеров (февраль 1905 г.) // Государственный архив РФ. Ф. 1741 (Отдельная коллекция листовок и брошюр). Оп. 1.
12. Листовка Северо-Западного областного комитета ПСР (февраль 1905 г.) // Государственный архив РФ. Ф. 1741 (Отдельная коллекция листовок и брошюр). Оп. 1.
13. Листовка Смоленского Рабочего Союза ПСР (май 1905 г.) // Государственный архив РФ. Ф. 1741 (Отдельная коллекция листовок и брошюр). Оп. 1.
14. Мандельштам М.П. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931.
15. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.
16. Незабвенной памяти Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича. Сборник статей. М., 1905.
17. Новое Время. 1905. 6 февраля. № 10389.
18. Протоколы допросов свидетелей по делу об убийстве великого князя Сергея Александровича // Дело Судебного Следователя Московского Округного Суда по особо важным делам об убийстве Е.И.В. Великого Князя Сергея Александровича // Государственный архив РФ. Ф. 112 (Особое Присутствие Правительственного Сената). Оп. 1. Д. 654.
19. Рапорт директора департамента полиции А.А. Лопухина министру внутренних дел от 11 февраля 1905 г. // Государственный архив РФ. Ф. 102 (Департамент полиции). Оп. 233. Д. 60.
20. Русское дело. 1905. 12 февраля. № 5.

Т.Ю. Хаустова

Особенности медицинского обеспечения полков авиации дальнего действия в поселке Стаханово (городе Жуковский) Московской области в годы Великой Отечественной войны

Автор рассказывает об особенностях медицинского обеспечения полков авиации дальнего действия, которые базировались на аэродроме Летно-исследовательского института в подмосковном поселке Стаханово (ныне город Жуковский). В статье подробно рассматриваются вопросы организации санитарной службы, специального медицинского обеспечения летного состава, организации поликлинического и санаторного лечения, а также кадровые вопросы.

Ключевые слова: авиация дальнего действия, медицинское обеспечение летного состава, санитарная служба 45-й авиационной дивизии дальнего действия, поселок Стаханово, Летно-исследовательский институт.

Медицинское обеспечение полков авиации дальнего действия, базировавшихся в 1942–1945 гг. в поселке Стаханово на территории Летно-исследовательского института, проводилось силами и средствами санитарной службы 45-й авиационной дивизии дальнего действия.

У санитарной службы этой дивизии были отличные от других частей Военно-воздушных сил штаты, т.к. батальоны аэродромного обслуживания, курирующие 746-й и 890-й полки, входили в их состав и подчинялись командирам этих полков. Данная структура имела огромные преимущества перед обычными штатами авиационных частей, где санитарные службы, в которые входили по одному старшему врачу полка и одному старшему врачу батальона аэродромного обслуживания, были отдельными от соединения. Т.е., по большому счету, всеми медицинскими вопросами в данных частях занимался только старший врач полка, а в 45-й авиационной дивизии дальнего действия весь медицинский персонал, все лечебные учреждения и оборудование, которые находились под руководством одного начальника санитарной службы¹, предоставлялись

¹ До 27 мая 1943 г. эту должность занимал подполковник м/с Б.С. Бамдас (переведен на должность флагманского врача 1-го Авиационного корпуса), далее до конца войны началь-

для личного состава дивизии и ее полков и использовались исключительно в их интересах. Данной организации санитарной службы способствовало то, что управление дивизии и ее полки находились на одном аэродроме, что обеспечивало единое пространство и концентрацию ее работы.

Санитарная служба на протяжении всей войны обеспечивала бойцов амбулаторной помощью с приемом врачей по основным специальностям, лазаретом с хирургическим и терапевтическим отделениями на 45–60 койкомест, клинической лабораторией, физиотерапевтическим кабинетом и переносной рентгеновской установкой. Дело эпидемиологической защиты и пищевой надзор были поручены специально выделенному врачу из штата частей, а с 1944 г. в штат дивизии была введена должность эпидемиолога.

Полное отсутствие эпидемических заболеваний и пищевых интоксикаций в соединении за все время войны было, несомненно, связано с правильным разрешением вопроса эпидемиологической защиты, обеспечивающей единое руководство и план [3, л. 241 об.].

Весь персонал санитарной службы ставил перед собой задачу «организации квалифицированной и, по возможности, законченной лечебно-профилактической помощи и надежной эпидемиологической защиты» [3, л. 241]. Необходимо было сократить сроки лечения бойцов и оставить их в своих лечебных учреждениях. Из обычного госпиталя бойца могли направить на дальнейшее прохождение службы в другую часть, что, естественно, тормозило бы боевую работу соединения, т.к. пришлось бы затрачивать время на обучение вновь пришедшего пополнения и ждать, когда у этих летчиков появится опыт полетов на 4-моторных ночных бомбардировщиках.

По специальностям в составе врачей были хирург, невропатолог, отит-атр, два терапевта и девять врачей общей практики. Ведущими специалистами с большим стажем и опытом работы были психоневролог подполковник медицинской службы Б.С. Бамдас, терапевт подполковник медицинской службы М.Е. Раковщик и хирург майор медицинской службы И.И. Зенин. Что касается врачей общей практики, то это, как правило, были молодые специалисты со стажем от 1 до 4 лет.

Также за Управлением дивизии числились начальник санитарной службы и фельдшер, а в полках работали начальники санитарной службы полков, врач полка, старший врач-специалист, начальник лазарета, два фельдшера, старшая сестра лазарета, две младшие сестры, зубной врач,

ником санитарной службы 45-й авиационной дивизии был майор (позднее – подполковник) м/с М.Е. Раковщик.

медицинский статистик, две санитарки и санитар, завхоз и повар. Позднее в роты связи дивизии и полков было добавлено по одному фельдшеру. За исключением повара и санитарок, все должности занимали военнослужащие.

В декабре 1943 г. в 45-й авиационной дивизии был сформирован 362-й авиационный полк, в результате чего штаты санитарной службы дивизии увеличились на 17 человек.

Таким образом, центральными фигурами в деле наблюдения за здоровьем летного состава являлись врачи полков под общим руководством начальника санитарной службы дивизии.

В число основных задач врачей полков входило:

- 1) медицинское обеспечение боевой работы;
- 2) динамическое наблюдение за здоровьем летного состава с четкой документацией этого наблюдения в особой книге; основой здесь являлось полное клиническое обследование наблюдаемого контингента: периодические и повторные в установленные сроки осмотры, исчерпывающие внеочередные осмотры при первых жалобах на состояние здоровья, немедленное проведение всех необходимых лечебных мероприятий по отношению к заболевшим и своевременное предоставление отдыха в организованных условиях по медицинским показаниям либо в плановом порядке;
- 3) медицинский контроль за кислородным обеспечением полетов;
- 4) обеспечение летного состава стимуляторами в дальний полет;
- 5) эвакуация раненых и больных в лечебные учреждения и наблюдение за ходом их лечения;
- 6) обучение экипажей кораблей оказанию само- и взаимопомощи при ранении или заболевании в самолете;
- 7) санитарно-просветительская работа.

В 1942 г. под наблюдением полковых врачей находилось 316 человек летного состава, в 1943 г. – 336 человек, а в 1944–45 гг. в среднем – 527 человек летного состава [2, л. 242].

Также хотелось бы отметить, что в результате контроля за качеством кислорода и периодическим проверками, которые проводились совместно с инженерами по спецоборудованию, повышения знаний летного состава по эксплуатации кислородного оборудования за все время войны не было зарегистрировано ни одного кислородного происшествия. Присутствовали, конечно, жалобы на кислород, но они были весьма редкие и зависели, как правило, от небольших дефектов в кислородном оборудовании. Это привело к тому, что полковому врачу приходилось самостоятельно время от времени проверять это оборудование, особенно перед дальними полетами.

Систематически в дальние высотные полеты применялись симуляторы. До 1943 г. преимущественно это были препараты «Кола», начиная с 1944 г., после проведенных испытаний на земле и в полете в особо дальние полеты начали применять фенамин.

Исходя из принятого в основу работы принципа концентрации больных и раненых в своих лечебных заведениях и, в крайнем случае, в ближайшем госпитале воздушно-десантных войск № 2948, схему эвакуации старались по возможности значительно упростить.

На аэродроме Летно-исследовательского института первая помощь оказывалась непосредственно у самолета или на месте происшествия врачом или фельдшером, первая квалифицированная помощь хирурга – в поликлинике гарнизона с последующей эвакуацией в лазарет в поселке Ильинский или эвакогоспиталь № 2948. На эвакуацию уходило от 40 минут до 1,5 часов [2, л. 243 об.], в зависимости от количества пострадавших и характера повреждений.

В случае боевых ранений над целью или летного происшествия вне аэродрома раненых при первой же возможности транспортировали на свой аэродром, а оттуда в свои лечебные учреждения. И только в отдельных случаях тяжелораненые эвакуировались в центральный госпиталь (точное и полное название госпиталя неизвестно, по документам, касающимся работы санитарной службы 45-й авиационной дивизии и хранящимся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации он назывался «центральный») в Москву.

Как уже упоминалось выше, объединенный лазарет полков, базирующихся на аэродроме Летно-исследовательского института, располагался в соседнем населенном пункте, в поселке Ильинский. А если сказать точнее, в сосновом бору в двухэтажной даче, принадлежавшей Хозяйственному отделу Народного Комиссариата Иностранных дел [2, л. 244 об.]. Собственными силами соединения к зданию был подведен водопровод, исправлена канализация, проведен необходимый ремонт.

В лазарете было в разное время от 45 до 60 коек, в зависимости от количества полков авиации дальнего действия, базировавшихся на аэродроме Летно-исследовательского института. Дело в том, что санитарные службы всех этих полков присоединялись к санитарной службе 45-й авиационной дивизии и медицинское обеспечение всех авиационных полков, базировавшихся на аэродроме, проводилось силами и средствами этой объединенной санитарной службы.

В конце 1943 – начале 1944 гг., в течение двух месяцев, во время эпидемической вспышки гриппа, количество коек в лазарете было доведено до 85. Лазарет госпитализировал всех без исключения терапевтических

больных, а также хирургических, не нуждавшихся в сложном операционном вмешательстве и уходе.

Начальником лазарета с начала 1942 по июнь 1943 г. был терапевт, майор медицинской службы Раковщик, а с конца 1943 г. – майор Зенин, квалифицированный хирург.

При лазарете с самого начала его существования функционировала клиническая лаборатория, выполняющая все необходимые исследования (крови, мочи, мокроты, желудочного сока и т.д.), хорошо оборудованный физиотерапевтический кабинет, а также переносной рентгеновский аппарат. Эвакуация в лазарет производилась на санитарной машине. Среднее пребывание больного на койке – 7,1 дня [2, л. 245].

Хотелось бы отметить, что в лазарете применялись новейшие, по тем временам, методы лечения. Широко применялась физиотерапия, лечебная гимнастика, в необходимых случаях производились новокаиновая блокада и переливание крови. Обеспечение медикаментами и перевязочными материалами было достаточное.

Большое значение для сохранения здоровья летного состава, особенно при интенсивной боевой работе, имела борьба с утомлением. Своевременный «отбор утомленных» для предоставления им отдыха в организованных условиях был чрезвычайно важен для сохранения здоровья летного состава, а также повышал его боеспособность. Каждый член экипажа осматривался 1 раз в 3 месяца, а лица с недостаточностью здоровья – не реже 1 раза в месяц.

В системе лечебно-профилактического обеспечения летного состава соединения значительную роль играл организованный в апреле 1942 г. санаторий, который, как и лазарет, находился в поселке Ильинский в сосновом бору в 2-этажном доме. Санаторий находился в 8-ми километрах от аэродрома Летно-исследовательского института и был связан с ним асфальтированным шоссе, электрической пригородной железной дорогой и телефоном.

Такое расположение было весьма выгодно для санатория, т.к., с одной стороны, обеспечивало отдых летного состава вне обычной рабочей обстановки, а с другой – давало возможность командованию вызывать отдыхающие экипажи, если этого требовала боевая обстановка.

Санаторий был рассчитан на 29 коек. Нуждающиеся в отдыхе отбирались полковыми врачами и направлялись в санаторий по согласованию с командованием. Для отдыха, кроме медицинских показателей, использовались короткие перерывы в боевой работе, ремонт самолетов и плановые отпуска.

Сначала санаторий использовался только для отдыха летного состава, в дальнейшем появилась необходимость использовать санаторий, который возглавлял врач-клиницист, для углубленного обследования состояния здоровья членов экипажей, для долечивания больных и раненых, выписывавшихся из лазарета и госпиталей, и для лечения легкораненых и больных, которые в обстановке «своего» санатория и под наблюдением «своего» врача довольно быстро поправлялись и вступали в строй.

Таким образом, уже на первом году своего существования санаторий был не только домом отдыха, но и своеобразным лечебно-профилактическим учреждением.

Расположение санатория на одной территории с лазаретом оказалось очень выгодно. Это давало возможность обеспечить нуждающихся всеми видами лечения и вспомогательными учреждениями для диагностики.

В достаточной мере было использовано и шефство над соединением 2-го Московского Медицинского института, где как уже говорилось, можно было получить авторитетную консультацию и воспользоваться всеми видами клинических исследований.

За время своего существования с апреля 1942 по май 1944 гг. в санаторий было направлено 1318 человек летного состава и 87 человек наземного. Эксплуатируя санаторий в первую очередь для своего соединения, была возможность предоставлять в нем места для других частей авиации дальнего действия. Таких мест с апреля 1942 по май 1944 гг. было предоставлено 240.

По имеющимся данным, за 1943 г. и 5 месяцев 1944 г. из 716 направленных в санаторий было 228 летчиков, 155 штурманов, 114 бортинженеров, 179 стрелков-радиостов и воздушных стрелков, а также 40 человек наземного, преимущественно, руководящего состава [2, л. 246 об.]. Видно, что для направления в санаторий преимущественно отбиралось ведущее звено экипажей: летчики, штурманы и бортинженеры, о чем постоянно заботились врачи полков и начальник санитарной службы дивизии, который выдавал путевки для направления в санаторий.

Хотелось бы привести данные еще одного документа. «В 1943 г. в санаторий было направлено:

- на отдых – 330 чел. – 47,5%;
- легкораненых и больных и для долечивания после ранения или болезни – 386 чел – 52,5%.

В среднем на одного отдыхающего приходилось 12,6 дня. Для направленного на лечение с последующим отдыхом – 17,3 дня.

Выписалось из санатория:

- Находящихся на отдыхе: а) Отдохнувшими и прибавившими в весе – 310 человек – 94%; б) Без прибавления в весе – 20 человек – 6%.
- Из числа раненых и больных: а) выздоровевшими и вступившими в строй – 362 человека – 93,8%; б) с направлением на комиссию для перевода в другие виды авиации – 4 человека; в) переведено в лазарет и госпиталя – 13 человек; г) предоставлены отпуска по болезни – 5 человек; д) направлены в специальные санатории – 2 человека» [2, л. 246 об].

Из приведенных данных видно, что санаторий вполне оправдал свое назначение. Он был не только домом отдыха для утомленных боевой работой летных экипажей, но еще и в большей мере лечебным учреждением, где эффективно лечились и восстанавливали свое здоровье больные, раненые и переведенные для долечивания из госпиталей, в первую очередь летчики, штурманы и бортинженеры – ведущие звенья боевых экипажей и кораблей.

На аэродроме Летно-исследовательского института была развернута амбулатория с приемом по терапевтической, хирургической, отоларингологической, неврологической и дерматологической специальностям, а также один раз в неделю принимал наемный врач-окулист.

С начала 1943 г. над 45-й авиационной дивизией дальнего действия шефство взял 2-ой Московский медицинский институт, поэтому и врачи соединения, и личный состав полков получили возможность пользоваться консультациями профессоров по всем специальностям в поликлинике института, а также возможность пользоваться рентгеновскими и электрокардиографическими кабинетами. Один раз в неделю в поликлинику гарнизона выезжали дерматовенеролог, невропатолог и отиатр. Таким образом, в течение 1943–1944 гг. было обеспечено всестороннее и полное клиническое обследование больных и, в первую очередь, летного состава.

Одной из основных задач медицинской службы было периодическое повышение квалификации персонала. Ежемесячно проводились занятия на специальные темы. Для практической работы молодых врачей направляли в объединенный лазарет (на 3–6 месяцев), а также в специальные отделения госпиталей и на трехмесячные курсы в Институт усовершенствования врачей и в Военно-Медицинскую академию. Так, 6 медсестер-сержантов были удостоены званий офицеров и должностей фельдшеров, а, например, из средних медработников фельдшер старший лейтенант медицинской службы Суходоев освоил лабораторную технику под руководством врача дивизии и в 1943 г. прошел обучение по новой специальности в лаборатории 2-го Московского медицинского института. Также

для этих целей организовывались научные конференции, которые проводились периодически, 20 числа каждого месяца, начиная с августа 1943 г.

В период дислокации на аэродроме Летно-исследовательского института было проведено 8 конференций на следующие темы: «Клиника пеллагры с демонстрацией больных» (майор медицинской службы Демичев), «Клиника острых лейкозов» (подполковник медицинской службы Раковщик), «Клиника, эпидемиология и лечение эпидермофитий» (доцент Хачатурьян), «Фенамин – новый стимулятор в полет» (подполковник медицинской службы Раковщик), «Организация высотного метания» (майор медицинской службы Сагалович), «Опыт и результаты динамического наблюдения за летным составом» (капитан медицинской службы Завьялов), «Современное состояние вопроса о шоке» (майор медицинской службы Зенин), «Дифференциальная диагностика желтух» (подполковник медицинской службы Раковщик) и «Клиника алиментарных дистрофий» (майор медицинской службы Корьтов) [1, л. 252].

Также на основании материалов наблюдения за летным составом и в порядке обобщения опыта по специальному медицинскому обеспечению врачами соединения были написаны 5 книг: «Опыт и результаты наблюдения за летным составом за 2 года отечественной войны (1942–1944 гг.)» (гвардии майор Сагалович и капитан медицинской службы Завьялов), «Медицинский контроль за кислородным обеспечением полетов» (гвардии майор Сагалович), «Результаты испытания нового стимулятора – фенамина в соединении с тяжело-бомбардировочной авиацией дальнего действия» (подполковник Бамдас и майор медицинской службы Раковщик), «Материалы по исследованию крови летного состава» (подполковник медицинской службы Раковщик, капитан медицинской службы Завьялов и капитан медицинской службы Фельдман).

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что организация работы медицинской службы по принципу объединенной себя полностью оправдала. В результате лечебно-профилактических и санитарно-эпидемиологических работ удалось сохранить здоровье ценных кадров летного состава и, путем концентрации всей лечебной помощи в своих учреждениях, добиться возвращения в строй 98,2% больных и раненых, лечившихся в лазарете, и 87,1% тяжелораненых, помещенных в госпитали. Удалось также не допустить, несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку, особо опасных инфекций в соединении. Хотелось бы отметить, что за все время войны невыполнения боевого задания или бомбардирования запасной цели по состоянию здоровья членов экипажей не было, что говорит о высоком качестве медицинского обслуживания и ухода за летным составом.

Библиографический список

1. Кадры медицинской службы 45 ТБАД в годы Великой Отечественной войны // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 45 ТБАД. Оп. 1. Д. 2. Л. 251–252.
2. Специальное медицинское обеспечение летно-подъемного состава 45 ТБАД в годы Великой Отечественной войны // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 45 ТБАД. Оп. 1. Д. 2. Л. 242–247.
3. Штаты и организация санитарной службы 45 ТБАД в годы Великой Отечественной войны // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 45 ТБАД. Оп. 1. Д. 2. Л. 241–242.

М.Г. Агапов

«Принять эффективное участие
в судьбе Палестины»:
политика СССР в палестинском вопросе
в 1944–1947 гг.

В статье на основе опубликованных и архивных документов, а также официальных отчетов ООН рассматривается процесс формирования и реализации советской политики по отношению к палестинской проблеме на завершающем этапе Второй мировой войны и в период обсуждения палестинского вопроса на Первой специальной и Второй сессий Генеральной Ассамблеи ООН. В период 1944–1947 гг. советская политика в палестинском вопросе совершила крутой поворот: с позиции, требующей установления над Палестиной коллективной опеки великих держав с участием СССР, советская дипломатия перешла к поддержке плана раздела Палестины, внося, таким образом, существенный вклад в создание Государства Израиль.

Ключевые слова: палестинский вопрос, внешняя политика СССР, Сионистская организация, «еврейский национальный очаг», создание Государства Израиль.

Передача Великобританией палестинского вопроса на рассмотрение ООН в апреле 1947 г. дала старт дипломатической битве за Палестину,

развернувшейся в ходе Первой специальной и Второй сессий Генеральной Ассамблеи ООН между Сионистской организацией (СО) и представителями арабских государств. Обе стороны активно добивались поддержки великих держав, однако позиция последних вплоть до осени 1947 г. оставалась неопределенной. Великобритания объявила о своей готовности голосовать за любое решение по палестинской проблеме, если его одобряют как арабы, так и евреи. Многими это заявление было воспринято как желание Лондона сохранить в Палестине *status quo*. Госдепартамент США отложил определение своей позиции по палестинской проблеме до выяснения отношения к ней большинства членов ООН. В этой ситуации решающее значение сионисты и арабы придавали позиции СССР.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на категорическое неприятие в предшествующий период советским руководством сионистской идеи образования «еврейского государства» в Палестине, советское правительство и Сионистская организация смогли наладить взаимовыгодное сотрудничество [1, с. 146–158]. С 1943 г. палестинский вопрос стал рассматриваться в Лондоне и Вашингтоне как один из ключевых вопросов послевоенного урегулирования на Ближнем Востоке. Об этом знали в Москве. Как сообщает в своих воспоминаниях бывший начальник Управления внешней разведки НКГБ – МГБ СССР П.А. Судоплатов, в 1943 г. посол СССР в США М.М. Литвинов в своем послании В.М. Молотову из Вашингтона подчеркивал, что Палестина и создание еврейского государства сделаются одним из главных вопросов послевоенной мировой политики. При этом, по словам Судоплатова, Литвинов «решительно выступал против связей с сионистским движением, а также против нашего активного участия в решении палестинской проблемы. Точных мотивировок позиции Литвинова я не помню, но смысл ее сводился к тому, что наше возможное воздействие на сионистское движение будет крайне незначительно. Поэтому Литвинов полагал целесообразным поручать все контакты с сионистскими кругами исключительно сотрудникам советских спецслужб либо особо проверенной агентуре» [3, с. 467].

В мае 1943 г. бывший посол СССР в США Литвинов сам посетил Палестину по пути в Москву. В октябре того же года через Палестину в Москву проследовал бывший посол СССР в Великобритании И.М. Майский. Майский посетил Иерусалим и «еврейские поселения» в его окрестностях. Гидами советского дипломата были председатель правления Еврейского Агентства (ЕА) Д. Бен-Гурион и директор Департамента финансов и администрации ЕА Э. Каплан [9, с. 46–56]. В начале

1944 г. руководство НКВД СССР вплотную приступило к анализу палестинской проблемы. В записке по вопросам будущего мира и послевоенного устройства, представленной 10 января 1944 г. Майским, тогда уже заместителем наркома иностранных дел, высшему руководству страны отмечалась объективная заинтересованность СССР в «распространении и укреплении своего политического и культурного влияния в Ираке, Сирии, Ливане, Палестине и Египте». «Дипломатическая активность СССР в только что перечисленных странах плюс пакты взаимопомощи с балканскими странами... явилась бы выходом СССР к Средиземному морю в обход Турции и проливов» [7, л. 41]. С окончанием войны палестинская проблема была включена в повестку Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР. 27 июля 1945 г. председатель Комиссии Литвинов изложил свои выводы по палестинскому вопросу. Им предлагался конкретный план подключения СССР к решению палестинского вопроса. Вероятнее всего, это был первый советский проект такого рода. Оптимальным решением палестинского вопроса, с точки зрения Литвинова, было установление над Палестиной коллективной опеки великих держав с участием СССР. По мнению патриарха советской дипломатии, именно «коллективная администрация могла бы взяться за разрешение палестинской проблемы... в соответствии с интересами всего населения и с новыми требованиями политической жизни» [6, л. 38].

По-видимому, уже летом-осенью 1946 г., наряду с проектом коллективной опеки над Палестиной, советское руководство стало рассматривать возможность предоставления Палестине независимости. 11 ноября 1946 г., выступая на заседании Четвертого (по вопросам опеки и самоуправляющихся территорий) комитета ГА ООН, член советской делегации Н.В. Новиков указал на то, что не все страны-мандатарии представили в соответствии с резолюцией ГА ООН от 9 февраля 1946 г. проекты соглашений об «условиях опеки для каждой территории, подлежащей включению в систему опеки» [4, с. 513]. Особое внимание в этой связи Новиков обратил на позицию Великобритании, не представившей такого проекта для Палестины и не проинформировавшей ООН о причинах, почему этого не было сделано. Далее он заявил: «Одно ясно: попытки правительства Великобритании разрешить вопрос о Палестине путем переговоров с правительством Соединенных Штатов и с представителями арабов и евреев, помимо ООН, не соответствует принципам Устава ООН, устанавливающим систему опеки над самоуправляющимися, в том числе и над бывшими мандатными, территориями. Судьба этой, равно как и других бывших мандатных территорий, после ликвидации

Лиги Наций не может оставаться висящей в воздухе. Есть только два возможных законных пути определения их судьбы: *либо путем предоставления независимости... либо путем установления опеки* (выделено мной. – М.А.)» [4, с. 513–514]. Заявление советского представителя вызвало неоднозначную реакцию как среди арабов, так и среди сионистов. Как сообщал в Москву посланник СССР в Ливане и Сирии Д.С. Солод, бывший глава Высшего мусульманского совета в Палестине Хадж-Амин Эль-Хусейни резко отверг советское предложение об опеке: «вместо господства над нами одной страны мы будем подчинены 50 столицам, в которых евреи, безусловно, имеют большее влияние, нежели арабы». Как направленное на поддержку в первую очередь евреев расценили предложение СССР о предоставлении Палестине независимости арабские деятели, полагавшие, что Москва напрямую заинтересована в еврейской колонизации Палестины: «развитие еврейского капитализма обеспечило бы падение нынешней феодальной системы и переход к буржуазному обществу, которое затем подготовило бы пути к коммунистическому режиму» [Там же, с. 181].

Острые дискуссии выступление Новикова вызвало и среди сионистов. Советник нью-йоркского представительства ЕА Л. Гелбер воспринял его в качестве претензии СССР «на то, чтобы с ним согласовывали не только предложения по возможной опеке над Палестиной, но и советовались в определении той “действительной независимости”, которая удовлетворила бы его правительство». Антибританское по своей сути, как считал Гелбер, заявление Новикова позволяло понять, что «в случае раздела Палестины в Москве проявят мало энтузиазма, если доминирующее британское влияние сохранится там» [Там же, с. 166]. Однако если Гелбер приходил к выводу, что заявление советского представителя в ООН «возможно, будет работать на сионистов», то американские сионисты, напротив, полагали, что «СССР... совершенно определенно находится в одном лагере со всеми арабскими государствами» [Там же, с. 174].

Главной целью заявления Новикова 11 ноября 1946 г. была дискредитация совместной англо-американской комиссии и англо-арабо-сионистской конференции по палестинскому вопросу, действовавших в тот период. На это указывает в своем письме в Москву посланник СССР в Ливане и Сирии Солод: «Прогрессивные арабские круги *правильно поняли значение этого заявления* (выделено мной. – М.А.). Так, например, газета “Орьян” писала 13 ноября, что советский делегат “высказал по этому случаю мнение, что попытка Великобритании урегулировать палестинскую проблему прямыми переговорами с Соединенными Штатами и представителями арабов и евреев противоречит принципам Устава Объ-

единенных Наций» [10, с. 182]. Несомненно, заявление Новикова было направлено также на зондирование мнения заинтересованных в палестинском вопросе сторон. Полученные при этом результаты были учтены при выработке советской позиции по палестинскому вопросу. Она была сформулирована весной 1947 г., когда передача Великобританией палестинского вопроса в ООН представила СССР возможность, по выражению советника Ближневосточного отдела (БВО) МИД СССР Б.Е. Штейна, «принять эффективное участие в судьбе Палестины». Представленная БВО МИД СССР «Возможная позиция СССР при обсуждении палестинского вопроса в ООН» была нацелена, главным образом, на подрыв английских позиций на Ближнем Востоке. Критика мандатного режима и политики Великобритании по отношению к Палестине станет красной нитью всех советских заявлений по вопросу Палестины весной-осенью 1947 г. В тоже время подключение МИД СССР к обсуждению положения в Палестине заставляло его сформулировать свою позицию и по вопросам ее внутреннего обустройства. Весной 1947 г. БВО МИД СССР поставил под сомнение возможность передачи Палестины под опеку ООН на том основании, «что население этой страны (как евреи, так и арабы) является достаточно зрелым для полной независимости» и при этом «ни арабы, ни евреи не соглашаются на какую бы то ни было опеку и требуют полной независимости» [Там же, с. 191].

14 мая 1947 г. советская позиция по вопросу Палестины была изложена на пленарном заседании Первой специальной сессии ГА ООН постоянным представителем СССР при ООН А.А. Громыко. Первая часть выступления Громыко была посвящена критике мандатной системы управления Палестиной: «Именно в результате банкротства мандатной системы управления Палестиной, приведшей к крайнему обострению обстановки и к кровавым событиям... британское правительство передало этот вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Этот факт нельзя расценить иначе, как признание невозможности продолжения существующего в Палестине положения» [12, с. 83]. Если первая часть выступления Громыко не содержала в себе ничего неожиданного, то вторая стала «сенсацией». В ней представитель страны, не признававшей «еврейский национальный очаг» в Палестине, заявил: «Необходимо принять во внимание тот бесспорный факт, что население Палестины состоит из двух народов – арабов и евреев. Каждый из них имеет исторические корни в Палестине. Палестина стала родиной обоих этих народов, каждый из которых занимает видное место в экономике и культурной жизни страны». Иначе говоря, впервые и на столь высоком уровне СССР признал «еврейскую Палестину». Произнеся настоящий гимн страданиям

и национальным чаяниям еврейского народа, Громыко назвал два возможных, с его точки зрения, варианта «будущего устройства Палестины и решения еврейского вопроса»: во-первых, «создание единого арабско-еврейского государства с равными правами для евреев и арабов», и, во-вторых, «раздел Палестины на два самостоятельных независимых государства: еврейское и арабское... [но] только в том случае, если бы оказалось, что невозможно обеспечить мирное сосуществование арабов и евреев» [12, с. 85–87].

Речь Громыко стала едва ли не самым заметным событием специальной сессии ГА ООН. Председатель правления СО, будущий глава первого израильского кабинета Бен-Гурион так прокомментировал выступление Громыко: «Уже давно мы не слышали из уст представителя великой державы таких потрясающих и верных слов о страданиях еврейского народа, о мучениях и безвыходности положения сотен тысяч европейских евреев, тщетно ищущих пристанища после катастрофы». Бен-Гурион особо подчеркнул политическое значение заявления Громыко: «впервые мир услышал подтверждение от представителя Советского Союза: еврейский народ полон решимости создать собственное государство» [4, с. 222]. Еще более красноречивую оценку речи Громыко дал старейший сионистский лидер, будущий первый президент Израиля Х. Вейцман: «Я прочел заявление г-на Громыко в его содержательной речи, которая, казалось, могла бы быть произнесена сионистом. Я, конечно, не хочу приписывать ему того, чего нет. Я уверен, что он не сионист! Я не хочу его обидеть таким путем, но, тем не менее, его речь была хорошим сионистским заявлением» [10, с. 85].

Демарш Громыко укрепил позиции Сионистской организации и лишил арабскую сторону надежды на поддержку Москвы по вопросу Палестины. И хотя советские дипломаты неоднократно заявляли в дальнейшем, что раздел Палестины на еврейское и арабское государства не ущемляет интересов арабов, конфликт СССР с арабским миром был очевиден. По мнению замминистра иностранных дел Югославии В. Велебита, ставка Москвы на сионистов свидетельствовала о «далекой перспективе» советского подхода: «Советское правительство не рисковало бы, втягиваясь в конфликт с арабами, ради временной выгоды» [4, с. 227]. Действительно, первый секретарь посольства СССР в США М.С. Вавилов в беседе с главой washingtonского представительства ЕА Э. Эпштейном 29 июля 1947 г. следующим образом охарактеризовал советскую позицию по вопросу Палестины: «Советское правительство... полагает, что мы (сионисты. – М.А.) строим миролюбивое, демократическое и прогрессивное общество в Палестине, которое сможет воспрепятствовать распростра-

нению антисоветских настроений, которые так легко возникают в реакционных правящих кругах в арабских странах в настоящее время» [4, с. 241–242].

Однако, как следует из «некоторых соображений» лидера Лиги национального освобождения Э. Тума о речи Громыко, направленных в Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) в октябре 1947 г., последняя вызвала рост антисоветских настроений не только среди «арабских реакционеров», но «была плохо встречена и арабскими массами» [8, л. 10]. Письмо Тума является ярчайшим отражением того смятения «коммунистических и демократических кругов на всем Среднем Арабском Востоке», которое охватило их после выступления Громыко. Палестинские коммунисты-арабы были обескуражены поддержкой Сионистской организации Советским Союзом: «Мы всегда боролись против сионистской идеологии и видели в сионизме оружие империализма, направляемое британскими империалистами для того, чтобы создать троянского коня на Среднем Востоке» [Там же, л. 6]. Выступление советского представителя в ООН знаменовало собой разрыв с прежним проарабским курсом СССР. Арабским коммунистам было непонятно, почему в своей речи «т. Громыко полностью пренебрег желаниями арабов Палестины, их устремлениями, их антиимпериалистическим национальным движением» [Там же, л. 2]. Формально Тума запрашивал разъяснение новой советской позиции по вопросу Палестины, однако в действительности под прикрытием фраз, свидетельствующих о лояльности арабских коммунистов СССР, их лидер подверг жесткой критике выступление Громыко.

Прежде всего, Тума отверг те утверждения, на основании которых советский представитель в ООН признал «стремление евреев к созданию своего государства [в Палестине]». В частности, Тума указал на идеологический характер тезиса об исторических связях евреев с Палестиной: «Мы всегда отвергали исторические требования сионизма как реакционные и не принимали исторические корни евреев за реальность. Т. Громыко своим заявлением усилил сионистскую идеологию и сионистское давление на еврейские массы» [Там же, л. 6–7]. Вплоть до создания Государства Израиль Сионистская организация настаивала на неразрывной связи вопросов о еврейском государстве и о неограниченной иммиграции евреев в Палестину. С одной стороны, Сионистская организация обосновывала создание еврейского государства необходимостью обеспечения убежища для евреев, находящихся в германских и австрийских лагерях для перемещенных лиц. С другой – еврейское «государство в пути» само остро нуждалось в еврейских иммигрантах для создания противовеса значительному численному превосходству арабов над евреями

в Палестине [9, с. 31–32]. Увязывание в речи Громыко проблемы перемещенных лиц с вопросом о Палестине вызвало острый протест арабских коммунистов: «Мы не можем понять мудрости связи двух [этих] вопросов». Дело заключалось не только в том, что таким образом советская дипломатия воспроизводила сионистский тезис, но и в том, что этот тезис шел в разрез с позицией коммунистических партий: «коммунисты повсюду отказались от какой-либо согласованности [проблемы перемещенных лиц с вопросом о Палестине]. Коммунисты всегда выдвигали демократическое решение этой проблемы» [8, л. 7]. Лига национального освобождения выступала категорически против предложенных Громыко двух вариантов «будущего устройства Палестины». По мнению Тума, «лозунг арабо-еврейского государства (выражающий первый вариант. – М.А.) мог бы помочь сионистским партиям, которые требуют создания двунационального государства, которое в конечном итоге предполагает раздел» [Там же, л. 9]. Что касается второго варианта – раздела Палестины на арабское и еврейское государства – то он для палестинских коммунистов был совершенно неприемлем. Выход из тупика арабо-еврейских противоречий арабские коммунисты видели в создании независимого Палестинского государства: «Мы полагаем, что свободное, независимое, демократическое Палестинское государство является единственным практическим решением, которое будет служить основой мира и демократии в Палестине и на Среднем Востоке». Отсутствие в речи Громыко какого бы то ни было упоминания об арабском национальном движении, особенно на фоне подчеркивания советским представителем в ООН национальных чаяний еврейского народа, означало, по мнению Тума, что «планы, борьба и роль арабского движения были аннулированы в заявлении т. Громыко» [Там же].

В своем ответе Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) рекомендовал арабским коммунистам, «не вдаваясь в сущность спора о разделе Палестины или о создании там единого независимого государства... заклеить антинародную политику английских и американских империалистов, создавших искусственный ажиотаж вокруг палестинского вопроса в целях отвлечения внимания еврейского и особенно арабского народов от национально-освободительной борьбы» [Там же, л. 11].

Не менее острая критика позиции СССР звучала и со стороны арабских дипломатов в ООН, где в октябре-ноябре 1947 г. в рамках Второй сессии ГА развернулась дипломатическая битва за Палестину. 13 октября 1947 г. представитель СССР С.К. Царапкин официально заявил о принципиальном одобрении советской делегацией «плана большинства», представленного Специальной комиссией ООН по вопросам Палестины (ЮНИСКОП),

т.е. плана раздела Палестины на арабское и еврейское государства. При этом Царапкин с удовлетворением отметил согласие обоих планов – «плана большинства» и «плана меньшинства» – с предложениями советской делегации. Не мог не вызвать возмущение представителей арабских стран призыв Царапкина отказаться от рассмотрения юридических и исторических аргументов сторон: «юридические и исторические аргументы должны играть лишь второстепенную роль. Нет смысла затевать чисто академическую дискуссию о том, сколько времени занимали Палестину и владели ею арабы и сколько времени – евреи». Однако именно эти аргументы активно использовали представители арабских стран, выступая с требованием создания независимого, «арабского по своему характеру», Палестинского государства. Напротив, Царапкин определил суть вопроса Палестины как «право на самоопределение сотен тысяч евреев и арабов, живущих в Палестине» [11, с. 41].

С открытым осуждением советской позиции по вопросу Палестины выступили дипломаты Египта и Ливана. По мнению представителя Египта Махмуда Фавзи-бея, советские предложения подрывали внутренний порядок в Палестине и грозили созданием целого ряда прецедентов: «Представитель СССР заявил, что он стоит за раздел, поскольку проблема заключается в том, чтобы предоставить как евреям, так и арабам право жить, пользуясь миром и свободой, в своих собственных государствах. Но согласиться с таким тезисом значило бы предоставить всякому меньшинству право требовать создания своего собственного государства в государстве» [Там же, с. 61]. Эту мысль развил в своем выступлении, пожалуй, самый яркий из арабских деятелей Второй сессии ГА ООН лидер Высшего арабского комитета, Великий муфтий Иерусалима Хадж-Амин Эль-Хусейни: «Представитель СССР заявил, что меньшинство тоже имеет право на самоопределение. Но как можно признать это право за полумиллионом евреев, большинство из которых до сих пор остаются гражданами других стран, и в то же время отказывать в нем полумиллиону арабов? Как можно позволять меньшинству отделяться от большинства и в то же время установить свое господство над численно равной ему частью большинства? После того как арабам в течение четверти века отказывали в праве на самоопределение для того, чтобы искусственно создать это меньшинство, на каком основании требуют, чтобы это искусственно созданное меньшинство получило теперь право на самоопределение?» [Там же, с. 71]. Нельзя не заметить совпадение позиций Лиги национального освобождения и Высшего арабского комитета, равно как и представителей Египта и Ливана в ООН, по вопросу будущего Палестины. Общей платформой арабских деятелей было сохранение

«арабского характера» и территориальной целостности Палестины перед угрозой ее раздела и парциальной «сионизации».

В своем выступлении на пленарном заседании Второй сессии ГА ООН накануне голосования по вопросу Палестины Громыко отверг попытки арабских дипломатов «бросить тень на внешнюю политику советского правительства». Их критике Громыко противопоставил тезис о сочувственном отношении СССР к «национальным устремлениям народов Арабского Востока». Представитель СССР развеял «неуклюжие заявления отдельных представителей арабских государств по поводу внешней политики СССР» и «жизненные национальные интересы арабов»: «Мы проводим разницу между такого рода заявлениями, сделанными, очевидно, под впечатлениями минутных настроений, и коренными интересами арабского народа». Особо, не без нотки пророчества, Громыко высказал уверенность в том, что «арабы и арабские страны не один раз еще будут смотреть в сторону Москвы, ожидая от Советского Союза помощи в борьбе за свои законные интересы, пытаясь освободиться от остатков иностранной зависимости» [2, с. 10]. Однако прежде, чем эти слова исполнились, СССР и арабские страны прошли через период отчуждения, вызванный деятельным участием СССР в разделе Палестины и создании Государства Израиль.

В период 1944–1947 гг. советская политика в палестинском вопросе совершила крутой поворот: с позиции, требующей установления над Палестиной коллективной опеки великих держав с участием СССР, советская дипломатия перешла к поддержке плана раздела Палестины, внося, таким образом, существенный вклад в создание Государства Израиль.

Библиографический список

1. Агапов М.Г. «Подвести черту под прошлым и думать о будущем»: установление отношений между советским руководством и Сионистской организацией в начале Великой Отечественной войны // Уральское востоковедение: Международный альманах. Вып. 1. Екатеринбург, 2005. С. 146–158.
2. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2 т. Т. 1: 1947–1956. М., 2003.
3. Записка М.М. Литвинова «Палестинский вопрос». 27 июля 1945 г. // Архив внешней политики РФ. Ф. 0512 (Комиссия Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства). Оп. 1. П. 4. Д. 37. Л. 1–38.
4. Записка руководителя Комиссии НКВД СССР по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками, И.М. Майского народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства. 10 января 1944 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06 (Фонд Молотова). Оп. 6. Д. 145. Л. 1–41.

5. Некоторые соображения о речи тов. Громыко по палестинскому вопросу, произнесенной им на ГА ООН 14 мая 1947 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Отдел внешней политики ЦК ВКП(б)). Оп. 128. Д. 388. Л. 2–10.
6. Объединенные Нации. Официальные отчеты Второй сессии Генеральной Ассамблеи. Т. I. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Дополнение № 11. Нью-Йорк, 1947.
7. Объединенные Нации. Официальные отчеты Второй сессии Генеральной Ассамблеи. Т. III. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Приложение А. Устные показания, данные на открытых заседаниях. Дополнение № 11. Нью-Йорк, 1947.
8. Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Вторая сессия. Специальная (Ad Hoc) комиссия Организации Объединенных наций по вопросам Палестины. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947.
9. Объединенные Нации. Официальный отчет Первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Т. I. Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Стенографический отчет 28 апреля – 15 мая 1947 года. Нью-Йорк, 1947.
10. Советско-израильские отношения: Сб. документов. Т. I: 1941–1953: Кн. 1. М., 2000.
11. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 гг., 1998.
12. Jacob Hen-Tov. Contacts between Soviet Ambassador Maisky and Zionist leaders during World War II // Soviet Jewish Affairs. 1978. Vol. 8. Issue 1. P. 46–56.

В.М. Запорожец

Образование государства Сельджуков в Хорасане

В статье анализируются образование и становление клана Сельджуков, обретение им военной силы, выход на политическую сцену, война с Газневидами за Хорасан и образование здесь независимого сельджукского государства.

Ключевые слова: Сельджук, субаши, огузский ябгулук, клан Сельджуков, Саманиды, Мавераннахр, Караханиды, Газневиды, Хорасан, битва при Данданакане, государство Сельджуков в Хорасане, халиф, султан Тугрул.

События, которые происходили в XI в. на обширной территории, простиравшейся от Сырдарьи до Византийских владений в Малой Азии, тесно связаны с Сельджуками, династией тюркских правителей, которую в X в. основал некто Сельджук. Родиной Сельджука была Средняя Азия, точнее, земли между восточным побережьем Каспийского моря и средним течением реки Сырдарья. В X–XI вв. здесь находилось государство огузов [7, с. 70; 8, с. 10], т.н. огузский ябгулук. В первой половине X в. огузский ябгулук был независимым и сильным государством [7, с. 54].

Согласно легенде, отец Сельджука, имя которого было Тукак, а прозвище – Железный лук, был известен своей необыкновенной силой, храбростью и умом. Он был одним из приближенных ябгу, так у огузов именовался верховный правитель [Там же, с. 52–53]. Сельджук появился на свет в начале X в. После смерти отца он воспитывался при дворе ябгу и в молодом возрасте был назначен на должность субаши, т.е. поставлен во главе войска огузов. Сельджук успешно справлялся со своими обязанностями, ябгу благоволил к нему. Однако вскоре отношение правителя к своему командующему радикально изменилось. Существует несколько версий, объясняющих причину постигшей Сельджука опалы. Наиболее вероятной представляется та из них, согласно которой молодой,

энергичный военачальник претендовал на верховную власть в стране (в огузском ябгулуке) и готовил переворот. Местная знать не поддержала Сельджука, и ему пришлось бежать, спасая свою жизнь.

В 925 г. в сопровождении 100 наиболее преданных ему соплеменников Сельджук добрался до г. Дженд, точнее, до его окрестностей. Здесь начался новый этап в его жизни.

Дженд был расположен несколько восточнее р. Сырдарья в ее среднем течении. Формально он контролировался огузами, от которых бежал Сельджук. Однако это была та территория Средней Азии, по которой в то время проходил передний край распространявшегося с юга ислама. Если верхнюю часть Междуречья этот процесс еще не охватил, то на землях в нижнем течении Амударьи и Сырдарьи с такими городами, как Бухара и Самарканд, население уже приняло мусульманскую веру. Более того, Мавераннахр (так по-арабски называлось междуречье Амударьи и Сырдарьи в их нижнем течении) отличался неистовым фанатизмом в вопросах борьбы с неверными. Богатые люди этого региона тратили огромные суммы на джихад, строительство обителей для гази (воинов), создание вакуфов (движимое или недвижимое имущество, отданное на религиозные или благотворительные цели).

Сельджук, как и его соплеменники, был язычником. Однако, попав в новую среду и быстро оценив обстановку, он принимает ислам и становится одним из местных лидеров джихада.

Сельджук выступает инициатором отказа от уплаты жителями г. Дженд налога (хараджа) в казну немусульманского огузского государства. Изгнание из города сборщиков налогов стало причиной серии столкновений между направленными в Дженд войсками огузов и руководимыми Сельджуком отрядами горожан. Эти столкновения завершились выходом Дженда из-под контроля огузского ябгулука и принесли Сельджуку известность. Он формирует свою (пока еще немногочисленную) армию и одерживает ряд побед над «неверными» за пределами Дженда. Теперь уже Сельджука называют гази, и все новые борцы за веру стремятся вступить в его войско, численность которого постоянно растет.

Со временем Сельджук становится личностью, известной не только в Дженде, но и во всем Мавераннахре. Кроме известности, войны с «неверными», сопровождавшиеся грабежами, принесли ему богатство.

Сельджук дожил до глубокой старости и умер в начале XI в. в возрасте 102 лет. Большую часть своей жизни он провел в окрестностях г. Дженд.

У Сельджука было четыре сына (Муса, Юнус, Михаил и Арслан). К будущей славе рода Сельджука имеют отношение двое – Михаил

и Арслан. О жизни старшего из них – Михаила – практически ничего не известно, за исключением того, что ему передал бразды правления состарившийся Сельджук, и что он погиб в одном из походов против «неверных». Однако Михаил оставил после себя двух сыновей – Тугрула и Чагры. Впоследствии Тугрул стал первым султаном Великой Сельджукской империи, а все остальные правители этого государства были потомками Чагры.

После гибели Михаила семью возглавил Арслан. К этому времени вооруженное формирование клана сельджуков стало настолько сильным, что могло участвовать в межгосударственной борьбе и стало востребованным в регионе, где постоянно шли войны. (Равенди пишет, что прежде чем у Сельджуков появилось свое государство, у них появилась своя армия [5, с. 85].)

В 80-е гг. X в. Сельджуки поступают на службу к правителям государства Саманидов. За службу им не платят деньги, но выделяют пастбища и деревню Нур под Бухарой. Когда в 992 г. Саманиды подверглись агрессии со стороны государства Караханидов, Сельджуки во главе с Арсланом нанесли ряд поражений войскам Караханидов и помогли правителю Саманидов Нуху II вернуть потерянные земли и трон.

В 999 г. армия Караханидов вторично вторглась в Мавераннахр. Несмотря на участие Сельджуков в боевых действиях, силы были неравными. Караханидам удалось быстро занять Бухару. Они арестовали всех членов правящей династии и вывезли их в Туркестан. Государство Саманидов перестало существовать.

В сложившихся условиях Сельджукам надо было либо уходить с уже обжитых мест, либо налаживать хорошие отношения с новой властью. Они выбрали последнее и стали служить Караханидам. Двадцать следующих лет не были отмечены сколько-нибудь важными событиями в истории семьи Сельджуков. Однако все изменилось, когда в 1020 г. в Бухару прибыл опальный караханидский принц Али Текин. Некоторое время Али Текин был наместником Великого хана в Бухаре, однако в 1017 г. хан сместил его и отправил в ссылку. Бежав из ссылки, Али Текин вернулся в Бухару и, опираясь на поддержку Сельджуков, захватил ее.

Арслан стал союзником Али Текина и помог ему образовать Бухарское государство в границах прежнего государства Саманидов. Все попытки Великого хана покарать мятежного принца были отражены Сельджуками, и в течение следующих 5 лет Арслан фактически был соправителем нового государственного образования в Мавераннахре.

В этих условиях Караханиды обратились за военной помощью к одному из наиболее могущественных монархов региона – султану

Махмуду Газневи. При султани Махмуде (998–1030) в состав государства Газневидов входили территории современных Афганистана и Пакистана, часть территорий Ирана, Таджикистана и Индии. В 1025 г. в районе г. Самарканд состоялась встреча правителя Караханидов Кадир Хана и султана Махмуда. Султан Махмуд обещал отнять у Али Текина Бухарское государство и отдать его Кадир Хану, а также уничтожить военные формирования Сельджуков.

Узнав о союзе Караханидов с Газневидами, Али Текин бежал из Бухары. Арслан также оставил город, не оказав сопротивления. Тогда Махмуд хитростью заманил к себе Арслана [5, с. 88–89], заковал его в цепи и отправил в крепость Календжер в Индию. В этой крепости Арслан провёл 7 лет и скончался в 1032 г.

После гибели Арслана лидерство в семье перешло к детям Михаила – Тугрулу и Чагры. Руководимые ими Сельджуки были вынуждены покинуть окрестности Бухары. Новое пристанище они нашли в Хорезме, где служили Хорезмшаху Алтунташу, а затем его сыну Харуну. В это время Хорезм был вассальным государством, признававшим власть султана Газневидов. Однако, когда после смерти султана Махмуда и прихода к власти его сына Месуда (1030 г.) позиции Газневидов в регионе существенно ухудшились, Хорезмшах Харун объявил о своей независимости (весна 1034 г.). Более того, он начал подготовку к завоеванию Хорасана – главной составной части государства Газневидов. В завоевательных планах Харуна большая роль отводилась Сельджукам, которым предстояло быть авангардом его армии.

Узнав об этих приготовлениях, Месуд немедленно направил к Хорезмшаху наемных убийц, и в апреле 1035 г. Харуна не стало.

Убийство Харуна чрезвычайно осложнило положение Сельджуков. Они больше не могли оставаться в Хорезме, в то же время им не было пути в Бухару и даже в Дженд, правителем которого стал Шах Мелик (сын правителя (ябгу) огузского государства, от которого бежал Сельджук), враждебно относившийся к Сельджукам.

В таких условиях Сельджуки приняли решение, которое имело исторические последствия. Они перешли Амударью и вступили на территорию Хорасана (май 1035 г.). Грабя на своем пути города и села, Сельджуки двигались по направлению к Амударье и далее к г. Неса, в окрестностях которого стали лагерем. Общая численность возглавляемого Тугрулом и Чагры вооруженного огузского формирования составляла 10 тыс. чел. [1, с. 103–104].

19 мая 1035 г. султан Месуд получил послание от Сельджуков. Подписавшие послание Тугрул, Чагры и Муса просили пожаловать им города

Неса и Фераве. В свою очередь, Сельджуки обещали охранять границы Хорасана на севере и северо-востоке.

Реакцией Месуда на письмо Сельджуков было решение направить к городу Неса войска и уничтожить незваных гостей. Против 10 тыс. плохо вооруженных тюркских всадников была направлена армия численностью 17 тыс. чел., в т.ч. 2 тыс. гулямов (постоянная гвардия султана) и боевые слоны [1, с. 483–484].

Сражение состоялось в июне 1035 г. Несмотря на значительное превосходство в численности и вооружении, армия Газневидов потерпела сокрушительное поражение и разбежалась. Сельджукам достались богатые трофеи. Равенди пишет, что, помимо большого количества оружия, обмундирования, скота, в руки Сельджуков попала казна Месуда стоимостью 10 млн динаров [5, с. 94]. На исход сражения при Неса повлияли недооценка сил противника Газневидами, превосходство Сельджуков в тактике и моральном духе.

Султан Газневидов был настолько подавлен случившимся, что согласился на переговоры с руководителями Сельджуков. В результате переговоров, которые продолжались около двух месяцев, был заключен мирный договор, включавший следующие положения.

1. Области Неса, Фераве и Дихистан передаются в распоряжение сельджукских вождей.

2. Вожди Сельджуков – Тугрул, Чагры и Муса – приносят клятву на верность султану Газневидов и обязуются не претендовать на другие территории Хорасана.

3. Один из трех сельджукских вождей прибывает ко двору Месуда и остается там в качестве заложника [1, с. 518].

Менее чем через четыре месяца после подписания договора он был нарушен. Сельджуки вышли за пределы «своих» областей и двинулись в направлении г. Балх. Что касается сельджукских вождей, то никто из них так и не явился к султану в качестве заложника. Более того, в ноябре 1036 г. Сельджуки предъявили султану Газневидов новые территориальные претензии. Они требовали отдать им города Мерв, Серахс и Баверд.

В сложившейся ситуации у Месуда не оставалось иного выхода, кроме мобилизации всех военных ресурсов государства Газневидов и ведения войны с Сельджуками до победного конца. В конце мая 1038 г. войска Газневидов и Сельджуков встретились в окрестностях г. Серахс. Султанская армия вновь потерпела поражение. Результатом этого поражения была потеря Газневидами контроля над большей частью Хорасана. Через несколько дней после сражения Тугрул без боя занял столицу Хорасана г. Нишапур, а Чагры – крупнейший город Хорасана Мерв. Однако весной

1039 г. султану Месуду, который, наконец, лично возглавил армию, удалось нанести серьезное поражение Сельджукам в битве под Улья-Абадом. В конце ноября 1039 г. Месуд выбил Сельджуков во главе с Тугрулом из Нишапура, а весной 1040 г. с боем взял г. Серахс. В середине мая 1040 г., несмотря на нехватку воды, провианта и фуража, Месуд двинулся на Мерв. Однако на подступах к этому городу он был атакован Сельджуками и с боями отошел к крепости Данданакан, расположенной в безводной пустыне в 60 км от г. Мерв. Здесь произошло сражение, решившее судьбу Хорасана.

Сельджуки, которые подошли к крепости раньше Газневидов, отравили все источники воды в непосредственной близости от Данданакана. В самой крепости имелось несколько колодцев. Однако для армии, которая, помимо солдат, в свой состав включала десятки тысяч лошадей, верблюдов, слонов, этих источников было недостаточно.

Ближайший водоем находился на расстоянии 35 км от крепости. Месуд, понимая, что измученная жаждой армия небоеспособна, отдал приказ идти к водоему. Это решение оказалось роковым. Когда вытянувшаяся в колонну армия отошла от стен крепости, ее одновременно в нескольких местах атаковала кавалерия Сельджуков. Летописец Бейхаки, находившийся при Месуде, был очевидцем дальнейших катастрофических событий. Основные силы армии были разгромлены и вместе с субаши (командующим) бежали с поля боя. Воевавшая на верблюдах гвардия султана (гулямы) понесла большие потери, ее остатки бежали в пустыню. Индийский контингент был уничтожен. Арабские и курдские формирования бесследно исчезли. «Если бы в этот день у Месуда была хотя бы тысяча преданных ему солдат, – пишет Бейхаки, – исход сражения мог быть иным... Сын султана, принц Мевдуд, пытался исправить положение и собрать вокруг себя разрозненные остатки армии, но охваченные паникой и бежавшие с поля боя солдаты не хотели слушать его приказы» [1, с. 551]. Вскоре рядом с султаном осталось лишь его ближайшее окружение и небольшая группа гулямов. Всем им удалось спастись. После трудного перехода через горы Чаршистана и Гура в июне 1040 г. султан Месуд вернулся в Газну [3, с. 9]. Поражение при Данданакане окончательно подорвало военную мощь Газневидов. После Данданакана государство Газневидов более не представляло реальной угрозы для Сельджуков.

В этих условиях в мае 1040 г. Сельджуки объявили Хорасан своим государством. Послания с известием об этом были вручены правителям всех сопредельных государств. Кроме того, Сельджуки, исповедовавшие ислам суннитского толка, направили послание в Багдад к Аббасидскому

халифу Эль Каиму Биемриллаху. В этом послании излагались причины появления Сельджуков в Хорасане и их войны с Газневидами, а также содержалась просьба признать законным образование в Хорасане государства Сельджуков [5, с. 101–102].

Обращение к повелителю правоверных с просьбой признать легитимным новое государственное образование и его руководство полностью соответствовало традициям и законам того времени. Более того, именно халиф присваивал титулы правителям мусульманских государств. Многие из них имели обыкновение просить халифа о добавлении к уже имеющемуся титулу нового или новых, отражающих их заслуги перед государством или мусульманским миром в целом.

Только в 1048 г. халиф признал Тугрула «законным правителем» и даровал ему титулы «Султан – столп веры» и «Султан – прибежище мусульман» [6, с. 305]. Таким образом, через 8 лет после победы при Данданакане завоеванное Сельджуками государство, наконец, получило легитимный статус, а Тугрул – титул султана. В г. Рей для него была изготовлена личная печать (тугра), на который был изображен лук и выгравированы имя и титулы Тугрула [Там же].

В 1048 г. умер правитель Буидов Абу Калиджар. К власти пришел его сын Мелик ар Рахим. В период его правления отношения между Халифом и Буидами (духовной и светской властью в Багдаде) обострились до предела. Эти отношения никогда не были хорошими. Буиды были ревностными шиитами, а официальной идеологией Аббасидского халифата, как уже отмечалось, был суннитский ислам ханифитского толка. Поэтому Буиды не признавали законной власти Аббасидов. В 1040-е гг. началось их сближение с Фатимидским халифатом. При Абу Калиджаре в некоторых городах Ирана начали проповедоваться идеи исмаилизма. В Ширазе в мечетях стали упоминать имя Фатимидского, а не Аббасидского халифа. При сыне Абу Калиджара Мелике ар Рахиме имя халифа Фатимидов начали произносить на проповедях в городах Ирака, а в начале 1050-х гг. – даже в Багдаде. Активным сторонником Фатимидов был командующий войсками Буидов тюрок по происхождению Арслан эль-Бесасири. Он пользовался непререкаемым авторитетом в армии, большая часть которой состояла также из тюрок, и популярностью среди простого люда Багдада [7, с. 94]. К середине 1050-х гг. отношение Бесасири к Аббасидскому Халифу стало откровенно враждебным. Эль Хусейни пишет, что Бесасири относился к халифу как деспот [4, с. 13]. Все это ставило халифа Каима Биемриллаха в крайне сложное положение и стало главной причиной настойчивых и неоднократных обращений к Тугрулу с просьбой (приказом) прибыть в Багдад.

В 1055 г. во главе многочисленной армии Тугрул, наконец, появился у стен Багдада и стал лагерем напротив городских ворот. Бесасири и большая часть подчиненного ему гарнизона, бросив на произвол судьбы Мелик ар Рахима, поспешно бежали в Сирию [4, с. 13].

В первый же день пребывания Тугрула в Багдаде был арестован Малик ар Рахим. Его заковали в цепи и отправили в г. Рей. Там последний представитель династии Буидов был заключен в крепость Табарек, в которой находился до конца своей жизни. (Аль Бундари пишет, что Мелик ар Рахим скончался по дороге в Рей [2, с. 8].) На этом завершилась 120-летняя история государства Буидов.

Тугрул сформировал в Багдаде свою администрацию, назначил новых сборщиков налогов и губернаторов. Рядом с дворцом халифа была возведена резиденция сельджукского султана. Были также построены дома для его вельмож и казармы для солдат. Фактически светская власть в Багдаде перешла в руки Тугрула.

В 1057 г. халиф Каим эль Биериллах официально признал новый статус сельджукского султана. Более того, он присвоил Тугрулу титул «Царя Востока и Запада» и лично опоясал его двумя мечами [6, с. 312] (почесть, которой до Тугрула не удостоивался ни один правитель Востока).

Основатель великой Сельджукской империи и первый ее султан Эбу Талиб Тугрул бин Михаил скончался в сентябре 1063 г. в возрасте 70 лет. Он был похоронен в столице империи г. Рей.

Библиографический список

1. Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда (1030 – 1041) / Пер. А.К. Арендса. Ташкент, 1962.
2. Al Bundari. Irak ve Horasan selçukluları tarihi. (İmad Ad-Din Al-Katib Al-İsfahani'nin Al-Bondari tarafından ihtisar eden Zubdat al-Nuşra va Nuhbat al-Uşra adlı kitabından tercümesi). Türkçeye çeviren Kıvameddin Burslan. İstanbul, 1943.
3. Bosworth C.E. The Later Gaznevids: Splendor and Decay. The dynasty of Afghanistan and Northern India. 1040–1186. NY., 1977.
4. El-Huseyni. Ahbar üd – Devlet is – Selçukiyye. Pencap Üniversitesi Farsça Profesörü Muhammed İkbâl'in 1933'de Lahor'da Neşrettiği metinden tercume eden Necati Lungal. Ankara, 1943.
5. Er-Ravendi (Muhammed bin Ali bin Süleyman). Rahat-üs-Südür ve Âyet-üs-Sürür. (Gönüllerin Rahatı ve Sevinç Alameti.) Farsça metinden Türkçeye çeviren Ahmet Ateş. Ankara, 1957. I. cilt.
6. Gregory Abu'l Farac (Bar Hebraeus). Abu'l Farac Tarihi. Cilt I. Ankara, 1945.
7. Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). Tarih – boy. Teşkilâtı – Destanları. Ankara, 1972.
8. Yılmaz Öztuna T. Türkiye tarihi. 2. cilt. İstanbul, 1964.

В.С. Калмыков

Герцог Бургундии Карл Смелый как военный организатор и полководец

Статья посвящена военной деятельности герцога Бургундии Карла Смелого. В ней рассматривается организация и вооружение бургундской армии, ее тактика на поле боя. Определяются причины поражения в войне со Швейцарской конфедерацией.

Ключевые слова: Бургундия, Карл Смелый, швейцарская пехота, бургундские рыцари, бургундские жандармы.

Личность герцога Бургундии Карла Смелого и его военная и политическая деятельность неизбежно связывается с упадком рыцарской конницы и торжеством швейцарской пехоты. Считается, что герцог «делал ставку на тяжеловооруженную рыцарскую конницу, которая в конце XV века переживала свой закат» [4, с. 391]. Данная точка зрения распространена среди обычных и военных историков, а поражение Карла Смелого от швейцарской пехоты только подтверждает данный тезис. Однако следует отметить, что швейцарцы наносили поражения не только бургундцам, а также тот факт, что и сама швейцарская пехота терпела поражения.

Развитие бургундской армии было достаточно интересным феноменом, для улучшения ее организационной структуры Карлом Смелым было сделано много полезного. Первоначально армия Бургундии не отвечала амбициозным политическим планам герцога. Об этом свидетельствует участник сражения при Монлери Филипп де Коммин: «Кавалерия короля тем временем перешла в двух местах ров, и, когда она приблизилась настолько, что ее можно было атаковать... бургундские кавалеристы прорвали ряды собственных лучников – цвет и надежду армии, не дав им возможности ни разу выстрелить... Примерно из 1200 этих кавалеристов не более 50, как я полагаю, умели держать копьё наперевес и от силы 400 были в кирасах, а слуги все были невооруженными, поскольку долгие годы не знали войны» [5, с. 17]. Из этого эпизода видно, что конница Бургундии не обладала достаточной выучкой и дисциплиной, плохо управлялась на поле боя и не имела достаточного количества защитного снаряжения. Бургундские командиры даже не смогли воспроизвести тактику англичан (с которой они, несомненно, были знакомы), основанной на взаимодействии лучников и рыцарей. Хотя, по утверждению

Коммина, «в то время у бургундцев особым уважением пользовались те, кто действовал в пешем строю вместе с лучниками. Обычай этот шел от англичан, в союзе с которыми герцог Филипп Бургундский еще молодым вел войны во Франции» [5, с. 15–16].

Бургундская армия и ее командиры имели представление об английской тактике, но низкий уровень организации и дисциплины не позволял им воспользоваться опытом и тактикой англичан. Феодалное ополчение было просто не в состоянии производить сложные маневры и четко взаимодействовать с другими родами войск на поле боя. Причиной такого состояния армии Бургундии было то, что «наемных... солдат Бургундский дом не держал, дабы не отягощать народ налогами» [Там же, с. 17]. Но только наемная армия того времени была способна маневрировать на поле боя и слушаться приказов командиров. Для реализации своих политических планов Карлу Смелому была нужна совершенно новая армия, хорошо дисциплинированная и управляемая на поле боя. В средневековье такая армия могла быть только наемной и именно такую армию имели англичане в период Столетней войны.

Поэтому, вступив на престол, Карл Смелый развернул большую программу военных преобразований, беря за образец ордонансовые роты французской армии. Ордонанс от 1471 г. регламентировал организацию частей бургундской армии, порядок ее комплектования, вооружения. Основу армии составили ордонансовые роты, включавшие в себя тяжелую и легкую конницу, пехоту и вспомогательный персонал. С момента созыва ордонансовые роты содержались герцогом, а в мирное время – за счет его вассалов [2, с. 3].

Несомненно, что содержание такой армии требовало больших денежных средств, поэтому в мирное время данное бремя ложилось на вассалов герцога. Изначально ордонансовая рота состояла из 10 «копий» по 10 человек каждое, позднее ее организация усложнилась: теперь шесть «копий» составляли «шамбр», а четыре «шамбра» сводились в эскадрон, в который также входило личное «копье» командира эскадрона. Четыре эскадрона составляли ордонансовую роту [Там же].

Усложнение структуры роты требовалось, прежде всего, для улучшения взаимодействия в бою и управляемости всех соединений армии. Помимо тяжеловооруженной конницы, в состав армии входили пехота и легкая кавалерия, которая была представлена оруженосцами рыцарей. В своих ордонансах Карл Смелый детально расписывал состав и вооружение пехоты, которая состояла из пикинеров, арбалетчиков, лучников и куливрениеров. Причем на 10 пикинеров приходилось 5 арбалетчиков и 3 куливрениера. В полевом сражении пикинеры развешивались в густую

линию, опускались на колени и выставляли в сторону неприятеля свои пики, стрелки должны были вести огонь поверх их голов [2, с. 4].

Данная тактика напоминает английскую тактику времен Столетней войны, к тому же у герцога были и наемные английские лучники. Скорее всего, Карл Смелый в полевом сражении делал ставку на стрелков, а пикинеров рассматривал как прикрытие, а не ударную силу. Основным удар на поле боя наносился бургундскими рыцарями и оруженосцами, чья атака подготавливалась стрелками. В принципе, герцог копировал тактику англичан при широком внедрении ручного огнестрельного оружия. Нельзя считать этот вариант сражения тактической ошибкой Карла Смелого, поскольку опыт сражений Столетней войны доказал эффективность английской системы. Бургундцы, которые были союзниками англичан, стремились использовать их военный опыт.

Следует отметить, что в герцогских ординансах детально расписывался комплекс вооружения конницы и пехоты. Изданный в 1473 г. Сен-Максиминский ординанс определял снаряжение жандарма (рыцаря), по которому: «жандарм должен иметь полный комплект белой сбруи, трех добрых верховых лошадей стоимостью не менее 30 ливров; у него должно быть боевое седло и шанфрьен, и на саладе (шлеме. – *В.К.*) перья наполовину белого, наполовину синего цвета... Не предписывая доспехов для лошадей, герцог отмечает, что он будет благодарен тому жандарму, кто сей [доспех] раздобудет» [Цит. по: 7].

Из этого описания видно, что тяжеловооруженный конник должен был иметь полный латный доспех готического типа, который называется белой сбруей. Его лошадь как минимум должна быть защищена наголовником – шанфрьеном, а в лучшем случае – полным защитным комплектом доспехов. В Бозн-эн-Вермандуаском ординансе содержится прямое указание на то, что обязательные шанфрьены дополняются конскими нагрудниками [7]. Наступательное вооружение бургундских жандармов также было расписано в Сен-Максиминском ординансе 1473 г. В нем говорилось, что «жандарм должен иметь длинный и легкий эсток, копье, кинжал, висящий с левой стороны и булаву для руки, висящую с правой стороны» [Цит. по: 7]. Полный комплект предписанного жандарму вооружения и снаряжения проверялся в ходе периодических смотров, которые проводили специально назначенные герцогом комиссары [7]. Очевидно, Карл Смелый старался контролировать вооружение и экипировку своих воинов, приводя их к определенному стандарту.

Кроме жандармов, в «копье» входили всадники с более легким вооружением, которые назывались «кутилье», они были оруженосцами рыцарей. В боевом построении они занимали вторую шеренгу, всегда готовые

прийти на помощь жандармам. Ордонансы герцога строго регламентировали их вооружение и снаряжение: «Кутилье снабжается бригандиной или корсетом, замкнутым на боках, как это делают в Германии, ожерельем, салатом, боковыми пластинами, кольчатой юбкой, нижними и малыми верхними наручами и перчатками» [Цит. по: 7]. Фактически защитное вооружение «кутилье» было достаточно надежным, из вооружения он должен был иметь «добрый дротик или полу-копье с рукоятью и упором, а при нем добрый меч средней длины, прямой, который он может удерживать как одной, так и двумя руками, а также добрый кинжал, заточенный с двух сторон» [Цит. по: 7]. Лошадь «кутилье» не имела защитного комплекта.

Из этого описания видно, что «кутилье» представляли собой более легкую конницу, чем жандармы, поэтому они были более маневренными на поле боя. Их задачей была поддержка жандармов в атаке и энергичное маневрирование во время сражения. Также в состав «копья» входили конные стрелки, к ним относились лучники и арбалетчики. Бургундские лучники использовали «длинные луки», хорошо зарекомендовавшие себя в Столетней войне. Каждый лучник, как предписывает Абвильский ордонанс, должен был иметь 30 стрел, следует учесть, что лучники не стреляли с коня, а только передвигались верхом до поля боя [7]. Что касается арбалетчиков, то они, по всей видимости, могли стрелять с коня. Составляя задние ряды рыцарского «копья», при сближении с противником арбалетчики успевали дать дальний залп, второй залп мог производиться практически в упор. Они стреляли в промежутки между своими рыцарями или в прорвавшихся всадников противника [10, с. 284].

Такие действия требовали от воинов великолепной индивидуальной подготовки, слаженности действий и высокой дисциплины. Бургундская пехота состояла, в основном, из стрелков, которые вооружались «длинным луком», арбалетом и ручными кулевринами, которые представляли собой прообраз аркебуз. Однако, как пишет А.В. Куркин, «использование кулеврин не получило широкого распространения, как в армии Швейцарской конфедерации или городской милиции Германии» [7]. Бургундское военное руководство гораздо больше уделяло внимания развитию осадной и полевой артиллерии. Трудно упрекнуть Карла Смелого в неадекватности, поскольку ручное огнестрельное оружие еще сильно уступало в эффективности лукам и арбалетам.

Однако широкое внедрение огнестрельного оружия можно считать несомненным новшеством. Отдельные исследователи отмечают, что Карл Смелый располагал самой большой и лучшей артиллерией в Западной Европе [11, с. 11]. Герцог стремился также регламентировать процесс

обучения и тренировки своих воинов, о чем свидетельствует Сен-Максиминский ордонанс 1473 г. В нем говорится, что «монсеньор [герцог] предписывает, дабы упомянутые отряды были лучше обучены в использовании оружия... Капитаны эскадронов и камер должны время от времени выводить некоторых из жандармов в поле, иногда частично, иногда полностью вооруженных, заниматься атакой с копьями [наперевес], сохраняя сомкнутый строй, и пока одни живо атакуют, другие сплачиваются и защищают знамя, и по команде одни смыкаются, оказывая помощь другим, дабы противостоять натиску [врага]» [Цит. по: 6]. Данные тренировки должны были проводиться под руководством командиров рот и эскадронов, но в реальности все зависело от конкретного командира и его желания. Пехота также должна была проводить учения: «Пикинеры должны быть обучены вставать в сомкнутом строю перед упомянутыми стрелками, опускаться на колено в шаге от них, удерживая пики... таким образом, чтобы стрелки могли стрелять поперек упомянутых пикинеров» [Цит. по: 6]. В ходе занятий командиры должны были следить за своими людьми каждый день, проверять их оружие и доспехи [6].

Фактически Карл Смелый пытался создать прообраз армейского устава по тактике и обучению воинов, он также регламентировал сбор и поход армии, во время которого солдатам «строго-настрого запрещалось заниматься грабежом, бить и калечить людей, насилловать женщин», пока армия находилась на землях Бургундии [Там же]. Насколько данное требование было реально выполнимо, сказать трудно. Теоретически армия Бургундии должна была представлять отлаженную боевую машину. Однако содержание такой наемной армии требовало огромных денежных средств. Как пишет М.К. Чиняков, Карл Смелый собрал с подданных налогов за все время своего правления столько же, сколько его отец за 45 лет. Например, в 1475 г. он потребовал уплаты со своих земель 1 млн экю [11, с. 12]. Такие огромные затраты тяжелым бременем ложились на экономику Бургундии.

Одновременно армия герцога встретила с совершенно иной военной системой, которую представляли швейцарские кантоны, создавшие боеспособную пехоту. Причины конфликта Бургундии и Швейцарской конфедерации – тема отдельного разговора, но сам Карл Смелый явно переоценил свои силы: «Они [швейцарцы], не знают, что такое настоящая война. Мы им ее покажем» [Цит. по: 11]. Такие слова свидетельствуют о недооценке противника, что недостойно опытного полководца.

Военная организация швейцарцев была достаточно эффективна, хотя и не отличалась сложной структурой. Основой швейцарской армии была пехота, вооруженная длинными пиками и алебардами. Набиралась армия

по милиционному принципу, а все жители швейцарских кантонов проходили военную подготовку. В первых сражениях с рыцарской конницей традиционные алебарды оказались неспособны отразить ее атаку. Поэтому швейцарцы вооружились длинными и тяжелыми пиками, достигавшими шестиметровой длины. При отражении кавалерийской атаки пики упирали в землю, направляя их на врага [2, с. 4].

Швейцарцы также разработали новый боевой порядок пехоты, основной формой которого была «баталия», квадратная колонна, численность которой колебалась от 500 до 5 000 человек. «Баталия» состояла из отдельных рот, которые набирались по швейцарским кантонам. Наступательный боевой порядок швейцарцев состоял из трех отдельных «баталий», построенных уступом. Сначала в бой вступал авангард, потом центральная «баталия», а третья служила резервом [Там же]. Главным новшеством в этом боевом порядке было то, что «баталии» были способны энергично маневрировать на поле боя. Также в швейцарской армии были отряды арбалетчиков и стрелков из ручных кулеврин, которые должны были прикрывать «баталии» от вражеских стрелков, поскольку плотные массы пехоты были для них прекрасной мишенью. Помимо этого, швейцарцев отличала суровая дисциплина, умение маневрировать, а также упорство и храбрость [Там же, с. 7].

Швейцарская пехота была нелегким противником, и недооценивать ее боевые качества было смертельно опасно. Скорее всего, Карл Смелый надеялся на своих стрелков и артиллерию, стремясь повторить сражение при Фалькирке, когда английские лучники расстреляли плотные построения шотландской пехоты и позволили своим рыцарям добиться победы. До столкновения с бургундцами швейцарцы уже сталкивались с рыцарской конницей и одерживали победы при Моргартене (1315 г.), Лаупене (1339 г.) и Земпахе (1386 г.)

Знал ли Карл Смелый о боевых качествах швейцарцев? Как пишет Г. Дельбрюк, «Карл Смелый заставил одного пленного, швейцарского полковника Брандольфа фон Штейна, изложить ему образ действий швейцарцев, полковник своими объяснениями вызвал удивление и ужас герцога» [1, с. 248–255]. Почему же герцог Бургундии не принял всерьез опасность, исходящую от швейцарских кантонов? Наверное, он был слишком уверен в своей новой армии и английской тактической схеме. Именно эта уверенность и привела к сокрушительному поражению бургундской армии в первом же сражении.

Сражение произошло 2 марта 1476 г. при Грансоне, когда Карл Смелый осаждал его со своей армией, а на помощь осажденным шла швейцарская пехота. Г. Дельбрюк оценивает численность бургундской армии

в 14 000 человек, из них тяжелой конницы было 2–3 тысячи всадников, 7–8 тысяч были стрелками, остальная пехота была представлена пикинерами [1, с. 259]. Швейцарская пехота насчитывала 19 000 человек и, по мнению Дельбрюка, Карлу Смелому следовало ожидать ее атаку в укрепленном лагере [Там же]. Однако герцог Бургундии был слишком уверен в своей армии и особенно в артиллерии, поэтому он считал победу над швейцарцами обеспеченной.

Утром 2 марта 1476 г. обе армии выступили навстречу друг другу, часть швейцарцев вступила в бой с бургундским сторожевым постом. Разгоревшийся бой привлек на дорогу новые силы с каждой стороны. Карл Смелый, прибывший с авангардом, решил принять бой с передовой швейцарской «баталией», выдвигая против нее в первую очередь своих стрелков [Там же, с. 260]. По всей видимости, герцог основывал свою тактику на широком применении стрелков, которые должны были подготовить атаку жандармов. В принципе, такая тактика имела все шансы на успех, но при условии, что противник стоит без движения и не имеет собственных стрелков.

Битва началась с обстрела швейцарцев бургундской артиллерией, первый залп которой попал в швейцарскую «баталию» и сбил с ног разом десять человек. После чего в атаку пошли бургундские жандармы: швейцарская пехота была вынуждена остановиться и выставить пики для отражения атаки. Швейцарцы отразили первую атаку жандармов, вторую возглавил сам Карл Смелый, но она также была отражена, а лошадь герцога была ранена. Левый фланг бургундцев под командование Луи де Шалона попытался обойти швейцарскую «баталию» и ударить ей в тыл. Однако местность была крайне неудобной для конницы, поэтому и эта атака закончилась неудачей, а сам Шалон погиб [3, с. 6].

Из хода сражения видно, что бургундская тактика была не совсем эффективна против швейцарской пехоты. Ряды «баталии» не были расстроены стрелками и артиллерией до той степени, когда строй пехоты теряет свою монолитность. Возможно, при большем времени обстрела ряды пехоты были бы расстроены и атака жандармов увенчалась успехом, но этого времени у Карла Смелого не было, поскольку к месту сражения подходили еще два швейцарских каре. Далее герцог решил выманить швейцарцев под обстрел и приказал лучникам и артиллерии сместиться на фланги, а пехоте немного отступить назад [Там же]. Однако бургундские солдаты центра и тыловых подразделений приняли перестроевание авангарда за поражение, а услышав звуки боевых швейцарских рогов, решили, что их авангард полностью разбит. После этого итальянские и немецкие наемники бросились в бегство. Под командованием

Карла Смелого остались только жандармы и артиллерия, после чего герцог был вынужден оставить поле боя.

Потери бургундцев составили 300 человек, швейцарцы потеряли около 200 и многие были ранены бургундскими лучниками [3, с. 6]. В этом сокрушительном поражении виноват сам Карл Смелый, самоуверенность которого и привела к таким печальным результатам. Слабая дисциплина бургундской армии не позволяла перестраиваться в ходе сражения и эффективно использовать выбранную тактику. Правильнее было отражать натиск швейцарцев в укрепленном лагере, при этом можно было полностью использовать мощь артиллерии и стрелков.

Следующим сражением, в котором опять встретились бургундцы и швейцарцы, была битва при Муртене. 22 июня 1476 г. Карл Смелый собрал еще более сильную армию численностью 18–20 тысяч человек, и 9 июля начал осаду Муртена, где оборонялся швейцарский гарнизон. Несмотря на большие усилия, бургундцам не удалось взять Муртен [1, с. 264–265]. На помощь гарнизону двигалась швейцарская армия численностью 26 000 человек. Действия Карла Смелого в этом сражении открыто критикуются Дельбрюком, который указывает: «вместо того, чтобы установить за швейцарцами, местонахождение лагеря которых ему было известно, тщательное наблюдение... он упорно оставался в убеждении, что они не отважатся на атаку» [Там же, с. 267].

Фактически герцог не организовал разведку, чем и воспользовались швейцарцы, внезапно атаковавшие лагерь бургундцев. Первоначально бургундские рыцари и лучники, укрывшись за земляными укреплениями, отразили первый натиск швейцарцев, но две другие «баталии» обогнули левый фланг и ворвались в бургундский лагерь [3, с. 10]. Как и при Грансоне, армию Карла Смелого охватила паника, и герцогу стоило больших сил спасти часть конницы и спастись самому. Пехота же, в том числе английские лучники, была полностью уничтожена швейцарцами [1, с. 269]. В этом поражении опять виноват сам герцог Бургундии, не организовавший разведку и не подготовивший свою армию к отражению атаки швейцарцев. Фактически бургундская армия демонстрировала плохую дисциплину и управляемость, кроме отдельных отрядов конницы. После этого поражения Карл Смелый лишился Лотарингии и понес большие финансовые потери. Герцог не имел возможности набрать большую армию, поэтому поход на столицу Лотарингии г. Нанси был наименее обеспеченной экспедицией.

5 января 1477 г. произошло роковое сражение, в котором погиб герцог Бургундии. Карл Смелый располагал в этой битве всего 3 000 бургундцев и 2 000 итальянских наемников. Рене Лотарингский и швейцарцы имели

20-тысячную армию. Прикрываясь метелью, часть из них атаковала бургундцев во фронт, а основные силы совершили обход и напали с фланга [11, с. 11]. В сражении при Нанси у Карла Смелого не было ни единого шанса на победу. Гибель герцога Бургундии и поражение его армии положили конец планам создания Великой Лотарингии, а в военном отношении основным уроком стала высокая боеспособность швейцарской пехоты и несбалансированность бургундской армии. Как справедливо отмечает Куркин, «одним из главных военных факторов сокрушительного разгрома Бургундии явилась, на наш взгляд, неравнозначная ценность составляющих ее войско компонентов. Бургундская армия обладала великолепной кавалерией, превосходной для своего времени артиллерией, хорошими стрелками, но слишком малочисленными пикинерами, которые являлись костяком пехотного построения» [8, с. 407].

Швейцарская пехота не была непобедимой, что было доказано французами при Мариньяно в 1515 г. Прием, к которому прибегли французы, заключался в том, что конница наносила удар за ударом по флангам швейцарских «баталий», а артиллерия била по фронту. Как писал Франциск I, «таким путем было предпринято 30 славных атак, и ни об одной в будущем нельзя было сказать, что от конницы не больше пользы, чем от зайцев в доспехах» [Цит. по: 8]. Швейцарцы были вынуждены останавливаться для отражения атак кавалерии, при этом они несли потери от артиллерийского огня. Общие потери швейцарской пехоты составили 15 тысяч человек из 30 тысяч [8, с. 130–131].

Почему же Карл Смелый не смог реализовать тактический прием, блестяще реализованный французами? В его действиях заметна излишняя самоуверенность и недооценка противника. К тому же после поражения при Грансоне у него не было времени и сил для реорганизации армии и усиления пехоты. Куркин пишет: «герцог Карл, в целом очень хорошо разбиравшийся в военном деле и обладавший несомненными организационными талантами, был недостаточно искусен в вопросах тактического планирования» [Там же, с. 409]. Из этой оценки можно сделать вывод, что Карл Смелый был прекрасным военным организатором, но плохим полководцем. Именно эти качества привели его армию к поражению, а его самого – к гибели.

Библиографический список

1. Дельбрюк Г. История военного искусства. Средневековье и Новое время. Смоленск, 2003.
2. Гаш Дж. Армии эпохи Ренессанса. 1480–1650 гг. / Пер. с англ. Ч. 2 // Сержант. 2005. № 30 (1). С. 3–8.

3. Гирченко Т.В. Швейцарская армия 1300–1500 гг. // Солдат. 2000. № 46. С. 2–13.
4. Жарков С. Рыцарская конница в бою. М., 2008.
5. Коммин Ф., де. Мемуары. М., 1986.
6. Куркин А.В. Боевые будни бургундских солдат, или Армия Карла Смелого глазами очевидцев // Поле боя. URL: <http://www.fieldofbattle.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=465> (дата обращения: 15.12.11).
7. Куркин А.В. Вооружение бургундской армии 1460–1470 гг. (Нормативные акты, отчеты, мемуары, хроники, миниатюры, картины, гобелены, скульптура) // Поле боя. URL: <http://www.fieldofbattle.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=453> (дата обращения: 15.12.11).
8. Куркин А.В. Рыцари: последние битвы. М., 2005.
9. Оман Ч. Военное искусство в средние века. М., 2011.
10. Панченко Г. Луки и арбалеты в бою. М., 2010.
11. Чиняков М.К. К вопросу о Бургундских войнах 1474–1477 гг. // Воин. 2001. № 6. С. 10–12.

С.В. Сопленков

Восточные общества и Россия в историко-философской концепции А. Смита

На основании конспектов «Лекций по юриспруденции» Адама Смита и других источников реконструируются представления мыслителя о путях развития восточных обществ и России, а также прослеживается влияние этих идей на российскую общественную мысль второй половины XVIII в. (на примере произведений С.Е. Десницкого и И.А. Третьякова).

Ключевые слова: А. Смит, «Лекции по юриспруденции» А. Смита, историко-философская концепция, критика восточного деспотизма, С.Е. Десницкий, российская общественная мысль о Востоке, восприятие идей А. Смита в России.

Каковы закономерности общественного развития народов Востока и Европы? В чем заключаются различия между положением подданных восточных и европейских государств, и каковы должны быть ориентиры общественного и экономического развития? По какому пути –

европейскому или азиатскому – развивается Россия? Ответы на эти вопросы, затрагивавшие фундаментальные принципы взаимоотношений государства, общества и личности, искали многие представители европейской историко-философской и экономической мысли. Свои ответы на них дал и А. Смит.

Востоковед, обратившийся к «Исследованию о природе и причинах богатства народов» А. Смита (1776; далее по тексту – «Исследование») с целью понять представления шотландского мыслителя о Востоке, сталкивается с определенными трудностями. Широко известно, что Смит подвергал жесткой критике деятельность Британской Ост-Индской компании, на страницах его труда неоднократно встречаются упоминания об Индии и Китае, очевидно, что Смит осуждал восточный деспотизм. Однако при сопоставлении с сочинениями французских мыслителей той эпохи – «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье или коллективного труда французских энциклопедистов во главе с Д. Дидро с указанием авторства аббата Рейналя («Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях»; 1770) – может возникнуть впечатление, что у Смита не сформировалось оригинального видения восточных обществ, и его суждения об Индии и Китае – это всего лишь примеры для иллюстрации собственного экономического учения, фрагменты, не складывающиеся в цельную картину представлений о Востоке.

О том, что это первое впечатление обманчиво, говорили выводы специалиста по историко-экономической проблематике А.М. Петрова. По его мнению, критика воззрений физиократов в IV книге «Исследования», по сути, является критикой экономической модели восточных обществ, поскольку физиократы в качестве образца для подражания выбрали Китай [см. 31, с. 146]. Само по себе грамотное построение этой критики требовало от Смита знаний о восточных обществах. И вполне определенная система представлений о Востоке у мыслителя действительно сложилась.

Дело в том, что для самого Смита «Исследование» было частью задуманного им грандиозного (в духе энциклопедизма эпохи Просвещения) научного проекта, «философского триптиха» [2, с. 174; 42, с. 32]. «Теория нравственных чувств» (1759) трактовала межличностные отношения между людьми в частной жизни, «Исследование» объясняло человеческую деятельность в экономической сфере, третье сочинение Смит предполагал посвятить теории государства и права, анализу взаимоотношений личности и государства. Более того, планировалась и четвертая книга с общим обзором истории наук и искусств. Таким образом, Смит замыслил

создать цельную философскую и социологическую концепцию глобального масштаба.

Проект так и остался незавершенным. Перед смертью Смит распорядился уничтожить рукописи своих неопубликованных трудов, однако в 1895 и 1959 гг. в Британии были обнаружены студенческие записи лекций по юриспруденции шотландского мыслителя. Изначально лекции были записаны скорописью (естественно, с определенными лакунами), а затем – переписаны набело, поэтому до нас дошли не обрывочные конспекты, а полноценные тексты, где сохранены особенности авторского языка (в наиболее полном виде дошли обнаруженные в XX в. записи 1762/63 учебного года). Британские публикаторы отмечают, что в ту эпоху рукописные копии конспектов лекций популярных профессоров зачастую продавались в книжных магазинах [41, с. 6–7] (жизнь иностранных, а также состоятельных, но нерадивых студентов этим значительно облегчалась). Таким образом, идеи Смита получили распространение задолго до выхода в свет его «Исследования». Для отечественного историка содержание этих лекций тем более интересно, что их слушателями были два российских студента – С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков, направленные в 1761 г. Академией наук для обучения в университет г. Глазго и в 1767 г. получившие там степени докторов права. Они были лично знакомы со Смитом [39, с. 255; 44, с. 158–159]. Его ученик, профессор гражданского права Джеймс Миллар, фактически осуществлял руководство научной деятельностью Десницкого и Третьякова [39, с. 253]. В результате они были прекрасно осведомлены об идеях шотландского мыслителя.

Нам предоставляется возможность проникнуть в творческую лабораторию мыслителя, проследить процесс взаимодействия британской и российской экономической мысли XVIII в., и ответить на ряд вопросов. Во-первых, какое понимание восточных обществ характерно для Смита? Во-вторых, что из этого Десницкий и Третьяков в свою очередь смогли донести до отечественного читателя?

На первый взгляд, курс лекций по юриспруденции имеет весьма отдаленное отношение к историко-философской или экономической мысли. Однако век энциклопедизма диктовал совершенно иной подход к изложению материала по сравнению с юридической наукой в наши дни. Само понятие «юриспруденция» Смит трактовал предельно широко – как учение о принципах управления обществом. В начальной лекции курса он провозглашал: «Первая и самая главная задача любой системы правления – установить правосудие (*justice*), то есть предотвратить покушения членов общества на собственность друг друга или присвоение ими того,

что им не принадлежит» [46, с. 5]. Таким образом возникала необходимость рассказать слушателям о формах правления и о формах собственности. По сути, это были лекции по истории и философии государства и права (вероятно, они и должны были составить основу той самой третьей части «философского триптиха» Смита). Да и позже, в XIX в., российский политэконом А.К. (Г.) Шторх, в своих рассуждениях во многом следовавший за Смитом (по курсу Шторха обучался в 1813 г. великий князь Николай Павлович, будущий император), называл политическую экономию «философией истории» [35, с. 16–17], т.е. в ту эпоху политическая экономия воспринималась как своего рода историко-философское осмысление экономики.

Структура лекционного курса была выстроена следующим образом. Смит говорил о том, что человек существует в трех ипостасях: как индивидуум, как член семьи и как гражданин [46, с. 7]. Соответственно, в первой части лекционного курса («О юстиции») выделялись три раздела: частное право, семейное право (здесь в соответствии с традицией римского права, когда рабы считались членами *familia* их владельца, Смит рассматривал социальные отношения в обществе), гражданское право.

Однако самое важное начиналось во втором разделе – о внутреннем управлении (лектор использовал термин «полиция» [*police*], объясняя, что в древнегреческом языке слово «полития» означало принципы управления государством). Вкратце упомянув, что задачами внутреннего управления являются поддержание общественного порядка и благоустройство территории страны, Смит, как всякий ученый, переходил к рассказу о том, что было интересно ему самому – об экономике. Он объяснял слушателям: задача правительства – обеспечение подданных необходимыми жизненными припасами по возможно более низким ценам. Как добиться этого? И далее следовал долгий рассказ о разделении труда (уже в 1763 г. прозвучал знаменитый пример о булавочном производстве) и о том, что разделение труда предопределяет увеличение количества товаров и более низкие цены. Смит подходил к формулированию закона стоимости, говоря о различии между «естественной ценой» (*natural price*), т.е. стоимостью товара, и его «рыночной ценой» (*market price*) [Там же, с. 357–366], рассуждал о функциях денег, подвергал критике теории меркантилистов, торговые монополии и деятельность Ост-Индской компании.

Как уже догадался читатель, многие фрагменты лекций «по юриспруденции» с определенными изменениями Смит позже включил в «Исследование». Основы экономического учения Смита были известны студентам университета Глазго более чем за десятилетие до выхода в свет книги.

Записи лекций 1762/63 учебного года на этом обрываются, однако по более краткой рукописи, датированной 1766 г., известно, что в лекционном курсе по юриспруденции были еще два раздела – об армии и о международном праве [46, с. 542–554].

Речь на лекциях велась не только о Британии. Смит, как и другие мыслители XVIII в., стремился выявить универсальные принципы развития человечества, поэтому часть его рассуждений посвящена Востоку.

Британские публикаторы «Лекций по юриспруденции» установили, на какие труды ссылался Смит в своем курсе [Там же, с. 591–596] (естественно, круг его чтения был гораздо шире). Рассказывая о Востоке, он использовал следующие источники информации: сочинения античных авторов (Страбон, Николай Дамасский и др.); переводы восточных источников (есть упоминание о сочинении хивинского хана и историка XVII в. Абулгази «Родословное древо тюрок», английское издание 1729–30 гг.), труды востоковедов и записки о путешествиях на Восток (Э. Кемпфер «История Японии», английское издание 1727 г.; Ж.-П. де Турнефор «Реляция о путешествии по Леванту», английское издание 1718 г. и др.).

Для данного исследования представляет интерес и такая деталь. В первом европейском лейденском издании сочинения Абулгази (1726 г.) помещены развернутые постраничные примечания. Их составил шведский офицер Бентинк, оказавшийся в ходе Северной войны в русском плену. В примечаниях содержалась информация о России и о восточных народах, обитавших по соседству с ней, а также на ее территории. Эти примечания, где Российское государство характеризовалось как деспотическое и приводились сведения о тяжелом положении в России крепостных крестьян, необеспеченности прав землевладения, заинтересовали Монтескьё. Возможно, эта же информация позже привлекла внимание Смита и повлияла на его суждения о России и о Востоке [21, с. 33; 27, с. IX].

Заметное влияние на представления мыслителя о восточном деспотизме оказала античная философская традиция, в частности, труды Платона («Государство») и Аристотеля («Никомахова этика», «Политика»). Кроме того, Смит изучал сочинения меркантилистов (Т. Мэн), современную ему политическую и философскую литературу (Ш.-Л. Монтескьё, «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера, Вольтер, Д. Юм, Дж. Локк и др.), где уже сформировались определенные подходы к осмыслению модели развития восточных обществ.

Профессиональная деятельность и даже круг общения Смита способствовали этому интересу. В университете Глазго существовала кафедра восточных языков [44, с. 224–225, вклейка], и Смит, занимавший ряд административных постов, вероятно, был осведомлен о ее работе. Позже, в 1772 г., он

был представлен руководству Ост-Индской компании и рассчитывал получить назначение на должность в Индии [45, с. 415]. Вместе с тем, в трактовке восточных обществ шотландский мыслитель во многом следовал за идеями французских Просветителей, прежде всего – Монтескье.

В лекциях не было специального раздела, посвященного Востоку. Отдельными примерами Смит иллюстрировал свои умозаключения, однако за приводимыми им фактами, на первый взгляд, прихотливо выбранными и противоречивыми, стоит цельное понимание восточных обществ. Далее читатель найдет не пересказ этих лекций, а попытку воссоздать систему представлений Смита о восточных обществах и России.

Мыслитель выделяет четыре стадии (эпохи; *Ages*) развития человечества: эпоха охотников, эпоха пастушеская, сельскохозяйственная и коммерческая [1, с. 14–15; 20, с. 60–67; 46, с. 14]. Данная схема исторического развития была сохранена им и в «Исследовании». Сразу же отметим, что, хотя Смит значительно популяризовал эту концепцию развития человечества, раньше него ее применяли другие мыслители и экономисты эпохи Просвещения – А.-Р.-Ж. Тюрго [4, с. 4–5, 15; 17, с. 577–578], Дж. Стюарт, лорд Кэймс (Г. Хоум) [38, с. 271; 43, с. 174–175]. В одно время со Смитом ее использовали шотландский историк У. Робертсон [10, с. 45], а также философ и социолог А. Фергюсон (современники обвиняли его в плагиате у Смита) [44, с. 101, 119]. Под влиянием Смита данную концепцию разрабатывал Миллар, считавший, что сам Смит строил свои рассуждения «...по плану, предложенному... Монтескье» [8, с. 77; 38, с. 269; ср.: 22, с. 244–250, 255–266]. Базой для умозаключений мыслителей эпохи Просвещения служили сочинения античных авторов [14, с. 676, прим. 7 к с. 271]. Каким же образом Смит характеризовал стадии развития общества?

Охотничья эпоха – это первобытность. В поисках пропитания люди вынуждены постоянно перемещаться. На этой стадии зарождается власть вождей [46, с. 213–214]. В таком состоянии пребывают индейцы.

Постепенно общество развивается и вступает в пастушескую эпоху. Теперь у людей формируются представления о собственности (пока только о движимости, поскольку богатство заключается прежде всего в скоте). Именно на этой стадии развития находятся, по мнению Смита, современные ему «дикие», неразвитые народы – арабы, калмыки и «татары»¹ [Там же, с. 15, 213, 229]. Они ведут кочевой образ жизни и не

¹ Под Великой Татарией тогда подразумевалась огромная территория: от северных и северо-западных пределов Китая до Волги и Каспия [25, с. 39–40]; проживавшие здесь народы именовались «татарами».

привязаны к определенному месту обитания, поэтому у них нет представлений о праве частной собственности на землю и любви к родине [46, с. 218]. Отдельные племена охраняют обитаемую ими территорию, однако пастбище принадлежит пастуху лишь до тех пор, пока он пасет на нем скот [Там же, с. 22]. Права кочевого племени на определенный участок территории Смит уподобляет правам зрителя на кресло в театре: после окончания спектакля он покидает свое место [Там же, с. 21]. В рассказе лектора возникает красивый образ: «Араб или татарин будет гнать свои стада по необъятным пространствам, не предполагая, что хотя бы одна песчинка здесь может принадлежать ему» [Там же, с. 460].

В пастушескую эпоху власть вождей укрепляется. Мыслитель отрицает теорию общественного договора, высказывая мнение: власть возникает в результате «естественного прогресса» общества, на основе принципов авторитета (*authority*) и общей пользы (*utility*) [Там же, с. 321]. В примитивных обществах это авторитет более старших по возрасту, более сильных или удачливых. Вожди начинают накапливать богатства и делают власть наследственной, поэтому восточные народы уделяют значительное внимание генеалогии, определяющей порядок наследования власти [Там же, с. 216–217]. Именно здесь Смит ссылается на сочинение Абулгази. Эта ссылка сохранилась и в «Исследовании» [29, с. 305, прим. 1].

В отличие от охотников, кочевники, обладающие значительно большими материальными ресурсами, имеют возможность объединяться в многочисленные орды. Подобно ветхозаветным евреям, арабы, «татары» и калмыки, отправляясь на войну целым «кланом» [46, с. 214, 229], вбирают в орду покоренные кочевые племена, присваивают себе их собственность, поэтому кочевники могут создать огромные армии, объединенные под властью вождей и подчинить себе соседние страны, как это сделали арабы, объединенные Магометом и его потомками, и «татары» под предводительством Чингисхана и Тамерлана [Там же, с. 214–215, 220].

Если кочевой народ оседает в стране с благоприятными природными условиями и сможет отстоять себя от нападений внешних врагов, то возникает «регулярная форма правления» (государство) [Там же, с. 221]. Кочевники постепенно переходят к оседлому образу жизни и занятиям сельским хозяйством. Арабы и «татары», по мнению Смита, вследствие влияния тяжелых природно-климатических условий застыли на пастушеской стадии развития [Там же].

При характеристике первых двух ступеней человеческой цивилизации мыслитель не отмечает резких различий между Европой и Востоком. Рассказ о «татарах», арабах и калмыках перемежается примерами из жизни древних германцев.

Различия между государствами Европы и Востока становятся ощутимыми на третьей, сельскохозяйственной, стадии. Сравнивая власть римских императоров и восточных царей, Смит отмечает: Римская империя была создана людьми, которые ранее жили, «...подчиняясь законам древнего государства (т.е. республики. – С.С.), и когда они создавали новое (империю. – С.С.), то не в их интересах было отменять те законы, благотворное влияние которых они ощущали сами. Но... [монархии] в восточных странах, все они были основаны татарскими или арабскими вождами. Современные султаны... Моголы и императоры Китая, все они имеют татарское происхождение. Они не обладали пониманием пользы законов, поэтому никогда не задумывались о продлении действия старых или об установлении новых. Их собственная власть была абсолютна, и должностные лица (*magistrates*) или паши, назначенные ими, естественно, приобрели такую же власть над теми, кто находился под их юрисдикцией... Паши и каждое подчиненное им должностное лицо обладают такой же неограниченной властью в своей собственной части империи. Народ живет в самых ужасных условиях, поскольку жизнь и собственность здесь зависят от милости судей (*judges*) самого низкого ранга...» [46, с. 241–242].

После падения Римской империи создавшие на ее территории новые государства «германцы и другие северные народы... имели ту же форму правления, которую до сих пор имеют татары, но в чем-то более развитую; они обладали навыками сельского хозяйства и [осознанием] права земельной собственности, чего те (татары. – С.С.) не имеют» [Там же, с. 244, 460].

Развернутая логика рассуждений Смита реконструируется следующим образом. Европейские государства в эпоху раннего средневековья были созданы на древнеримской культурной и экономической основе варварскими народами, по уровню развития превосходившими азиатских кочевников. Восточные монархии основаны кочевыми народами с примитивным культурным уровнем, не имеющими представлений о праве собственности на землю. Правители восточных держав, вступивших в сельскохозяйственную или коммерческую стадию развития, являются потомками кочевников и управляют своими государствами при помощи методов, не изменившихся со времен кочевнической эпохи.

Показывая различия между восточными обществами и европейской цивилизацией, Смит приводит пример из британской истории. Кромвель, как и римские императоры, сосредоточил в своих руках неограниченную власть, но его правление резко отличается от «военных монархий» Востока, поскольку он оставил в неприкосновенности старые законы,

защищавшие права частной собственности, отменив лишь устаревшие феодальные нормы. В свою очередь Карл II, вернувшийся на престол в результате реставрации королевской власти, подтвердил основные законодательные акты, касающиеся прав собственности, принятые при Кромвеле [46, с. 237]. Даже смена власти не повлияла в этом аспекте на права граждан.

На Востоке сложилась иная ситуация. Там собственность не была обеспечена, поэтому «...не было ничего более распространенного, как закапывание человеком всего, что он имел. В наши дни в Турции и во владениях Моголов (*the Moguls dominions*) почти каждый имеет сокровища, и одна из последних вещей, которые человек сообщает своим наследникам, – то место, где сокровища могут быть найдены» [Там же, с. 25]. Эти сведения почерпнуты Смитом у Ф. Бернье и Монтескье.

Не обеспечена на Востоке и неприкосновенность личности. В Англии действует *Habeas Corpus Act*. На Шотландию он не распространяется, однако местные законы также защищают права человека, находящегося под арестом: арестованный должен предстать перед судом. Смит объясняет: «Все это необходимо для обеспечения свободы в свободных формах правления (*free governments*), но в деспотических правлениях (*despotic governments*) воля должностного лица (*magistrate*) – закон» [Там же, с. 480].

Деспотия, тирания в Османской империи, Персии, Китае, Империи Великих Моголов начинается с частной жизни людей. Данную идею Смигу могли подсказать аналогичные рассуждения о восточных обществах Аристотеля в «Никомаховой этике» (Кн. VIII, 12 [X], 20–35) и Монтескье [22, с. 228]. Причиной возникновения элементов деспотизма на уровне семьи шотландский мыслитель считает полигамный брак. В таких семьях жены находятся в полной власти мужа, между женщинами царствуют неприязнь и взаимная ревность, каждая из жен опасается за будущее своих детей, они лишены общения с внешним миром (причину последнего явления Смит видит в ревности мужей) [46, с. 150–153]. В свою очередь любовь главы семьи к детям, как правило, невелика, поскольку детей в таких семьях много, и каждому ребенку отец может уделять лишь незначительное внимание. Таким образом, внутри полигамной семьи каждый из ее членов обречен на одиночество, семья не становится опорой для человека.

Затем Смит связывает частную жизнь и государственную структуру. Главы таких семейств, терзаемые взаимной подозрительностью, лишены возможности доверительного общения. «Они поэтому неспособны объединяться в какие-либо сообщества или заключать союзы для того,

чтобы отомстить своим угнетателям и обуздать непомерную (*extravagant*) власть правительства, а также отстоять свои свободы. Мы видим, соответственно, что все страны, где приемлется полигамия, находятся под самым деспотичным и произвольным правлением (*despotic and arbitrary government*): Персия, Турция, государство Моголов, а также Китай... И поскольку само правительство деспотично, то и главы семейств наделены столь абсолютным и деспотическим авторитетом, какой только может существовать... ведь иным образом было бы невозможно сохранить порядок в государстве» [46, с. 154, см. также с. 449]. Деспотизм пронизывает восточные общества сверху донизу.

По отношению к деспоту все подданные равны, и в восточных странах нет наследственной аристократии. Например, «когда умирает паша... его дети удостоиваются не большего уважения, чем дети человека подлейшего сословия...» [Там же, с. 157]. Смит считает, что наследственная аристократия необходима для блага государства. Аристократы ограничивают королевскую власть. Кроме того, они способны противостоять внешнему врагу, если королевская армия потерпит от него сокрушительное поражение. В Европе после захвата территории врагом сопротивление ему продолжается. Например, турки не раз отступали с уже занятых ими венгерских земель, столкнувшись с подобным сопротивлением [Там же, с. 157–158].

В отличие от европейских государств, восточные страны могут подпасть под власть победителя в течение короткого времени. Грандиозные империи Кира Великого, Александра Македонского, Чингисхана и Тамерлана были созданы в результате нескольких побед в решающих сражениях. Причиной их скорого распада стало не сопротивление покоренных народов, а междоусобная борьба между наследниками завоевателей [Там же, с. 158].

Представления Смита о восточном деспотизме проступают и в его рассуждениях о рабстве. Он отмечает: «...рабство возникает во всех обществах с самого начала [их исторического развития], и возникает оно вследствие [человеческой] предрасположенности к тирании, которая, можно сказать, почти что естественна для человечества» [Там же, с. 452].

Понятие «рабство» имеет у Смита расширительное толкование. Рабство для него – зависимость личности, живущей в условиях отсутствия буржуазных прав и свобод, поэтому рабство как явление мыслительно не связывает исключительно с античным рабовладением, с исторически определенной стадией развития человечества. При помощи понятия «рабство» Смит описывает и общественные отношения в античности, и положение подданных восточных деспотий, и средневековую личную

зависимость крестьян, и современные ему американское плантационное рабство и русское крепостничество. Характеристики исторического развития России и Востока в рассказе Смита начинают переплетаться. Конечно же, для русских студентов было важно услышать мнение о крепостнической России со стороны. Как мы увидим, идеи, высказывавшиеся Смитом, да и сама жизнь в обстановке европейского буржуазного общества, оказали существенное воздействие на воззрения Третьякова и Десницкого.

«Мы склонны думать, – говорил Смит, обращаясь к студентам, – что рабство в наше время совершенно отменено, не учитывая того, что так можно сказать лишь о небольшой части Европы, не помня о том, что во всей Московии и во всех восточных регионах Европы, и во всей Азии, то есть на пространстве от Богемии до Индийского океана, в Африке и на большей части Америки, оно все еще используется. В действительности почти невозможно, что оно когда-нибудь будет везде и полностью упразднено» [46, с. 181]. Картина развития человеческой цивилизации, создаваемая Смитом, весьма далека от в общем-то радужных представлений большинства французских Просветителей. Подавляющая часть человечества, поглощенная властолюбием и эгоизмом, пребывает в состоянии беспросветного рабства. Где же выход?

Далее рассуждения Смита строятся следующим образом. Рабство экономически невыгодно, поэтому при демократической форме правления «...жизненные интересы [землевладельцев] приведут их к освобождению рабов и введению обработки земли при помощи свободных слуг и наемных работников...» [Там же, с. 186].

В деспотическом государстве представители низших сословий могут надеяться на просвещенного монарха, настроенного на прогрессивные преобразования. Тем более в России, где «...цари... обладают весьма значительной властью, однако рабство все еще используется...» [Там же, с. 189]. Ранее, в «Теории нравственных чувств» (1759), Смит дал емкую характеристику Петра I: «Можно ли представить пример менее человеколюбивого человека и более одаренного чутьем общественного блага...» [29, с. 241].

Реформы в пользу угнетенных не ставят власть государя под угрозу, поскольку для деспота все «... подданные – его рабы, что бы ни произошло; напротив, это может способствовать укреплению его авторитета, ослабляя влияние знати. Поэтому он своего рода беспристрастный судья, и таким образом чувство сострадания (*compassion*) может подвигнуть его к ослаблению власти хозяев [над рабами]. В связи с этим мы видим, что ни одной абсолютной монархии никогда не угрожало [восстание

рабов?], ни во владениях Моголов, ни в современной или древней Персии, ни в Турции...» [46, с. 182]. Речь идет именно о форме правления. Размышляя о праве подданных на свержение высшей власти, Смит утверждает: «...поскольку один человек намного сильнее подвержен... нелепостям [в поведении], чем большое собрание, то мы обнаруживаем, что революции... более часты в абсолютных монархиях, чем где-либо еще. Революции постоянно происходят в Империи Великих Моголов; турки редко живут под властью одного султана более 6 или 8 лет (хотя у них сохраняется все то же абсолютное правление). За прошедшие несколько лет в России было больше революций, чем во всей Европе за то же время. Глупость одного человека (т.е. монарха. – С.С.) подстрекает народ и оправдывает восстание [в его мнении]» [Там же, с. 323]. Под революциями Смит подразумевает государственные перевороты. В данном случае важно то, что Смит, как правило, в своих рассуждениях сопоставляет Россию с деспотическими восточными государствами.

Власть на Востоке деспотична, и тем не менее Смит признает высокий уровень экономического развития ряда восточных государств. Например, «в стране Моголов, где все ремесла и производства доведены до высочайшего совершенства, любая необходимая вещь может быть приобретена за гораздо меньшее количество денег, чем здесь. Хлопчатобумажные и шелковые ткани различных сортов, которые более удобны для носки, чем наши льняные и шерстяные, там очень дешевы, и если бы не высокие пошлины... мы были бы одеты трудами [жителей Империи Великих] Моголов в их... ткани, которые гораздо дешевле и лучше всего, что мы производим сами. Только эти пошлины поддерживают наших производителей», – утверждает Смит [Там же, с. 344; см. также: 19, с. 96–97; 24, с. 8–9, 16; 26, с. 3–4; 36, с. 85].

Каким же образом мыслитель разрешает противоречие между признанием высокого уровня развития экономик стран Востока (по сравнению с Европой второй половины XVIII в.) и постоянной критикой деспотической власти? С точки зрения Смита, это не то богатство, к которому следует стремиться европейцам. В европейской экономической мысли XVIII – начала XIX вв. вырабатывались иные ориентиры экономического роста. Смит считал: «щедрая оплата труда является... неизбежным следствием... и естественным симптомом роста национального богатства. Скудное существование трудящихся бедняков... служит естественным симптомом того, что страна переживает застой, а их голодание – что она быстро идет к упадку» [28, с. 69]. В соответствии с этими параметрами китайскую экономику Смит оценивает как находящуюся в состоянии «застоя» [Там же, с. 68]. Китай «...давно уже приобрел тот

максимум богатств, который совместим с характером его законов и учреждений» [28, с. 85], т.е. общественное устройство Китая препятствует росту его национального богатства. Заработная плата в Поднебесной на грани минимума для поддержания существования работника. Из застоя китайская экономика сможет выйти только «при наличии других законов и учреждений...» [Там же], в результате политических изменений в государстве.

При всем богатстве восточных стран Смит употребляет сочувственную характеристику: «несчастные страны». В этих «...несчастливых странах, в которых люди находятся постоянно в страхе от насилия высших, часто случается им зарывать и скрывать большую часть своих богатств... Такое явление... весьма обыкновенно в Турции, Индостане и, разумеется, в большей части азиатских государств» [Там же, с. 19]. О небезопасности прав собственности, сверхэксплуатации в Китае и Индии Смит говорит в «Исследовании» и далее [Там же, с. 84–85]. Причем деятельность Ост-Индской компании на Востоке не облегчила положения местного населения, поскольку компания присвоила себе функции восточного государя, оставаясь купцом¹ [Там же, с. 462–463].

И в «Лекциях», и в «Исследовании» Смит приводит один и тот же упоминающийся пример конкретного способа воспроизводства национального богатства, взятый у Монтескье («О духе законов», кн. XV, гл. 8) [22, с. 215]. На венгерских рудниках эффективный труд наемных работников облегчен применением техники, тогда как на расположенных поблизости турецких – выбывающиеся из сил «рабы», причем «...руки этих рабов являлись единственными машинами, которые турки когда-либо думали употребить в дело» [28, с. 495; 46, с. 526].

У Смита есть и незаметное на первый взгляд противопоставление Западной Европы и восточных обществ. Британский автор Д. Форбс обратил внимание: в «Исследовании» слово «civilized» никогда не использовалось Смитом в связи с Индией и Китаем, даже при том что, как очевидно, Смит высоко оценивал уровень их экономического развития [40, с. 190]. Скорее всего, для Смита, читавшего лекции по юриспруденции, само понятие цивилизации базировалось на идее гражданского права (*ius civile*) и гражданского общества. Интересно, что, в отличие от Индии и Китая, Россию, даже считая ее деспотическим государством (близким

¹ Смит весьма резко отзывался о «...неизменной жадности... купцов и промышленников, которые... и не являются и не должны являться владыками человечества» [28, с. 360; см. также: 37, с. 23], ведь интересы общества в целом выше интересов отдельного, пусть даже прогрессивного, сословия.

по типу к восточным), где царит крепостное «рабство», мыслитель оценивал более высоко, отмечая, что она наслаждается определенной «степенью порядка и спокойствия» [40, с. 191, прим. 13]. Таким образом, Россия в рассуждениях Смита занимает промежуточное положение между Востоком и Западом. Надежды на прогрессивные изменения в России (как и в странах Востока) Смит связывал с деятельностью просвещенных монархов и с реформами «сверху».

Усвоение Десницким и Третьяковым историко-философской концепции Смита и смитовской критики восточного деспотизма – это отдельная тема. В Россию Десницкий и Третьяков вернулись в период Екатерининской «оттепели». По инициативе императрицы Вольным экономическим обществом в 1766 г. был проведен международный конкурс сочинений по вопросу: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?». Победа на конкурсе была присуждена французскому автору Беарде де л'Абею (de l'Abbaye), выступившему за наделение крестьян правами на все виды собственности [23, с. 10; 34, с. 21–25] (а это предполагало необходимость ограничений и, возможно, постепенной отмены крепостного права). Французским экономистом, так же, как и Смитом, проводились параллели между крепостничеством и положением подданных восточных деспотических государств: «Воззрите на ужасное Оттоманской империи пространство, на неизмеримыя страны Турецкия, Персидския и на прочия места Азии... изучите прибытки Европы: повсюду найдете вы богатство и могущество на равном степени с вольностью и поощрением земледельцов и с благосостоянием крестьян; напротив чего бедность... суть всегдашний жребий варварских земель, где господствует еще рабство» [23, с. 22]. Характерно, что большинство членов Вольного экономического общества воспротивилось переводу на русский язык и публикации этой работы, и в печати она появилась только под давлением императрицы, лиц из ее окружения и либерально настроенных интеллектуалов (в числе членов Общества, поддержавших перевод и издание статьи, были братья Орловы, Р.И. Воронцов, Л. Эйлер) [34, с. 27–28].

В 1767 г. начала работать Комиссия о сочинении проекта нового Уложения и был опубликован «Наказ» Екатерины II. В атмосфере ожидаемых преобразований о своей общественной позиции Десницкий и Третьяков заявили очень скоро. Востребованными оказались не только их историко-философские, политические, но и экономические воззрения, почерпнутые у Смита. Современные исследователи уже неоднократно писали об этом, поэтому здесь, дабы читатель смог составить целостное

представление по изучаемому вопросу, имеет смысл напомнить лишь о главном.

Десницкий в 1768 г. подал Екатерине II «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». По его словам, он пытался «приноровить» идеи «барона де Монтескю» к российской действительности [12, с. 294, прим.]. В этой записке Десницкий выступил с критикой бесчеловечных проявлений крепостничества: «Противны человеколюбию, пагубны для государства, вредны самим помещикам ныне чинимые продажи крестьян в розницу или хотя семьями, но без земель» [Там же, с. 320]. Рекомендации Десницкого по экономическим вопросам, созданные под влиянием идей Смита, были включены в Дополнение к «Наказу», утвержденное императрицей 8 апреля 1768 г. (в главу XXII «О расходах, доходах и о государственном оных управлении, сиречь о государственном строительстве...») [подробнее см.: 38, с. 263–266; 39, с. 42–59].

Не остался в стороне от насущных проблем и Третьяков. В 1768 г. он собирался выступить в Московском университете с публичной речью на тему: «Происходит ли наибольшая польза в государстве от рабов или от людей свободного состояния и от уничтожения рабства» [17, с. 568]. Зная о содержании лекций Смита, нетрудно догадаться о том, в каком духе намеревался выступать Третьяков. Университетская администрация «скользкую» тему не одобрила, и им была прочитана речь об истории университетского образования в Европе (реальное авторство ее текста принадлежало Десницкому) [8, с. 84–86]. В своей речи «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов...» (1772) Третьяков ознакомил российскую читающую публику с экономическими аспектами воззрений шотландского мыслителя. Речь представляла собой по большей части перевод или, точнее, пересказ соответствующих фрагментов из лекций Смита [ср.: 18, с. 147; 33, с. 353; 46, с. 333–334]. Разумеется, сам жанр речи позволил Третьякову кратко изложить лишь некоторые, показавшиеся ему наиболее интересными идеи. В частности, иллюстрируя рассуждения о «разделении трудов», как уже отмечали отечественные и зарубежные исследователи, Третьяков приводил почерпнутый у Смита знаменитый пример о булавочном производстве [38, с. 262, прим. 41]. Правда, ссылка на шотландского мыслителя в речи так и не прозвучала.

Деятельность Десницкого оказалась более плодотворной. В 1768 г. он выступил с обширной речью «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции...». Оратор объяснял, что существует «натуральная юриспруденция». Ее цель – «...изыскивать причины,

которые действуют во всех государствах и суть основанием всех законов и правлений» [13, с. 202]. Десницкий ссылаясь на авторитет Смита, «нравоучительная философия» которого «ближайше с натуральною юриспруденциею соединена» [Там же]. Неудивительно, что намечая план преподавания «натуральной юриспруденции», он копировал структуру и содержание лекционного курса Смита.

Десницкий популяризовал одну из линий историко-философских размышлений своего учителя – концепцию стадийного развития человечества, с соответствующими каждой стадии способами присвоения природных благ или производства, уровнями социально-экономического, политического и культурного развития (как на источник этой концепции Десницкий ссылаясь на сочинения Юлия Цезаря, Тацита, Саллюстия Криспа, Аммиана Марцеллина и др. античных авторов, возможно, внушавших читателям в те времена большее почтение, чем их современник Адам Смит).

В «Слове о ближайшем и прямом способе к научению юриспруденции» Десницкий упоминал о существовании стадий развития человечества: «ловля зверей», «хлебопашество» и «купечество» [Там же, с. 205]. Оратор говорил о необходимости изучения форм правлений европейских государств, в том числе «правления февдального» (в лекциях Смит подробно характеризовал европейский феодализм) [46, с. 601]. Более подробно данную концепцию Десницкий изложил в своих поздних речах (1775; 1781). Предлагаемую схему общественного развития правовед считал универсальной: «...по оным четверояким народов состояниям мы должны выводить их историю, правления, законы и обычаи, и измерять их... преуспеяния в науках и художествах» [15, с. 271]. Он утверждал, что на второй стадии развития (пастушеской или скотоводческой) «...находятся у нас скитающиеся юртами и ордами татары, калмыки и подобные сим бесчисленные народы под державою Российскою и в соседстве» [14, с. 260]. Эта концепция общественного развития была усвоена в отечественной литературе [3, с. 40, примеч. 2; 10, с. 30].

К проблемам же восточного деспотизма, собственности на землю, сопоставлению России и Востока Десницкий обращался неоднократно. Так, в «Слове о ближайшем и прямом способе к научению юриспруденции» (раздел «Рассуждение о родительской власти...») он местами практически дословно воспроизводил один из элементов смитовской критики восточного деспотизма, характеризуя семью у «варварских народов»: «...в таком состоянии и у таких народов отец думает о себе, что он не меньше есть как самовластен и самодержец над своими детьми и над своей фамилией»; «варварские народы» видят в длительной

жизни единственный источник опыта, поэтому уважают старших» [13, с. 223–225]. В качестве примеров Десницкий приводит обычаи «татарских народов», «арапов», ветхозаветных евреев [Там же, с. 226–227].

Интересна характеристика Китая. Основываясь на сообщениях иезуитов, правовед отмечает: «У китайцев ничто так не почитается за святость, как родительская власть над своими детьми. Они, когда хотят доказывать кому, коликую власть имеет китайской император, обыкновенно говорят, что она есть такая великая, какую и отец имеет у них над своими детьми. Ибо у них... отец и поныне имеет власть живота, смерти и продавать своих детей...» [Там же, с. 230–231; ср.: 16, с. 19–20].

Многие отечественные авторы и в первой половине XIX в. продолжали умиляться патриархальности китайского «правления». Десницкий же вслед за Смитом увязывает патриархальность с деспотизмом. Кроме того, он утверждает, что и в современной ему России законодательство носит патриархальный характер, поскольку «...одно слово родителей в суде... в состоянии сына и дочь довести до кнута» [13, с. 230].

В 1780–82 гг. Н.И. Новиковым был издан первый том сочинения английского правоведа Вильяма Блэкстоуна «Истолкование аглинских законов...» (*Commentaries on the Laws of England; 1765–69*) в переводе и с примечаниями Десницкого. Книга издавалась по высочайшему повелению, что давало переводчику определенную свободу, которой Десницкий не преминул воспользоваться.

В работе Блэкстоуна присутствовали рассуждения о «деспотических и тиранских» правлениях на примере Османской империи («...власть там деспотическая находится в высочайшей степени и представляет самое ужаснейшее зрелище») [5, с. 365–366]. Критика деспотизма сопровождалась ссылками на Монтескьё [Там же, с. 2–3, 355–356; 6, с. 200–201]. Блэкстоун, рассказывая о временах Петра I, упоминал «...привыкший к самовластию Российский двор» [5, с. 323], таким образом становилось понятным: характеристика деспотизма относится не только к Османской империи, но и к России.

Собственные воззрения Десницкий высказал в примечаниях к тексту. Одно из них свидетельствует: он усвоил просветительскую концепцию восточного деспотизма. Ссылаясь на Д. Юма, Десницкий писал: при английском короле Генрихе VIII власть парламента была слаба, и обе палаты «...при сем Государе были в трепете, и как восточных монархов гнусные рабы похваляли в нем даже и самое бесчеловечие» [5, с. 137, прим.].

В 1780 г. Новиков издал выполненный Десницким перевод английского сочинения по агротехнике «Наставник земледельческий...» Т. Боудена.

Книга посвящена цесаревичу Павлу Петровичу «всенижайшим рабом Семеном Десницким» [7, посвящение, стр. не указана]. Конечно, это была лишь стандартная форма посвящения, однако человек, практически одновременно написавший о «восточных монархов гнусных рабах» и сам подписавшийся как «всенижайший раб», наверняка понимал, что современную ему Россию следует соотносить с Востоком.

На лекциях Смит указывал на причины, препятствующие росту национального богатства: рабство, необеспеченность собственности, неограниченный деспотизм власти. Зная об этом, легко понять, что подразумевал Десницкий в предисловии к книге Боудена: «В Англии никаких препятствий политических земледелию... нет, и обрабатываемая там земля повсеместно отдана в торг так, что всякой желающий может иметь оную безпрепятственно; от чего вся Великобритания зделалась повсеместным почти пахотным полем... Доходы там помещичьи и государственные поборы поземельные чрез то умножились во сто крат больше, и собираются... безнедоимочно всякой год. Не лъзя сперва таковых успехов ожидать от Российских хлебопашцев...» [Там же, предисловие, стр. не указана].

В данном случае у Десницкого не было прикрытия в виде высочайшего повеления или чужих мыслей, за комментариями к которым можно было спрятать собственные. Назвав ориентир для социально-экономического развития России – буржуазную Англию, где царят «вольность и собственность, написанныя на лице почти у всякаго Британца как природныя права...» [Там же, посвящение, стр. не указана; 11, с. 119–120], и подразумевая необходимость проведения реформ, Десницкий уходил от возможных обвинений в вольнодумстве и далее вел речь о важности изучения английской агротехники. Конечно же, посвящая книгу цесаревичу и ставя при этом ему в пример Петра I, он надеялся на инициативу преобразований со стороны будущего монарха.

Таким образом, сопоставление Смитом моделей развития восточных обществ и России, смитовская критика восточного деспотизма, сам круг просветительских идей, усвоенных на лекциях шотландского мыслителя, послужили катализатором собственных мыслей Десницкого о возможности реформ в России. Популяризованные Десницким идеи усваивались российской интеллектуальной элитой и заинтересованной читающей публикой, и это, в свою очередь, стимулировало аналогичные размышления отечественных авторов и читателей о необходимости преобразований в России.

О сочинении Блэкстоуна упоминает Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Подберезье»): «Не худо бы было заставлять судей наших иметь сию книгу вместо святцев, заставлять их чаще в нее

заглядывать, нежели в календарь». М.М. Сперанский в одной из записок 1802 г., где намечаются контуры проекта реформ, пренебрежительно отзывается о Монтескье и Блэкстоуне [32, с. 20]. Отзыв этот неискренен. Скорее всего, он был нужен для того, чтобы защититься от обвинений в заимствовании вольнодумных идей. С их работами Сперанский был хорошо знаком. Аргументацию необходимости преобразований он во многом строит на доказательствах неэффективности деспотизма, «рабства», под гнетом которого пребывает население России («рабы государевы» и «рабы помещичьи»), отмечая сходство между властью царей и восточных деспотов, между Россией и Османской империей [30, с. 93–95].

Эта тенденция сохранилась в отечественной общественной мысли и позже. В 1815 г. Шторх в «Курсе политической экономии», продублировав многие места из «Исследования», также подчеркивал черты сходства между восточными деспотическими государствами и Россией и доказывал экономическую, а также политическую бесперспективность «рабства» (т.е. крепостничества) [35, с. 122].

Темы, так или иначе затронутые и популяризованные Десницким и Третьяковым, либо под влиянием Смита, либо в виде прямых заимствований из конспектов его лекций, – критика восточного деспотизма, представление о стадиях развития общества и о «февдализме», сопоставление моделей развития России и стран Востока, представление о бесперспективности крепостного «рабства» – в первой половине XIX в. заняли центральное место в размышлениях многих отечественных авторов. Этот комплекс представлений усваивался и политической элитой, что постепенно подготавливало идейную почву для отмены крепостного права «сверху».

Библиографический список

1. Абрамова И.И. Исторические взгляды Адама Смита: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1988.
2. Аникин А. Адам Смит. М., 1968.
3. [Артемьев А.А.] Краткое начертание Римских и Российских прав с показанием купно обоих, равномерно как и чинов положения оных историй, сочиненное Алексеем Артемьевым. М., 1777.
4. Бак И. Тюрго как экономист // Тюрго А.Р. Избр. экономические произведения. М., 1961. С. 3–26.
5. [Блэкстоун В.] Истолкования Аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по Всевысочайшему повелению Великой законодательницы Всероссийской с подлинника Аглинского. Кн. 2. М., 1781.
6. [Блэкстоун В.] Истолкования Аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по Всевысочайшему повелению Великой законодательницы Всероссийской с подлинника Аглинского. Кн. 3. М., 1782.

7. [Боуден Т.] Наставник земледельческий, или Краткое аглинского хлебопашества показание. М., 1780.
8. Браун А. С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков в Глазговском университете (1761–1767) // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1969. № 4. С. 84–88.
9. Город в формационном развитии стран Востока / Отв. ред. Н.А. Симония. М., 1990.
10. Грацианский П.С. Десницкий. М., 1978.
11. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984.
12. Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1952. С. 292–332.
13. Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции в публичном собрании Императорского Московского университета говоренное... июня 30 дня 1768 года // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1952. С. 187–235.
14. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов... // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1952. С. 257–267.
15. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежителства... говоренное... апреля 21 дня 1781 года // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1952. С. 268–286.
16. Записки, надлежащая до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. Китайцев, сочиненные проповедниками веры Христианской в Пекине. Т. 1. М., 1786.
17. История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1. М., 1955.
18. Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 2006.
19. [Лист Ф.] Национальная система политической экономии. Сочинение д-ра Фридриха Листа. СПб., 1891.
20. Майбурд Е.И. Введение. Мир Адама Смита // Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Книги I–III. М., 1993. С. 11–106.
21. Минутин Р. Образ России в творчестве Монтескье // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. М., 2004. С. 31–41.
22. Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999.
23. Перевод сочинения, присланного в Вольное Экономическое Общество в ответ на заданный в 1766 г. вопрос: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?»... Творец сего сочинения г. Беарде Делабей, доктор прав церковных и гражданских в Акене // Труды Вольного Экономического Общества, к поощрению в России земледелия и домостроительства. СПб., 1768. Ч. VIII, январская треть [№ 1].
24. Петров А.М. Азиатский способ производства и XXI век // «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности: Материалы к научной конференции ИМЭМО РАН и ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 12–14 апреля 2004 г.). Доклады в виде отдельных брошюр. М., 2004.

25. Петров А.М. Запад–Восток. Из истории идей и вещей: Очерки. М., 1996.
26. Петров А.М. Соотношение Запад–Восток глазами экономического историка. М., 1992.
27. Саблуков Г.С. От переводчика // Родословное древо тюрков. Соч. Абуль-Гази, Хивинского хана. Казань, 1906. С. IX.
28. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
29. Смит А. Теория нравственных чувств. СПб., 1868.
30. Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000.
31. Сопленков С.В. Зарубежный Восток: вопросы экономической истории в политэкономической классике // Восток (Oriens). 2002. № 4. С. 145–149.
32. Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961.
33. Третьяков И.А. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... говоренное июня 30 дня 1772 года // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1952. С. 353–360.
34. [Ходнев А.И.] История Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Составленная по поручению Общества секретарем его А.И. Ходневым. СПб., 1865.
35. [Шторх А.К.] Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Соч. Генриха Шторха. Т. 1. СПб., 1881.
36. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
37. Barber W.J. A History of Economic Thought. Harmondsworth-Baltimore-Ringwood, 1967.
38. Brown A.H. Adam Smith's First Russian Followers // Essays on Adam Smith / Ed. by Andrew A. Skinner and Thomas Wilson. Oxford, 1975. P. 247–273.
39. Brown A.H. S.E. Desnitsky, Adam Smith and the Nakaz of Catherine II // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1974. Vol. 7. P. 42–59.
40. Forbes D. Sceptical Whiggism, Commerce, and Liberty // Essays on Adam Smith / Ed. by Andrew A. Skinner and Thomas Wilson. Oxford, 1975. P. 179–201.
41. Introduction // Smith A. Lectures on Jurisprudence / Ed. by R.L. Meek, D.D. Raphael, P.G. Stein. Oxford, 1978. P. 1–42.
42. Oakley A. Classical Economic Man. Human Agency and Methodology in the Political Economy of Adam Smith and J.S. Mill. Aldershot-Cambridge, 1994.
43. Skinner A.S. Adam Smith: an Economic Interpretation of History // Essays on Adam Smith / Ed. by Andrew A. Skinner and Thomas Wilson. Oxford, 1975. P. 154–178.
44. Scott W.R. Adam Smith as Student and Professor. Glasgow, 1937.
45. Smith Adam // The Dictionary of National Biography. From the Earliest Times to 1900. Vol. XVIII. L., repr. 1949–1950.
46. Smith A. Lectures on Jurisprudence / Ed. by R.L. Meek, D.D. Raphael, P.G. Stein. Oxford, 1978.

К.Н. Локшина

Традиции изучения основных концепций местного самоуправления в зарубежных странах

Статья посвящена изучению особенностей концепций местного самоуправления в зарубежных государствах. Также затрагивается вопрос анализа терминов «местное самоуправление» и «местное управление» зарубежными исследователями. Существенными признаками системы местного самоуправления в зарубежных странах является их универсальная выборность и значительная самостоятельность в решении местных вопросов.

Ключевые слова: местное самоуправление, органы местного самоуправления, децентрализация, англосаксонская модель самоуправления, континентальная модель самоуправления.

В большинстве современных государств управление всеми делами на местах осуществляется специальными органами местного самоуправления, формируемыми на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, а также специально назначенными из центра органами местного управления.

Концепция местного самоуправления исходит, прежде всего, из того, что местные сообщества населения представляют собой один из основных элементов любого демократического режима, а право граждан на участие в управлении общественными делами является составной частью демократических принципов построения большинства современных государств. Кроме того, принцип местного самоуправления исходит из того, что участие граждан в управлении общественными делами самым непосредственным образом может быть реализовано именно на местном уровне. При этом совершенно очевидно, что существование местных

сообществ, облеченных реальными полномочиями, делает возможным обеспечить такое управление, которое было бы наиболее эффективным и максимально приближенным к нуждам населения [12, с. 10].

Важно заметить, что в литературе и законодательстве разных стран употребляются различные термины: «местное управление», «местное самоуправление». Следует признать, что «до сих пор четко не определено соотношение этих понятий между собой, степень их сходства или различия. Поэтому одинаковые по сущности явления определяются различными терминами» [Там же, с. 17].

Тем самым, можно отметить, что общим в определении понятий «местное управление» и «местное самоуправление» является то, что эти институты функционируют на местном уровне и в той или иной степени призваны решать вопросы местного значения. Отличия заключаются в вопросах их внутренней организации, взаимоотношениях с государственными органами и характере их компетенции.

Местное управление представляет собой управленческую деятельность в местной территориальной единице, которая осуществляется центральной властью или администрацией вышестоящего уровня управления.

Исследуя теоретический интерес к вопросам местного самоуправления, следует указать, что он возник в Европе еще в первой половине XIX в. и получил дополнительное развитие благодаря немецким ученым. Более века велись дебаты по поводу термина, обозначающего местное самоуправление, поскольку в разные годы в Англии, Франции, Германии использовались различные термины для обозначения местного самоуправления.

Рассмотрим обстоятельства, при которых формировались эти термины, и мнения некоторых исследователей о времени их возникновения.

После буржуазных революций конца XVIII – начала XIX вв. возникли проблемы взаимоотношения центральной и местной власти, стали подниматься вопросы об уровне участия народа в государственной власти, уровне компетенции местных органов власти и границах их полномочий. Немецкие исследователи Г. Штимпфл и Х. Шоллер связывают происхождение термина «местное самоуправление» непосредственно с событиями Великой Французской революции 1789 г., которая отражает, на их взгляд, факт самостоятельности общины по отношению к государству. Это подтверждается тем, что в 1790 г. во французском Национальном Собрании был заслушан доклад Турэ о реформе местного управления. Именно в этом докладе впервые местное управление, или самоуправление, было обозначено как децентрализация (*décentralisation*) [12, с. 24].

Рассмотрим основные концепции местного самоуправления, которые были разработаны в XIX в.

Исторически первой зародилась теория свободной общины. Она была разработана в начале XIX в. Сущность данной теории заключается в обосновании необходимости ограничения вмешательства государства в дела общины, которая исторически предшествовала государству [7, с. 6].

Теория свободной общины выдвигала следующие основополагающие начала организации местного самоуправления:

- а) избираемость органов местного самоуправления членами общины;
- б) положение о разделении дел, которыми ведает община, на собственные дела и дела, поручаемые ей государством;
- в) местное самоуправление – это управление собственными делами общин, отличными по своей природе от дел государственных;
- г) органы местного самоуправления – органы общин, а не государства;
- д) государственные органы не вправе вмешиваться в собственную компетенцию общины, они лишь следят за тем, что бы община не выходила за рамки своей компетенции.

Критика этой теории сводилась к тому, что самоуправление делегировано общинам со стороны государства. Территория, на которой располагаются общины, является государственной, так же, как и все граждане, проживающие на этой территории, являются гражданами этого государства. Даже если учесть тот факт, что территориальные общины были лишь официально признаны государством в определенный период времени, то уж создание территориальных союзов общин было очевидно делом государственным.

В результате эволюции понимания местного самоуправления и практики теорию свободной общины сменила общественная теория самоуправления, сторонники которой Т. Джефферсон, А. де Токвиль, Дж. Милль, Г. Еллинек, О. Мейер отстаивали естественное право каждого человека на самоуправление [5, с. 12]. Они считали самоуправление явлением не государственным, выражающим только местные интересы, в компетенцию которого входило решение местных вопросов. Эта теория выдвигала в качестве признаков самоуправления не государственный, а именно хозяйственный характер деятельности местного самоуправления, усматривала сущность самоуправления в предоставлении местному обществу самому ведать своими общественными интересами без каких-либо вмешательств со стороны государства.

В трудах немецких ученых Р. фон Моля и О. Гирке была отражена «хозяйственная» теория. Исходя из данной теории, самоуправление

общин сводилось к независимой от государства хозяйственной деятельности. Самоуправление толковалось как частноправовой союз, аналогичный иным частным корпорациям (ученым, благотворительным, акционерным обществам). Поскольку хозяйственные дела общины – заведование местной полицией, призрение бедных, осуществление противопожарных и санитарных мер – очевидно попадали в круг общегосударственных дел, было решено различать собственную и порученную компетенцию органов самоуправления. Самоуправлением является лишь собственная компетенция общины.

Во второй половине XIX в. возникает государственная теория местного самоуправления. В Западной Европе и США распространение государственной теории самоуправления было вызвано процессами урбанизации и индустриализации конца XIX – начала XX вв. Основателями этой теории считают немецких ученых XIX в. Лоренца Штейна и Рудольфа Гнейста [3, с. 75]. Главной идеей этой теории является то, что любая деятельность по управлению, осуществляемая носителем публично-правовых прав и обязанностей, есть деятельность государственная. Современное государство не может себе позволить допустить абсолютно самостоятельную, независимую от него деятельность. В связи с этим Л. Штейн критиковал теорию «свободной общины», относя существование таковой лишь ко времени феодализма, поскольку только в средние века суверенитет мог быть разделен между отдельными субъектами, а именно – феодальными землевладельцами, поэтому в то время было возможно существование «свободных общин», независимых от государства [12, с. 45]. Будущее самоуправления Л. Штейн видел в образовании административных общин.

По мнению Р. Гнейста, самоуправление есть проявление децентрализации государственного управления. На примере Англии Р. Гнейст критикует концепцию «свободной общины», отрицая ее догосударственный характер и опровергает «хозяйственную» теорию, полагая обеспечение местных хозяйственных нужд чуждым природе *selfgovernment*. Самоуправление Р. Гнейст понимает как государственное управление округов и общин через почетные, безвозмездно выполняемые должности при помощи общинных поземельных налогов. Особое внимание Гнейст уделяет органам местного самоуправления: исполнение должностных функций должно восприниматься как безвозмездная, почетная обязанность [9, с. 57].

В основе большинства современных теорий местного самоуправления лежит концепция «*community government*», означающая управление от имени местного сообщества и вместе с ним. Ее авторы Дж. Стюарт, Дж. Стокер основываются на вовлечении местного сообщества

в управленческий процесс и повышении политической роли местного самоуправления [9, с. 58].

Среди других современных теорий местного самоуправления следует отметить локалистскую концепцию. В ее основу положены идеи либеральной демократии. Местное самоуправление выступает как важный институт политической демократии. Важность существования сильного и разветвленного местного самоуправления определяется необходимостью разделения власти, вовлечения наибольшего числа людей в процесс принятия решений. Обобщение и распространение опыта местных органов власти по обеспечению местных потребностей в сочетании с экспериментами, инновациями и способностью к обучению являются особенно важными. Локальный характер позволяет обеспечить доступность и быстроту реагирования муниципальных служащих, возможность разумного сочетания местных ресурсов с местными потребностями.

Важное значение имеет и концепция общественного выбора. Ее сторонники считают рынок оптимальным механизмом распределения товаров и услуг, а также принятия соответствующих решений. Для повышения эффективности местного самоуправления ими предлагается открытая состязательность с частным сектором, которая заставляет местную бюрократию в большей степени раскрыть истинную информацию о стоимости обеспечиваемых ими услуг и делает возможным сравнение эффективности затрат с частным сектором, а также фрагментацию существующей бюрократии [6, с. 34].

Таким образом, местное самоуправление представляет собой такую специфическую ветвь общественной власти, которая, с одной стороны, участвует в осуществлении воли государства, а с другой – наиболее полно учитывает интересы местного сообщества. В теории органы местного самоуправления укрепляют публичную власть, делая ее более гибкой и эффективной, т.к. являются более доступными для людей, максимально приспособлены к использованию имеющихся ресурсов для удовлетворения потребностей населения.

Анализируя становление местного самоуправления в зарубежных странах, необходимо выделить тот факт, что сила и влияние органов местного самоуправления в различных государствах отражает степень демократизма существующего политического режима. Эти органы возникли и развивались как прямой противовес абсолютной власти центра. В силу этого они очень часто оказывались в оппозиции центральному правительству, и их взаимоотношения часто характеризовались откровенным противостоянием по вопросам разделения компетенции, финансово-экономическим вопросам и т.д. Первоначально эти органы формировались

на основе ограниченного избирательного права состоятельными гражданами общества при наличии цензовых барьеров. Впоследствии система формирования органов местного самоуправления была демократизирована, эти органы превратились в наиболее массовые и наиболее приближенные к населению.

В настоящее время существенными признаками системы местного самоуправления в зарубежных странах является их универсальная выборность и значительная самостоятельность в решении местных вопросов. Эта самостоятельность опирается на муниципальную собственность, право взимания местных налогов и распоряжениями, возможность принятия широкого круга нормативных актов по вопросам местного управления, распоряжение местной полицией и т.д. [2, с. 134–135].

Юридическая и фактическая самостоятельность органов местного самоуправления в ряде современных государств носит особенный специфический характер. Их самостоятельность иная, чем самостоятельность автономных образований, т.к. органы местного самоуправления не обладают законодательными полномочиями, поскольку они могут действовать только на основе и в рамках законодательных актов, изданных центральными законодательными органами всей страны или субъекта федерации, если это федеративное государство. В ФРГ, например, выделяют три условия правового регулирования местного самоуправления: федеральное законодательство, законодательство отдельных земель и принимаемые самими общинами правовые установления. Нормами федерального законодательства является, прежде всего, Основной закон ФРГ 1949 г., но ведущее место в правовом регулировании местного самоуправления занимает законодательство земель, хотя в различных землях правовое положение коммун имеет свои особенности [1, с. 56].

На основе рассмотренных выше концепций местного самоуправления необходимо проанализировать три существующие модели местного управления в зарубежных государствах. В настоящее время можно обозначить англосаксонскую (английскую), континентальную (французскую) и «смешанную» модели местного самоуправления. Различия данных моделей зависят, прежде всего, от взаимоотношений местных органов между собой и с государственной властью [10, с. 121–122].

Англосаксонская модель распространена в Великобритании, США, Канаде, Австралии и других странах с англосаксонской правовой системой, где местные представительные органы формально выступают автономно в пределах своих полномочий, без прямого подчинения вышестоящим органам. Для этой модели характерно то, что на местах нет уполномоченных центрального правительства, которые бы опекали

представительные органы, избираемые населением административно-территориальных единиц. Наряду с представительными органами в этих странах, особенно в США, непосредственно населением избираются и некоторые должностные лица администрации. Большими полномочиями здесь наделяются комиссии (или комитеты) местных представительных органов, играющие значительную роль в подготовке и принятии отдельных решений. Контроль за деятельностью местных органов управления в этих странах осуществляется через центральные министерства и суд. По месту и роли местных органов в политической системе этих стран можно сделать вывод, что они фактически являются составной частью государственного механизма. Термин же «местное управление» служит для обозначения организации и деятельности местных органов и обычно указывает лишь на один из критериев их отличия от других государственных органов – на их местный (локальный) характер.

Континентальная (французская) модель управления распространена в странах континентальной Европы, франкоязычной Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке. Ее отличия от англосаксонской базируются на сочетании прямого государственного управления на местах и местного самоуправления. Эта модель зародилась во Франции. Континентальная модель является иерархической структурой, где сверху происходит передача различных директив, а снизу поступает информация, и где на государственные органы работают представители на местах. Данная модель характеризуется также некоторой подчиненностью нижестоящих местных органов самоуправления вышестоящим по структуре. В рамках этой модели представительные органы порой создаются только в административно-территориальных единицах, признанных в качестве территориальных коллективов. На отдельных уровнях представительные органы могут вообще отсутствовать (как, например, в районах и кантонах Франции). Субъектом территориального самоуправления на трех основных уровнях во Франции (коммуны, департаменты, регионы) является население, проживающее на данной территории. Реформой начала 1980-х гг. во Франции была ослаблена степень соподчиненности между различными уровнями местных органов. В соответствии с законами от 7 января и 22 июня 1983 г. ни один территориальный уровень не может осуществлять опеку над другим, за исключением ряда строго ограниченных вопросов: региональный уровень поставлен над департаментом и коммунами в социальных вопросах, здравоохранении, сельском оснащении, школьном транспорте. Кроме того, был несколько смягчен административный контроль центра над местными представительными органами [Там же, с. 127].

Местное управление в Австрии, Германии, Японии и некоторых других странах имеет сходство с обеими моделями, обладая при этом и некоторыми специфическими чертами. Это и позволяет выделить его в отдельную – «смешанную» модель местного самоуправления [4, с. 84].

В развитых странах различия между этими двумя моделями обычно не носят принципиального характера, они находятся в определенном сближении между собой, в особенности после муниципальных реформ во Франции и Великобритании, проведенных в 1980-х гг. Функционирование обеих моделей строится на многих сходных принципах, свойственных современному демократическому государству. Основой системы местных органов, самоуправления этих стран являются местные представительные органы, формирующиеся непосредственно населением в результате свободных и состязательных выборов.

Таким образом, подводя итог анализу изучения данного вопроса, можно отметить, что сегодня в стабильных в политическом и социально-экономическом плане государствах сложилась своя собственная модель местного самоуправления. Вследствие того, что большинство этих государств прошли в целом схожие этапы своего развития, исходя из общности их целей, задач и интересов, следует сказать, что все эти модели имеют множество сходных черт, но, тем не менее, не лишены и определенной индивидуальности.

Библиографический список

1. Гриценко Е.В. Местное самоуправление в системе публичного управления федеративного государства: Значение опыта ФРГ для России. Иркутск, 2001.
2. Демьяненко А.Н. Муниципальное управление: Учеб. пособие. Хабаровск, 2008.
3. Евдокимов В.Б., Старцев Я.Ю. Органы местного самоуправления: США и Западная Европа. Екатеринбург-Челябинск, 1999.
4. Емельянов Н.А. Местное самоуправление: международный опыт. М., 2007.
5. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Местное самоуправление: российская практика и зарубежный опыт. М., 2005.
6. Институты самоуправления: Историко-правовое исследование / Графский В.Т., Ефимова Н.Н., Карпец В.И. и др. М., 2005.
7. Местное самоуправление в зарубежных странах. Информационный обзор / Под общей ред. Н.П. Медведева, А.И. Ракитова. М., 1994.
8. Редлих И. Английское местное самоуправление. Т. 2. СПб., 1908.
9. Свиридова Т. Местное (земское) самоуправление в XIX веке в России и Западной Европе // Муниципальное право. 2001. № 5. С. 55–59.
10. Старцев Я.Ю., Евдокимов В.Б. Местные органы власти зарубежных стран. Правовые аспекты. М., 2001.

11. Тимофеева Е.П. Местное самоуправление: историографический обзор // Мир человека. Т. 3. 2007. № 3.
12. Тихонов Д.А. Местное самоуправление и местная автономия в современной России. М., 2004.

А.Д. Эпштейн

Борьба с экстремизмом и проблемы обеспечения свободы совести и вероисповедания в многоконфессиональной России

Руководители Российской Федерации не раз отмечали, что стремительный рост экстремизма угрожает сохранению многовековых традиций межнационального и межконфессионального согласия в стране. Борьба с экстремизмом призвана гарантировать плюрализм, сохранение атмосферы гражданского согласия. Однако накопленный к настоящему времени опыт свидетельствует, что порой происходит прямо обратное: борьба с экстремизмом зачастую наносит урон конфессиональному плюрализму, ставя под сомнение гарантированные Конституцией права на свободу совести и вероисповедания.

Ключевые слова: свобода совести, религиозная терпимость, межконфессиональная толерантность, неправомерный антиэкстремизм, социология права, новейшая история России.

В последние годы борьба с экстремизмом занимает все более заметное место на политико-правовой «повестке дня» российского общества, причем данная проблема привлекает к себе внимание не только прокуратуры и судей, но и высшего руководства страны. Выступая 23 мая 2011 г. на совещании с участием руководителей правоохранительных и силовых ведомств, полномочных представителей президента в федеральных округах и ряда глав субъектов Федерации, Президент РФ Д.А. Медведев отметил: «Не буду еще раз повторять, сколь опасен экстремизм для нашей мно-

гонациональной и многоконфессиональной страны. Для снижения уровня этой угрозы в последнее время был предпринят целый ряд действий, в соответствии с моими поручениями реализуется план противодействия экстремизму на период с 2010 по 2012 годы. ... Особую тревогу вызывает рост экстремизма в молодежной среде, потому что это наиболее опасные проявления экстремизма и, к сожалению, это связано с нашим будущим» [17].

Д.А. Медведев выразил мнение о том, что, «делая акцент на превентивных мерах, нужно умело использовать все предусмотренные законом полномочия, естественно, жестко пресекая любые явления экстремизма. И это уже прямая задача правоохранительных структур. ... Безнаказанными такого рода преступления оставлять нельзя. Они должны порождать юридическую ответственность» [Там же]. Значимость задачи противодействия экстремизму в системе приоритетов правоохранительных органов нашла свое выражение в Указе Президента № 248 от 1 марта 2011 г., в соответствии с которым в рамках реформы Министерства внутренних дел статус Департамента по противодействию экстремизму был повышен до одноименного Главного управления.

При этом публикуемые данные свидетельствуют о непрекращающемся росте преступлений т.н. экстремистской направленности, хотя они по-прежнему составляют мизерную часть от общего числа регистрируемых нарушений законности. Речь идет о преступлениях, предусмотренных ст. 280 Уголовного кодекса (УК) РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), ст. 282 УК («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), ст. 282.1 УК («Организация экстремистского сообщества») и ст. 282.2 УК («Организация деятельности экстремистской организации»). Согласно данным, приведенным в докладе министра внутренних дел Р.Г. Нургалиева, «за последние шесть лет уровень экстремистских проявлений в целом по стране возрос в пять раз: со 130 преступлений в 2004 году до 656 – в 2010» [Там же].

В августе 2011 г. правительство внесло в Государственную Думу новый пакет дополнений к «антиэкстремистскому» законодательству. В пояснительной записке к законопроекту указано, что «в настоящее время экстремистская деятельность представляет собой одну из наиболее опасных угроз конституционному строю и безопасности государства» [18]. Если предлагаемый законопроект о добавлении в Уголовный кодекс статьи 282.3 будет принят, то финансирование «экстремистской деятельности» станет уголовно наказуемым, за это можно получить до трех или даже до шести лет тюрьмы. Избежать уголовной ответственности можно будет в случае «своевременного сообщения» органам власти или пресечения финансируемого преступления и деятельности экстремистской организации [Там же].

Президент РФ Д.А. Медведев выразил убежденность в том, что «более активной должна быть профилактика экстремизма и прежде всего работа в высших учебных заведениях, в школах. Опять же, по понятным причинам. Наша страна обладает уникальным опытом взаимодействия между различными народами и взаимодействия между различными культурами» [17]. Это положение представляется принципиально важным: третий президент Российской Федерации отмечал, что этнокультурный плюрализм должен быть залогом распространению экстремистских идеологий в стране. Об этом же говорил и министр внутренних дел Р.Г. Нургалиев: «Наша страна – евразийская, многонациональная. На ее территории проживает более 180 этнических общностей, представлены все основные религии. Опыт Российской Федерации в плане сохранения многовековых традиций межнационального согласия в нашей стране уникален. Однако в последние годы угрозой XXI века, вызывающей особую тревогу не только в современной России, но и во многих зарубежных государствах, становится стремительный рост экстремизма» [17]. Подчеркнем: министр внутренних дел, как и президент, видят в росте экстремизма угрозу этническому и конфессиональному плюрализму, на протяжении столетий являющихся отличительными чертами общественно-политической жизни России. Как следствие, именно борьба с экстремизмом должна гарантировать этнический и конфессиональный плюрализм, сохранение атмосферы гражданского согласия в стране.

Однако накопленный к настоящему времени опыт свидетельствует, что порой происходит прямо обратное: борьба с экстремизмом зачастую наносит урон конфессиональному плюрализму, ставя под сомнение гарантированные ст. 28 Конституции свободу совести, свободу вероисповедания, включая право не исповедовать никакой религии, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Очевидно, что государство стремится поставить заслон распространению идей и ценностей, угрожающих общественной безопасности, в том числе и тогда, когда эти идеи укоренены в текстах религиозной направленности. Проблема, однако, состоит в том, что те или иные призывы, подстрекающие к насилию, равно как и утверждения, отрицающие равенство прав и обязанностей граждан вне зависимости от их национальности, вероисповедания, гендерной идентичности и сексуальной ориентации, в большом количестве представлены в священных книгах и текстах священнослужителей всех без исключения конфессий. Избирательные преследования приверженцев отдельных религиозных движений, а также запрет распространения текстов, которые они считают сакральными, приводят к существенным ограничениям свободы совести, подрывают

веру значительного числа граждан в справедливость и беспристрастность правоохранительных и судебных органов, способствуют формированию чувства отчуждения различных групп общества от государства.

Свидетели Иеговы – пацифисты или экстремисты?

Наиболее массовой атаке подверглась организация «Свидетели Иеговы». Налицо неоднократное применение антиэкстремистского законодательства по отношению к верующим, которых невозможно заподозрить в причастности к деятельности, наносящей ущерб безопасности государства и общества. Так же, как и представители большинства христианских церквей, члены организации «Свидетели Иеговы» считают, что их вероучения основываются на Библии. Они называют себя христианами, говоря, что они осуществляют возврат к учению и религиозной практике первых христианских общин. Среди особенностей религиозных воззрений «Свидетелей Иеговы» можно отметить отрицание учения о Троице, поклонение исключительно Богу (поклонение святым, иконам, молитвы кому-либо, кроме Бога, а также участие в патриотических церемониях и празднованиях, на которых воздается особая честь человеку, рассматриваются как явное или скрытое идолопоклонство), отрицание учений о бессмертии души, а также полный отказ от участия в политике и военном деле, включая участие в деятельности предприятий, непосредственно связанных с вооруженными силами, как и полный отказ от переливания крови. Доктрина «Свидетелей Иеговы» может нравиться, а может нет, но совершенно очевидно, что она не наносит ущерба миру и стабильности в обществе.

Несмотря на это, в ряде регионов местные организации «Свидетелей Иеговы» подвергаются преследованиям со стороны силовых структур именно в рамках реализации последними своих полномочий по борьбе с экстремизмом. В Свердловской области в мае 2008 г. было вынесено «антиэкстремистское» предупреждение местной организации «Свидетелей Иеговы», а в июне там же было возбуждено уголовное дело по ст. 282 УК. Одновременно прокуратура потребовала признать экстремистскими издания организации. В июле того же года начался процесс по ликвидации общины «Свидетелей Иеговы» в Таганроге. Поводом для иска стали два неоспоренных «антиэкстремистских» предупреждения, вынесенных организации в конце 2007 г. Одновременно стало очевидно, что зачастую даже обычный административный произвол применительно к «чужим религиям» теперь преподносится как «борьба с экстремизмом». Ярким примером этого стало вынесение антиэкстремистского предостережения нескольким собственникам за то, что те собирались предоставить представителям «Свидетелей Иеговы» помещения для проведения богослужений.

В 2009 г. антиэкстремистская кампания против этой организации продолжилась и расширилась. 11 марта 2009 г. прокурор Краснодарского края обратился в Первомайский районный суд Краснодара с заявлением о признании экстремистскими материалами стандартных изданий «Свидетелей Иеговы», распространяемых во всем мире, – трех журналов «Сторожевая башня» и книги «Приближайся к Иегове»¹. Главный эксперт Экспертно-криминалистического центра ГУВД по Краснодарскому краю Сергей Федяев усмотрел в представленных ему текстах призывы к насилию, возбуждение религиозной вражды и розни, а также унижению человеческого достоинства. Нелепость интерпретации С.М. Федяевым религиозных текстов видна уже в том, что призыв к насилию он увидел в пророчестве о конце света. Суду были представлены и другие экспертизы, подготовленные гораздо более квалифицированными специалистами, но «Свидетелям Иеговы» не удалось добиться закрытия дела. В конце концов, дело перекочевало в Ростовский областной суд, который 11 сентября 2009 г. принял беспрецедентное решение, признав экстремистскими сразу 34 материала «Свидетелей Иеговы» и постановив ликвидировать Таганрогскую организацию как экстремистскую. Интересно, что в деле по обвинению в экстремизме фигурировал и запрет на переливание крови – наиболее серьезная из претензий, предъявляемых «Свидетелям Иеговы», но не имеющая никакого отношения к определению экстремизма. Полная бездоказательность обвинения оставляла надежду на успешную кассацию. Однако 8 декабря 2009 г. Верховный суд РФ полностью утвердил ростовский приговор. Тем самым религиозная организация «Свидетелей Иеговы» «Таганрог» официально была признана экстремистской, со всеми вытекающими из этого последствиями. При этом когда в марте 2009 г. прокуратура Самарской области направила в Областной суд аналогичные иски о ликвидации религиозных организаций «Свидетелей Иеговы» в Самаре и в Тольятти, то требования прокуратуры были отклонены.

В начале 2009 г. в Екатеринбурге специалист криминалистической лаборатории регионального оперативно-технического отдела УФСБ по Свердловской области С.А. Мочалова обнаружила признаки экстремизма в текстах «свидетелей». Правда, специфика экспертизы С.А. Мочаловой состоит в том, что основной ее объем был посвящен доказательству того факта, что учение Свидетелей Иеговы отличается от ортодоксального христианского учения. В сущности, других оснований для своего вывода эксперт не нашла.

¹ По данным, приводимым на сайте «Свидетели Иеговы в России», журнал «Сторожевая башня» издается около 130 лет и в настоящее время выходит на 194 языках [11].

28 сентября 2009 г. началось рассмотрение иска о запрете литературы «Свидетелей Иеговы» в Горно-Алтайске. Основывалось оно на экспертизе, подготовленной на сей раз штатскими экспертами – тремя сотрудниками Кемеровского государственного университета. Эксперты усмотрели экстремизм в том, что в рассматриваемых текстах «создается отрицательный образ христианских священнослужителей в целом – как социальной группы», а также можно увидеть «побуждение к отказу от исполнения гражданских обязанностей, связанных с военной службой». «Прокуратуре следовало усомниться в том, что такого рода обвинения можно счесть подходящими под данное в законе определение экстремизма», – справедливо отмечал А.М. Верховский [7, с. 112–113]. Однако, несмотря на это, 1 октября 2009 г. суд принял решение запретить 18 материалов из 29, т.к. остальные уже были запрещены незадолго до этого ростовским судом. 10 января 2010 г. Верховный суд Республики Алтай окончательно утвердил решение о запрете этих 18 материалов.

Горно-Алтайская организация «Свидетелей Иеговы» была запрещена за экстремизм в октябре 2009 г., а через год – 20 октября 2010 г. – началось судебное рассмотрение дела по ч. 1 ст. 282 («Возбуждение религиозной ненависти») УК РФ в отношении ее руководителя Александра Калистратова. Уникальность этого суда состояла не только в том, что это был первый уголовный процесс в отношении конкретного последователя «Свидетелей Иеговы», но и в том, что до сих пор претензии прокуратуры к религиозной литературе «Свидетелей Иеговы» не рассматривались по существу с участием представителей авторов и издателей. 14 апреля 2011 г. по делу А. Калистратова городским судом Горно-Алтайска судьей Мариной Соколовской был вынесен оправдательный вердикт за отсутствием состава преступления [1]. 25 апреля 2011 г. прокуратура Республики Алтай подала в Верховный суд республики кассационное представление на оправдательный приговор. 26 мая 2011 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Алтай отменила вынесенный Горно-Алтайским городским судом оправдательный приговор и направила дело на новое рассмотрение в тот же суд в новом составе.

22 июня 2011 г. в городском суде Горно-Алтайска началось повторное рассмотрение дела Александра Калистратова. В ходе прений сторон 13 октября 2011 г. государственный обвинитель Булат Яимов потребовал приговорить А. Калистратова к 140 часам обязательных работ в связи с тем, что «вина Калистратова в возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства по признакам отношения к религии, выполненном публично с использованием средств массовой информации, нашла свое подтверждение в суде». Второй государственный обвинитель

в ходе прений сообщил суду, что преступление, вменяемое Калистратову, относится к преступлениям против государства [10].

Приговор был оглашен 3 ноября 2011 г. Горно-Алтайский городской суд признал Александра Калистратова виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, и назначил ему наказание в виде 100 часов обязательных работ. Данный приговор был первым обвинительным приговором по ст. 282 УК РФ, вынесенным в России в отношении представителя «Свидетелей Иеговы». 14 ноября 2011 г. приговор был обжалован в кассационном порядке в Верховном суде Республики Алтай, который 22 декабря 2011 г. отменил обвинительный приговор по делу Калистратова «за отсутствием состава преступления» [4]. Так закончилось совершенно бессмысленное дело, рассматривавшееся более года в четырех судебных инстанциях. В организациях «Свидетелей Иеговы» в разных странах состоят более семи миллионов человек. Согласно данным самой организации, в России «в библейской просветительной деятельности Свидетелей Иеговы» принимают участие более 162 тыс. человек [9]. Абсурдный и изнурительный суд над Александром Калистратовым, очевидным образом, был оскорбительным для многочисленных приверженцев данного мировоззрения. Вместо того, чтобы выполнять цели, которыми обусловлена борьба с экстремизмом, – способствовать поддержанию межконфессионального согласия и гражданского спокойствия, данное судебное преследование способствовало нагнетанию страстей и усилению напряженности.

Преследования в отношении представителей организации «Свидетелей Иеговы» в России, которые начались еще в 1996 г., наносят ущерб и международно-правовому авторитету государства. 20 апреля 1998 г. прокурор Северного административного округа Москвы направил в суд представление о ликвидации религиозной общины «Свидетелей Иеговы» в г. Москве и запрете ее деятельности. 23 февраля 2001 г. судья Головинского суда Елена Прохорычева, ознакомившись с результатами экспертного заключения, отказала прокурору в удовлетворении требований, указав в решении, что для ликвидации и запрета деятельности религиозной общины нет никаких оснований. Прокурор обжаловал это решение, и было назначено новое слушание. Повторное разбирательство длилось почти три года, и 26 марта 2004 г. судья того же суда Вера Дубинская постановила запретить деятельность организации «Свидетели Иеговы» в Москве. 16 июня 2004 г. Московский городской суд утвердил решение суда нижестоящей инстанции о запрете деятельности организации «Свидетели Иеговы» в Москве и о лишении их статуса юридического лица. Запрет и ликвидация вступили в силу немедленно. Это решение было обжаловано в Европейском суде по правам человека, который

обнародовал решение по этому делу 10 июня 2010 г. Семеро судей единодушно признали ликвидацию религиозной общины «Свидетелей Иеговы» в г. Москве и запрет ее деятельности незаконными и нарушающими основные права человека на свободу мысли, совести и религии. Опровергнув все доводы российской стороны и признав, что имело место нарушение ст. 9 («Свобода мысли, совести и религии») и ст. 11 («Свобода собраний и объединений») Европейской конвенции по правам человека, суд подчеркнул, что Российская Федерация должна принять меры «для прекращения установленного Европейским судом нарушения и возмещения насколько возможно последствий такого нарушения» [13].

Несмотря на вердикт ЕСПЧ, а также решения ряда российских судов, беспричинные преследования членов организации «Свидетели Иеговы» продолжаются. 14 февраля 2012 г. в Йошкар-Олинском городском суде прошло уже третье заседание по уголовному делу в отношении Максима Калинина, а в Чите 26 января 2012 г. суд приступил к исследованию книг, изъятых в ходе обысков на квартирах верующих. Уголовное дело по ч. 1 ст. 282 УК РФ в отношении членов организации «Свидетели Иеговы» Андрея и Люции Раитиных было возбуждено 7 февраля 2011 г., после чего прошли обыски в тринадцати квартирах, где проживают члены этой организации. Основанием для таких действий властей стал предполагаемый факт распространения супругами религиозной книги «Чему на самом деле учит Библия?». Эта книга, переведенная более чем на двести языков, свободно распространяется во всех странах мира, предоставляющих своим гражданам свободу совести, однако в России решением Ростовского областного суда от 11 сентября 2009 г. внесена в список экстремистских материалов (позиция № 510). Все это не только подрывает доверие к России в Европейском суде, но и ослабляет доверие россиян к государственным институтам, нанося урон ценностям веротерпимости, на которых только и может основываться гражданский мир в стране.

Не только «Свидетели Иеговы» стали объектом антиэкстремистского давления. В 2008 г. предупреждение о недопустимости экстремистской деятельности получили московские баптисты, которых раньше никто не рассматривал в контексте угрозы общественной безопасности.

Внутриисламские споры в судах общей юрисдикции

Определенную тревогу вызывает отчетливо наметившаяся тенденция использовать антиэкстремистское законодательство для разрешения сугубо религиозных споров внутри ислама. Так, например, сам факт выступления в пользу ваххабизма не раз фигурировал в уголовных обвинениях. Ваххабизм, являющийся, в частности, официальной идеологией

Саудовской Аравии, построен на борьбе за очищение ислама от различных чуждых, с точки зрения приверженцев этой идеологии, ему примесей, основанных на культурных, этнических или каких-то других особенностях тех или иных мусульманских народов.

Мухаммад ибн Абд-аль-Ваххаб (1703–1792) полагал, что настоящий ислам практиковался только первыми тремя поколениями последователей пророка Мухаммеда, и протестовал против всех последующих инноваций, считая их привнесенной извне ересью; его последователи разделяют эту идеологию. На протяжении всей истории своего существования ваххабизм подвергается серьезной критике внутри исламского мира за присутствие ему нетерпимость к чужим взглядам, излишнюю строгость нравов и негибкость. Первыми противниками нового течения стали собственный отец и брат (сам исламский богослов и кади) Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба, осудившие и не принявшие его учения. Вопрос, однако, состоит в том, служит ли интересам гражданского мира вмешательство судов светского государства во внутриконфессиональные споры подобного рода.

Решением Бугурусланского городского суда Оренбургской области от 6 августа 2007 г. «Книга единобожия» Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба была объявлена экстремистской и запрещена, после чего самого обвинения в ваххабизме стало достаточным для вынесения обвинительного приговора. В частности, такое обвинение фигурировало в приговоре имаму Саиду Байбурину, вынесенном 16 апреля 2008 г. Орджоникидзевским районным судом Уфы. Байбурин был признан виновным в публичных призывах к экстремистской деятельности (ч. 1 ст. 280 УК РФ) и приговорен к полутора годам лишения свободы в колонии общего режима. Сам запрет религиозного трактата XVIII в. спустя два с половиной столетия после его создания (он был включен в Федеральный список экстремистских материалов, позиция № 75) – действие очень спорное, как и запрет биографии его автора: книга «Жизнь шейха Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба и правда о его религиозном призыве» была объявлена экстремистской тем же судом в ходе того же заседания, после чего также была включена в список запрещенной к распространению литературы (позиция № 77).

Данное решение было принято единолично судьей М.В. Рябчиковой, которая обосновала его следующим образом: «По заключению религиозно-экспертной экспертизы от 27 февраля 2006 года, “Книга единобожия” содержит элементы ваххабитского толка, нетрадиционного для большинства мусульман, в особенности для мусульман приволжского региона... По заключению психолингвистической экспертизы от 5 июня 2006 года, ...“Жизнь шейха Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба...” – текст брошюры способствует формированию внешне направленной открытой агрессии по отношению к

представителям других философских направлений вследствие повышенной эмотивности текстов, ритмических характеристик текста и семантических структур, стимулирует активность и агрессивное поведение описанием наличия врага, необходимости борьбы ради идеи и конкретным примером жизнеописания идеализируемой личности» [12]. Другой аргументации в решении суда о запрете этих не приводится. Понятно, что при таких требованиях можно запретить все книги серии «Пламенные революционеры» и едва ли не половину книг, вышедших в серии «Жизнь замечательных людей». Претензия же, гласящая, что та или иная книга содержит элементы какого-либо толка, нетрадиционного для большинства представителей той или иной конфессии определенного региона («большинства мусульман, в особенности для мусульман приволжского региона»), в принципе противоречит положениям действующего законодательства, согласно которым материал, признанный экстремистским, автоматически включается в единый федеральный список, после чего его распространение запрещено на всей территории страны, вне зависимости от того, что традиционно более, а что менее на той или иной территории.

Самым массовым случаем спорного (а по мнению ряда экспертов, неправомерного) применения антиэкстремистских статей УК является применение ст. 282.2 в отношении членов (реальных или предполагаемых) организации «Хизб ут-Тахрир». Порой жертвами борьбы с исламским экстремизмом оказываются и организации, в принципе никакого отношения к нему не имеющие. Примером того, как возникают такие санкции, может служить инцидент с обвинением в экстремизме историко-правозащитного общества «Мемориал». В феврале 2006 г. общество получило предостережение о недопустимости экстремистской деятельности за публикацию на своем веб-сайте заключения муфтия Нафигуллы Аширова на четыре брошюры «Хизб ут-Тахрир». Н. Аширов не усмотрел в этих текстах ни призывов к насилию, ни возбуждения религиозной и национальной ненависти. Впрочем, Н. Аширов не высказывался в поддержку «Хизб ут-Тахрир» и даже не цитировал их документы. Если он был и не прав, то сам его текст не призывал ни к каким действиям и не оправдывал каких-то экстремистских действий. Таким образом, экстремистской деятельностью московская прокуратура де-факто сочла просто выражение несогласия с Верховным судом. Н. Аширов и общество «Мемориал» пытались оспорить предостережение, но проиграли в суде.

Большой резонанс вызвала история с попыткой признания экстремистским веб-сайта «Ислам как он есть», связанного с одной из мечетей Самары. Сайт был закрыт только за то, что на нем была размещена статья А. Али-заде «Праздник Навруз и исламская доктрина», в которой утвер-

ждалось, что, согласно шариату, мусульманам запрещается отмечать этот древний иранский праздник. Навруз – праздник нового года по солнечному календарю у иранских и тюркских народов, отмечаемый в дни, на которые приходится весеннее равноденствие. На территории Ближнего Востока Навруз празднуется только представителями тех народов, которые проживали там до прихода арабов, распространения ислама и возникновения Арабского Халифата. Соответственно, Навруз не празднуется арабами в Ираке и Сирии. В Турции с 1925 по 1991 г. официально празднование Навруза было запрещено. Российский суд счел этот сугубо богословский вопрос заслуживающим административного преследования и в марте 2008 г. признал весь сайт экстремистским материалом [3]. 25 августа состоялось заседание Судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда по кассационной жалобе на предмет законности либо незаконности признания сайта экстремистским. Суд постановил отменить принятое ранее решение и вернуть дело на рассмотрение суда первой инстанции в ином составе [15]. 14 апреля 2009 г. судья Самарского районного суда города Самары Ольга Кривицкая отказала в иске прокурору о признании экстремистским интернет-ресурса «Ислам как он есть» и статьи «Праздник Навруз и исламская доктрина». 15 июня 2009 г. Самарский областной суд отказал в удовлетворении кассационного представления прокурора, не согласившегося с решением районного суда города. Решение Самарского областного суда вступило в законную силу немедленно после его провозглашения. И здесь, как и в деле А. Каллистратова, вопрос, который в принципе не должен был стать предметом судебного заседания, четырежды рассматривался судами разных инстанций, а вынесенное в итоге адекватное решение едва ли могло компенсировать урон, нанесенный вере общества в право на свободное распространение мнений, в том числе и по спорным теологическим вопросам.

10 апреля 2008 г. было запрещено как экстремистское движение «Нурджулар», которое фактически не существовало в России как реальная организация, но люди, которые могут быть названы ее последователями, в России есть. Под названием «Нурджулар» выступают разные конкурирующие группы последователей турецкого богослова Саида Нурси (1876–1960), книги которого по неизвестным причинам объявлены экстремистскими решением Коптевского районного суда САО г. Москвы от 21 мая 2007 г. (позиции №№ 45–58 в Федеральном списке). Это решение было принято районным судом, несмотря на отправленное в его адрес 8 мая 2007 г. письмо Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукиным, в котором он отмечал: «По моему поручению специалисты (религиоведы и юристы) Отдела по защите свободы совести моего

рабочего аппарата изучили и проанализировали содержание всех выше упомянутых материалов и пришли к однозначному заключению, что представленные в суд 14 книг и брошюр Саида Нурси являются религиозно-назидательной литературой. В их основе – разъяснение и толкование смысла и содержания сакральных обязанностей мусульманина перед Аллахом, изложенных в Коране, призыв воспитать в себе внутреннюю религиозную убежденность и веру в спасительные истины и принципы ислама. В книгах и брошюрах нет какого-либо противопоставления граждан по признаку их мировоззренческого выбора (религиозного или нерелигиозного) и уж тем более – призывов к религиозной вражде и нетерпимости. Речь идет исключительно о религиозно-мировоззренческих ценностях и убеждениях и о необходимости для верующего человека понимать их, сохранять и отстаивать». Суд, однако, мнение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации проигнорировал.

14 декабря 2009 г. прокуратура Москвы сообщила о вынесении предостережений о недопустимости экстремистской деятельности главному редактору газеты «Известия» за публикацию в феврале 2009 г. статьи депутата Государственной Думы РФ Сергея Маркова, в которой позитивно оценивался Фетхуллах Гюлен, неформальный лидер современных нурсистов. Удивительно не только то, кому были вынесены предостережения, но и за что. Что бы ни думать о «Нурджулар» и Ф. Гюлене, одобрение деятельности последнего никак не подпадает под определение экстремизма. Ведь закон запрещает только упоминать запрещенную организацию без упоминания запрета, чего в статье не было, или одобрять терроризм, но Ф. Гюлен и нурсисты не имеют отношения к терроризму.

Более того, Ф. Гюлен выступает за межконфессиональный диалог и веротерпимость, о чем неоднократно говорил, например, в своем интервью одной из казахстанских газет: «Мое представление о диалоге между различными конфессиями и цивилизациями берет начало, во-первых, в священном Коране и Сунне пророка Мухаммеда, во-вторых, в многовековом опыте иджтихадов, то есть канонических предположений и выводов ученых-богословов по различным аспектам жизни, не имеющих прямых оснований в Коране и Сунне, в-третьих, почти что в 1400-летней истории ислама. Благоутерпимость означает прежде всего любовь к роду человеческому как самому совершенному и возвышенному творению Господа, во-вторых, проявление дружелюбия к другим, в-третьих, принятие различий такими, какие они есть, принятие каждого таким, каков он есть, принятие и уважение мировоззрения, религиозных взглядов других и невмешательство в них. Нет ничего странного в том, что у людей могут быть разные мнения и взгляды, но это никак не может и не должно вести к разногла-

сиям, неурядицам и конфликтам. Следует быть откровенным, понятие благотерпимость проистекает не из моих каких-то сугубо личностных убеждений или чувств или же мягкости моего характера, оно берет начало в неизменных источниках ислама. Непреложные божественные истины побуждают к благотерпимости, диалогу, сдержанности, компромиссу. Принципы ислама обладают множеством аргументов, поддерживающих идею диалога. Поэтому этот подход, подразумевающий диалог и благотерпимость, не дань моде, является не чем-то временным, преходящим, а, наоборот, постоянным, так как в своей основе имеет непреходящие, неизменные принципы и заповеди, зафиксированные священным Кораном и Сунной. ...Согласно моему глубокому убеждению, межконфессиональный диалог является на сегодня единственным путем донесения другим по-настоящему светлого лика ислама, соответствующего его настоящей природе, его сути и сущности» [8].

Необычайно сложно понять, почему положительный отклик о человеке, имеющем подобные гуманистические взгляды, является проявлением экстремизма. Представляется, что именно эти взгляды являются квинтэссенцией антиэкстремистской идеологии межконфессионального уважения и гражданского согласия.

Суд над индуизмом в Томске

30 июня 2011 г. прокурор Томска Виктор Федотов обратился в суд с иском о признании экстремистским материалом издания на русском языке книги «Бхагавад-гита как она есть».

«Бхагавад-гита» («Божественная песнь») – религиозно-философская поэма, которая входит в великий индийский эпос «Махабхарата». Поэма – один из самых знаменитых текстов древней индуистской литературы. Она построена как беседа между двумя героями эпоса – витязем Арджуной и его колесничим Кришной – перед началом великой битвы. Кришна вдохновляет Арджуну на битву во имя справедливости. Идеи, сформулированные в книге, легли в основу религиозной и нравственной доктрины современного индуизма. Основной идеей произведения является мысль о том, что душа вечна и обладает неразрушимой природой, а тело дается человеку на время. Книга также дает описание основных разновидностей йоги. Она была переведена на множество языков, включая русский.

Различные переводчики и комментаторы трактовали «Бхагавад-гиту» по-разному. Трактовки обычно зависели от того, к какому религиозному течению принадлежал автор. Объектом преследования томской прокуратуры стала одна из редакций книги – «Бхагавад-гита как она есть», русскоязычная версия перевода «Бхагавад-гиты» с санскрита на английский,

который был сделан в 1960-е гг. Бхактиведантой Свами Прабхупадой, основавшим в 1966 г. в Нью-Йорке религиозную организацию «Международное общество сознания Кришны». Первое издание «Бхагавад-гиты как она есть» на английском языке было опубликовано в 1968 г. в Нью-Йорке издательством «Macmillan Publishers». В 1972 г. вышло полное издание книги с подлинными санскритскими текстами и с предисловием американского индолога Эдварда Димока. В том же году кришнаитами было основано международное издательство «Бхактиведанта Бук Траст», которое с тех пор и осуществляет публикацию «Бхагавад-гиты как она есть». Книга была переведена на более чем 80 языков и издана тиражом более 100 млн экземпляров. «Бхагавад-гита как она есть» – единственное широко распространенное в России издание «Бхагавад-гиты»; другие переводы известны только специалистам.

Судебный процесс был начат на основании того, что в книге, по мнению прокуратуры города Томска, содержатся «признаки разжигания религиозной ненависти, унижения достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии». В ходе судебного заседания, состоявшегося 12 августа 2011 г., представитель прокуратуры признала, что ей не известны факты совершения каких-либо преступлений, связанные с «Бхагавад-гитой как она есть», и что заявление в суд было подано с целью «предотвратить возможные преступления экстремистского характера» в будущем.

Сообщения о намерении прокуратуры признать книгу экстремистской и о судебном процессе по этому делу вызвали крайне негативную реакцию в Индии и были расценены как нарушение прав индуистов. Ряд парламентариев потребовал, чтобы правительство страны немедленно защитило права последователей индуизма в России. По этому вопросу выступили и индийские дипломаты; так, посол Индии в России А. Малхотра назвал этот процесс «абсурдом, граничащим с фарсом». Вынужденный оправдываться, официальный представитель МИД РФ Александр Лукашевич 22 декабря 2011 г. заявил, что проблема не в самой великой индийской религиозно-философской поэме «Бхагавад-гита», а в ее двойном переводе, который, якобы, «грешит смысловыми искажениями». Каких-либо доказательств подобных искажений приведено не было. Осталось неясным, почему проблемы качества перевода являются предметом прокурорского реагирования.

28 декабря 2011 г. Ленинский районный суд Томска отказал в удовлетворении иска прокуратуры о признании экстремистской книги «Бхагавад-гита как она есть». Суд не нашел оснований для удовлетворения иска. К сожалению, 23 января 2012 г. прокуратура подала в Томский областной

суд апелляционную жалобу на это решение; возбуждено апелляционное производство, которое продолжается.

В отчете Центра «Сова» за 2009 г. указывалось, что «антиэкстремистское законодательство превратилось в мощнейший инструмент ограничения свободы совести» [7, с. 87]. Этот вывод, к сожалению, остается верным и поныне, несмотря на то, что суды во многих случаях демонстрируют способность действовать профессионально и беспристрастно, ограничивая чрезмерное служебное рвение представителей силовых структур в вопросах, о которых они имеют лишь самое поверхностное представление.

Дело «Фалуньгун»: Свердловская транспортная прокуратура на страже Коммунистической партии Китая

В конце 2008 г. стало известно, что 26 августа в Краснодарском крае Первомайским районным судом были признаны экстремистскими четыре материала движения «Фалуньгун»: русский перевод трактата о духовной практике «Фалуньгун», два информационных бюллетеня и даже русский перевод доклада канадских правозащитников Дэвида Мэйтаса и Дэвида Килгура об изъятии органов у практикующих «Фалуньгун» в Китае. Эти материалы были включены в Федеральный список экстремистских материалов (позиции №№ 296–298).

В строгом смысле слова «Фалуньгун» не является религией (отсутствуют храмы, богослужения, священнослужители), а представляет собой духовную практику, систему самосовершенствования, хотя нередко ее относят к числу новых религий. Хотя «Фалуньгун» возникла в 1980-е гг., уже к концу 1990-х гг. численность практикующих это учение в Китае исчислялось миллионами. Стремительный рост числа сторонников «Фалуньгун» застал китайские власти врасплох. За несколько лет в стране сформировалась организация, неподконтрольная органам коммунистической партии, имеющая в своих рядах, помимо простых граждан, значительное число членов компартии, руководящих работников государственных учреждений и военных. Фактически в стране появилось религиозное общество, во многих отношениях напоминающее секты времен монархического Китая. Власти развернули массовую кампанию по дискредитации «Фалуньгун». В печати стали появляться многочисленные публикации с критикой учения. В ответ сторонники «Фалуньгун» прибегли к акциям протеста, наиболее массовая из которых состоялась 25 апреля 1999 г.: в ней приняли участие более десяти тысяч человек, окруживших правительственную резиденцию Чжуннаньхай. Однако эта акция не изменила отношения правительства КНР к «Фалуньгун».

Наоборот, количество протестующих, продемонстрированная ими сплоченность, быстрота мобилизации, выбор объекта для пикетирования заставили власти пойти на решительные действия. Против последователей «Фалуньгун» был мобилизован репрессивный и административный аппарат, средства массовой информации. А 22 июля 1999 г. вышло постановление «О запрете Общества по изучению Фалуньгун». Основатель школы «Фалуньгун» Ли Хунчжи с 1998 г. проживает в Нью-Йорке.

В августе 2009 г. Свердловская транспортная прокуратура подала в Октябрьский районный суд Екатеринбурга иск о признании экстремистским материалом книги «Девять комментариев о коммунистической партии», изданной силами последователей «Фалуньгун». Примечательно, что предварительную экспертизу и в этом случае делала эксперт С.А. Мочалова. В отличие от своего заключения в деле «Свидетелей Иеговы», она не усмотрела никакого экстремизма в вероучительных текстах «Фалунь Дафа», но усмотрела экстремизм в книге, подвергающей жесткой критике репрессивную политику Коммунистической партии Китая. Поскольку никакой враждебности, кроме враждебности к Коммунистической партии Китая, в книге усмотреть невозможно, эксперт пришла к выводу, что книга возбуждает вражду и ненависть между китайцами, а также «между различными национальностями, а именно, со стороны русскоязычного населения (т.к. книга написана на русском языке) к китайцам, не являющимся членами организации «Фалуньгун», и поддерживающих китайское правительство» (орфография сохранена. – А.Э.) [7, с. 115]. 6 апреля 2010 г. Октябрьский районный суд Екатеринбурга в заседании под председательством судьи А.А. Евладовой отказался удовлетворить иск Свердловской транспортной прокуратуры о признании экстремистским материалом книги «Девять комментариев о коммунистической партии». Решение суда представляется справедливым (основа учения «Фалуньгин» – сочетание принципов истины, доброты и терпения – никак не тянет на «экстремизм»), и приходится лишь сожалеть о том вреде, который нанесло неуместное служебное рвение транспортной прокуратуры отношению к России со стороны значительного числа представителей китайской эмиграции и правозащитников.

Защищая право на атеизм

Первым судебным решением, которым по ст. 282 УК были осуждены музейные работники за деятельность атеистической направленности, стал приговор организаторам выставки «Осторожно, религия!», вынесенный 28 марта 2005 г. На выставке были представлены произведения современного искусства, обыгрывающие христианскую символику. Экспонаты

выставки были скрыты от зрителей перегородкой и были доступны для рассмотрения через небольшие отверстия в ней. После того, как выставка была разгромлена радикальными православными активистами, ее организаторы, обратившиеся в правоохранительные органы в надежде найти защиту от погромщиков, стали обвиняемыми в возбуждении религиозной и почему-то даже национальной (т.е. этнической) ненависти – к православным и к русским, соответственно [14]. Приговор был основан на экспертных заключениях, крайне идеологизированных и весьма далеких от принципов, традиционно считающихся самоочевидными для секулярного государства. Организаторы выставки Юрий Самодуров и Людмила Василовская были приговорены к штрафу в 100 тыс. рублей каждый. «Можно спорить о том, насколько оскорбительны были экспонаты выставки и насколько правомерным могло бы быть ее запрещение, но оскорбление религиозных чувств не образует состава преступления по ст. 282 УК», – справедливо указывал А.М. Верховский [5, с. 68]. В связи с этим приговором возникли подозрения, что он был мотивирован не только защитой чувств верующих, но и правозащитной деятельностью Центра и Музея им. А.Д. Сахарова, который в то время возглавлял Ю.В. Самодуров.

В июне 2007 г. было возбуждено аналогичное дело по ст. 282 по факту еще одной выставки в Музее им. А.Д. Сахарова – «Запретное искусство–2006». В мае 2008 г. обвинения в возбуждении религиозной и национальной ненависти были предъявлены организаторам выставки: известному правозащитнику Юрию Самодурову и не менее известному искусствоведу Андрею Ерофееву; оба обвинялись в богохульстве, а именно – в оскорблении христианской символики. Суд над организаторами выставки начался летом 2008 г., в июле 2010 г. Таганским районным судом оба были признаны виновными и приговорены к крупным штрафам. В начале октября 2010 г. Мосгорсуд признал законным обвинительный приговор, и он вступил в силу.

Среди авторов, чьи произведения были экспонированы на признанных «экстремистскими» выставках «Осторожно, религия» и «Запретное искусство», – самые известные в мире российские художники современности: Илья Кабаков, Александр Косолапов, Вагрич Бахчанян, Леонид Соков, Авдей Тер-Оганьян, Владислав Мамышев-Монро, Герман Виноградов, Олег Кулик, группы «Синие носы» и «Поп-графика» и др.

При этом до самого недавнего времени ни одна из экспонировавшихся на этих выставках работ не была признана «экстремистской». Однако в августе 2011 г. Жуковский районный суд Калужской области признал экстремистским материалом графическую работу с евангельским сюжетом Нагорной проповеди и Микки Маусом в роли Спасителя. Как сообща-

лось, жительница Тарусы Тамара Квитковская, просматривая в Интернете работы с выставки «Запретное искусство–2006», была оскорблена картиной художника Александра Савко «Нагорная проповедь» из серии «Путешествия Микки Мауса по истории искусства» (почему-то – только одной этой картиной). Выполненная как шелкография на металле, эта работа А.А. Савко представляет собой измененную гравюру Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда (1794–1872) со сценой Нагорной проповеди, где фигура Христа заменена на Микки Мауса. Сообщалось, что жительница Тарусы обратилась в прокуратуру, а та направила исковое заявление в суд. Последний в порядке заочного производства, не обращаясь ни к автору работы, ни к экспертам-искусствоведам, признал работу А. Савко экстремистским материалом. Александр Савко, которого не уведомили о начале судебного разбирательства, был лишен возможности защищать свое произведение, представлять свои доказательства и оспаривать доказательства прокуратуры. Он подал жалобу, и 13 октября 2011 г. решение о признании картины «Нагорная проповедь» из цикла «Путешествие Микки Мауса по истории искусства» было отменено; дело было направлено на новое рассмотрение. 21 декабря суд рассматривал «дело о Микки Маусе» в третий раз, и вновь признал картину экстремистской. Калужский областной суд 14 февраля 2012 г. огласил резолютивную часть апелляционного определения по жалобе А.А. Савко на решение Жуковского районного суда города Тарусы. Если в решении суда первой инстанции было указано на признание экстремистской графической работы художника, то областной суд внес дополнение: «Признать графическую работу, размещенную на сайте zdravomyslie.ru, экстремистским материалом». Таким образом, подчеркивается, что эта работа распространялась в сети Интернет. В остальной части решение оставлено без изменений, а апелляционная жалоба Савко без удовлетворения [16]. Согласно действующему законодательству, Министерство юстиции России должно внести картину художника в федеральный список экстремистских материалов. Плохо понятно, как именно власти собираются бороться с распространением картины: местонахождение картины не обнаружится (утверждается, что она находится за границей), а в Интернете она была воспроизведена на тысячах страниц, причем по факту именно репрессивные решения судов Калужской области становились катализаторами новых волн ее копирования и распространения гражданами, не готовыми признать право православных фундаменталистов на определение границ свободы интеллектуальной деятельности и художественного творчества. Интересно, что на выставке были представлены две работы А. Савко, составляющие единый цикл, но ко второй работе претензии выдвинуты не были.

Не менее громким скандалом стала попытка преследования телеканала «2x2», специализирующегося на показе анимационных фильмов для взрослых. Ранее канал неоднократно подвергался резкой критике со стороны различных религиозных организаций, которые пытались привлечь его к ответственности «за аморальность». «Но наиболее опасной для свободы выражения и свободы совести следует признать именно “антиэкстремистскую” атаку на канал», – отметили А.М. Верховский и безвременно ушедшая Г.В. Кожевникова [6, с. 87]. Началась она в марте 2008 г., в преддверии продления лицензии канала на вещание, в сентябре ряд религиозных лидеров обратились в Следственный комитет (тогда – при Генеральной прокуратуре) с требованием не только закрыть канал, но и возбудить уголовное дело, в первую очередь – в связи с показом телеканалом «2x2» мультсериала «Южный парк». Вскоре после этого депутат Мосгордумы Людмила Стебенкова обратилась к Генеральному прокурору с требованием лишить канал лицензии за трансляцию уже другого мультсериала – «Папский городок» («PopeTown»), в котором депутат усмотрела «экстремизм» и «религиозную ненависть».

Впрочем, эта атака на канал провалилась. 8 сентября 2008 г. Басманная межрайонная прокуратура города Москвы вынесла каналу предупреждение за один из выпусков сериала «Мультипликационные войны». Абсурдность этого акта прокуратуры вышла за все обычные пределы: дело в том, что в этом мультфильме в пародийном ключе обсуждается проблема религиозной политкорректности (в частности, вопрос, можно ли в мультфильме показывать пророка Мухаммеда), и положительные персонажи самого мультфильма ведут себя вполне корректно. Телеканал обжаловал предупреждение в суде. 2 июня 2009 г. Басманный суд Москвы отменил вынесенное каналу предупреждение о недопустимости экстремистской деятельности, а 28 августа 2009 г. Московский городской суд подтвердил это решение. Лицензия на частоту была продлена.

Многочисленные примеры, приводимые в настоящей статье, свидетельствуют о том, что компания по борьбе с экстремизмом нередко достигает целей прямо противоположных заявленным: вместо того, чтобы способствовать утверждению норм веротерпимости и межконфессиональной толерантности, она наносит ущерб реализации принципов свободы совести и вероисповедания. Антиэкстремистское законодательство превратилось в инструмент, который силовые структуры нередко используют для ограничения свободы совести.

Как показывает проанализированная в настоящей статье практика, суды весьма часто демонстрируют независимость и профессионализм, отказываясь видеть экстремизм там, где его нет, пусть им порой и при-

ходится рассматривать те или иные дела по четыре раза. Принятые судебные решения в Горно-Алтайске (защитившее права «Свидетелей Иеговы»), Самаре (защитившее портал «Ислам как он есть»), Томске (защитившее индуистов), Екатеринбурге (защитившее движение «Фалуньгун»), Москве (защитившее право художников-мультипликаторов на переосмысление, в том числе, и религиозной символики) и других городах, равно как и решение Европейского суда по правам человека по иску «Свидетелей Иеговы», должны быть внимательно изучены в прокуратуре, дабы исключить повторение подобных дел в будущем.

Необходимо также выработать внятные критерии правовой компетентности и подсудности, дабы исключить возможность повторения абсурдных ситуаций, подобных иску о запрете священной книги индуизма по иску прокуратуры города Томска или иску о запрете изданий китайских диссидентов, поданному бесконечно далекой от данной проблематики Свердловской транспортной прокуратурой. Не может существовать и сама возможность запрета религиозных книг в качестве экстремистских, ибо подобные запреты лишь выталкивают верующих из правового поля, создавая непреодолимые – и совершенно ненужные – стены между ними и органами государственной власти. Религиозные тексты, уже включенные в Федеральный список экстремистских материалов, должны быть исключены из него. Сам факт того, что священные для их последователей тексты предстают перед судом, глубоко задевает религиозные чувства миллионов людей, как в России, так и за ее пределами – и едва ли хоть кто-то сменит свои религиозные взгляды из-за того, что почитаемая им как святая книга будет объявлена экстремистской тем или иным районным судом в том или ином субъекте федерации.

Нравится нам это или нет, но факт состоит в том, что провозглашение исключительности по отношению к последователям других религий (а именно на этом, например, строилась обвинительная линия прокуратуры Томска, утверждавшей, что в тексте «Бхагавад-гиты как она есть» содержатся «формулировки, возвышающие последователей учения над представителями иных вероисповеданий») характерно для любой религиозной традиции. Профессор кафедры философии МГИМО А.Б. Зубов справедливо признал, что «ни одна религия не говорит о том, что другие религии ничем не хуже ее», т.к. в этом случае «бессмысленно было бы исповедовать эту религию»: «Например, христиане говорят, это можно найти в текстах, что тот, кто не будет верить в Иисуса Христа, тот не спасется. Разве это не исключительность христиан? В исламе тоже есть немало разговоров об исключительности мусульман в деле спасения. В иудаизме евреи и вовсе названы избранным народом. То же можно

сказать и про зороастризм. Адепты любой религиозной группы, даже отдельной конфессии внутри религии, всегда утверждают свою правоту. Протестанты относительно католиков, кальвинисты относительно лютеран, пятидесятники относительно других евангелистов и так далее...» [2]. Невозможно логически обосновать запрет «Свидетелей Иеговы», кришнаитов или учения Саида Нурси иначе, чем заботой о том, чтобы лояльные государству религиозные институции не растеряли часть своих прихожан. Данные соображения ни в коей мере не могут оправдать ограничения права на свободу совести и вероисповедания.

При этом необходимо помнить и о важности соблюдения права на «свободу от вероисповедания», ибо атеисты и агностики не менее верующих имеют право на свободу совести, которое государство должно гарантировать и им.

В конечном счете, именно уважая право каждого оставаться собой и верить в то, что ему кажется наиболее истинным, органы государственной власти внесут весомый вклад в построение в стране толерантного общества. В стране, да и в мире в целом, нет ни одной религии, которая бы нравилась всем, а потому для сохранения гражданского согласия и общественного спокойствия государство не должно отдавать приоритет одним религиозным воззрениям за счет других. Создать основы для гражданского мира можно только гарантируя право на свободу совести и вероисповедания всем жителям страны, верующим и атеистам.

Библиографический список

1. Алтайский суд оправдал главу отделения «Свидетелей Иеговы» // РИА «Новости». 14 апреля 2011 г. URL: <http://sibir.ria.ru/incidents/20110414/82067729.html> (дата обращения: 29.02.2012).
2. Бер И. Религиозное слово и экстремистское дело // РИА «Новости». 27 января 2012 г. URL: <http://ria.ru/analytics/20120127/550500315.html> (дата обращения: 29.02.2012).
3. Бондаренко А. «Ислам как он есть» признали экстремистским // Независимая газета. 2008. 11 марта.
4. Верховный суд Республики Алтай отменил обвинительный приговор старейшине иеговистов // «Интерфакс». 22 декабря 2011 г. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=43524> (дата обращения: 29.02.2012).
5. Верховский А.М. Антиэкстремистское законодательство и злоупотребления при его применении // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году: Сб. ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «Сова» / А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова, О.А. Сибирева. М., 2008.
6. Верховский А.М., Кожевникова Г.В. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2008 году // Ксенофобия,

- свобода совести и антиэкстремизм в России в 2008 году: Сб. ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «Сова» / А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова, О.А. Сибирева. М., 2009. С. 75–100.
7. Верховский А.М. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2009 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2009 году: Сб. ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «Сова» / А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова, О.А. Сибирева. М., 2010. С. 82–126.
 8. Гюлен Ф. «Я всем сердцем верю...» // Казахстанская правда. 2006. 15 сентября.
 9. Двадцатилетие официальной регистрации Свидетелей Иеговы в России: численный рост вопреки противодействию // Пресс-релиз «Свидетелей Иеговы в России». 30 марта 2011 г. URL: http://www.jw-russia.org/news/stpetersburg/release20110330_u.htm (дата обращения: 29.02.2012).
 10. Козлова Е. Прокурор требует приговорить главу алтайского отделения иеговистов к обязательным работам // РИА «Новости». 13 октября 2011 г. URL: <http://sibir.ria.ru/incidents/20111013/82155435.html> (дата обращения: 29.02.2012).
 11. Прокурор добивается блокирования официального сайта Свидетелей Иеговы // Пресс-релиз «Свидетелей Иеговы в России». 17 февраля 2012 г. URL: http://www.jw-russia.org/news/chita/release20120217_u.htm (дата обращения: 29.02.2012).
 12. Решение Бугурусланского городского суда по гражданскому делу № 2-554/07 от 6 августа 2007 г.
 13. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Jehovah's Witnesses of Moscow vs Russia» [«Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации»], жалоба № 302/02 от 10 июня 2010 г.
 14. Рыклин М. Свастика, крест, звезда. Произведение искусства в эпоху управляемой демократии. М., 2006.
 15. Сайт «Ислам как он есть» уже не экстремистский // Ислам и мусульмане в России и в мире. 29 августа 2008 г. URL: <http://www.islamnews.ru/news-14056.html> (дата обращения: 29.02.2012).
 16. Сайтам придется удалить признанную экстремистской картину с Микки Маусом // Новая газета. 14 февраля 2012 г. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/54132.html> (дата обращения: 29.02.2012).
 17. Совещание по вопросам противодействия экстремизму // Сайт президента Российской Федерации. 23 мая 2011 г. URL: <http://kremlin.ru/news/11308> (дата обращения: 29.02.2012).
 18. Солянская К. Донос спасет от экстремизма // Газета. 2011. 6 августа.

Агапов Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры новой истории и международных отношений, Тюменский государственный университет. E-mail: magapov74@gmail.com.

Закиров Ринат Саярович – соискатель кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова; инженер РОНЦ им. Н.Н. Блохина РАМН. E-mail: rinatz1978@gmail.com.

Запорожец Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ. E-mail: vmzaporozhets@gmail.com.

Калмыков Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры всеобщей истории и теологии МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: newlofty@mail.ru.

Локшина Ксения Николаевна – ассистент кафедры теории, истории государства и права и политологии факультета юриспруденции и политологии, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. E-mail: leona8484@mail.ru.

Сопленков Сергей Владимирович – кандидат исторических наук; учитель истории и обществознания, средняя общеобразовательная школа № 391 г. Москвы. E-mail: slenkoff@gmail.com.

Титов Игорь Валентинович – соискатель кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова; генеральный директор ООО «РегионСтройСервис». E-mail: Titovi1971@yandex.ru.

Хаустова Татьяна Юрьевна – аспирант кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: tu.zatravkina@gmail.com.

Эпштейн Алек (Александр) Давидович – доктор социологических наук; преподаватель отделения социологии, политологии и средств массовых коммуникаций, Открытый университет Израиля; преподаватель факультета социологии и политологии, Московская высшая школа социально-экономических наук. E-mail: alekdep@gmail.com.

M. Agapov

«We must play an effective role in the fate of Palestine»:
the Soviet policy in the Palestine issue
in 1944–1947

This article is based on the published and archival documents, and also on official UN reports. It considers the process of creating and putting into force the Soviet policy towards Palestine problems at the end of World War II and during the discussion of this issue on the First Special and Second sessions of UN General Assembly. In 1944–1947 the Soviet policy in the Palestine issue changed its position from demanding to establishing an international trusteeship over Palestine to support the plan of partition of Palestine. Such change made a significant contribution to creating the State of Israel.

Key words: Palestine issue, Middle East politics of the USSR, United Nations, Zionism, Israeli national hearth, creating the State of Israel.

A. Epstein

Fight against extremism
and the problems of maintenance
of freedom of consciousness and religion
in multi-confessional Russia

Leaders of the Russian government have pointed out a number of times that rapid rise of extremism threatens old traditions of international and inter-confessional partnership inside the country. Fight against extremism is supposed to guarantee pluralism and the atmosphere of civil unity. However, the present state of the situation and experience shows sometimes quite the contrary results: fight against extremism damages confessional pluralism and puts into doubt guaranteed Constitutional right of freedom of consciousness and religion.

Key words: freedom of consciousness, religious tolerance, cross-religious tolerance, unlawful anti-extremism, sociology of law, newest history of Russia.

V. Kalmykov

Duke of Burgundy Carl the Brave
as a military leader
and a general

The article is devoted to the military activity of the Duke of Burgundy Carl the Brave. It is focused on the organization and armament of the Burgundy army, its tactics in the battlefield. The reasons for defeat in the war with Switzerland confederation are defined.

Key words: Burgundy, Carl the Brave, Swiss infantry, Burgundy knights, Burgundy gendarmes.

T. Khaustova

Peculiarities
of medical maintenance
of regiments of aircraft of the distant action
in Stakhanovo settlement (Zhukovsky town)
Moscow Region during the Great Patriotic War

In the given article the author tells about peculiarities of medical maintenance of regiments of aircraft of distant action which were based on the airdrome of Flight-research institute in Stakhanovo settlement situated near Moscow (nowadays Zhukovsky town). The article discusses in detail the organization of the public health service, special medical maintenance of the flight structure, the organization of polyclinic and sanatorium treatment, and also personnel issues.

Key words: aircraft of distant action, medical maintenance, public health service, Stakhanovo settlement, Flight-research institute.

K. Lokshina

Traditions of studying of the basic concepts
of local government abroad

The article is devoted to the study of peculiar features of local government abroad. It also deals with the analysis of the terms “local government” and “local management” by foreign authors. The article underlines that essential signs of local government abroad are their universal selectivity and considerable independence in solving local problems.

Key words: local government, bodies of local governments, decentralization, Anglo-Saxon model of self-government, continental model of self-government.

S. Soplentkov

Oriental societies and Russia
in historical-philosophical concept by Adam Smith

On the basis of Adam Smith's "Lectures on Jurisprudence" and other sources the views of Oriental societies and Russia are presented. Also the author analyses the perception of these views in the Russian public thought of the second half of the 18th century using the works by S.E. Desnitsky and I.A. Tretyakov as an example.

Key-words: Adam Smith, Lectures on Jurisprudence, historical-philosophical concept, critics of Oriental despotism, S.E. Desnitsky, Russian public thought on the Orient, perception of A. Smith's concept in Russia.

I. Titov

Native historiography of Bashkir military units
as a part of Russian army
in Napoleon wars (1806–1814)

The article presents analysis of research of our country's authors of the issue of Bashkir military units and their part in Napoleon wars.

Key words: Russian-French war 1806–1807, war of 1812, foreign march of 1813–1814, Napoleon wars, Bashkir units, home guard of the third unit of Count P.A. Tolstoy, corpus of M.I. Platov, P.I. Bagration, battle of Borodino, Warsaw Dukedom, Polish army, Danzig siege, battle near Leipzig, seizure of Paris.

R. Zakirov

Reaction of the Russian society to the assassination
of Grand Duke Sergey Alexandrovich (1905)

Based on the analysis of memoirs, unpublished archival data (including the archives of the Police Department), as well as leaflets and materials of periodicals published after the assassination of Grand Duke Sergey Alexandrovich on February 4, 1905 by SR I.P. Kaliaev, shows the relationship of various strata of Russian society to the tsarist regime and the impact of this event on the subsequent course of the Russian history. The thesis that there was no popular support for the Tsarist regime in 1905 is supported by the author.

Key words: SRs, terrorism, I.P. Kaliaev, assault, Grand Duke Sergey Alexandrovich.

V. Zaporozhets

The formation of the Seljuks state in Khorasan

The article concentrates on analyzing the Seljuk's clan emergence and formation, its gaining of martial power and uprising on a political scene, war with the Ghaznavids for Horasan and foundation of the independent Seljuk state there.

Key words: Seldjuk, Subashi, Oğuz Yabguluğu, Seljuk's clan, Samanids, Transoxiana, Karahanids, Ghaznavids, Dandanakan battle, Seljuk state in Horasan, Caliph, Sultan Tugrul.

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Редакция расположена по адресу:
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 223.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 11-351 – главный редактор РИЦ Алексеева Алла Александровна, редактор Козаренко Лика Александровна.

E-mail: izdat_mgou@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2012.1

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 29.02.2012 г.
Подписано в печать 14.03.2012 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.